

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

2024 · ТОМ 68 · № 4 · ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

К 270-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

- Маслов А.А.* Классические традиции и новый импульс развития
ИСАА 5
- Сафронова А.Л., Шлыков П.В.* Историко-политологическое отделение ИСАА МГУ: достижения и перспективы 20
- Кириллина С.А., Смирнов В.Е., Черкасова Т.Д.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока: 80 лет на службе отечественной науки и высшего образования 36

ИСТОРИЯ

- Филимонова А.Л.* Этнонационализм и политика в современной Южной Азии: фактор Западного Панджаба (вопросы историографии) 50
- Акимцева А.А.* Влияние гендерного фактора на экономическое развитие Узбекистана в конце XX — начале XXI века 73
- Лю Т.* Восстановление китайско-советских дипломатических отношений в 1931–1932 годах: процесс и условия 81

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Стрижак У.П.* Вторичные актанты в японском предложении: падежное чередование и смена агентивного статуса (опыт корпусного исследования) 95

<i>Горбачева М.А.</i> Современный иврит в ретроспективе: между литературной нормой и реальностью	107
<i>Бахматова А.Д.</i> Основные темы русскоязычных исследований по китайской и японской иероглифике и иероглифической лексике второй половины XX — начала XXI века	117

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Стеженская Л.В.</i> Первый английский перевод средневекового китайского литературного трактата «Вэнь синь дяо лун»	126
<i>Лахути Л.Г.</i> Разговор с небом в поэме-маснави ‘Аттара «Мусибат-наме» и в «Шах-наме» Фирдоуси	140

ЭКОНОМИКА

<i>Голубев Д.А.</i> Сельское хозяйство Израиля: развитие и вызовы трагедии 7 октября 2023 года	153
<i>Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского Университета. Серия 13. Востоковедение» в 2024 г.</i>	164

CONTENTS

DEDICATED TO THE 270TH ANNIVERSARY OF MOSCOW UNIVERSITY

<i>Maslov A.A.</i> Classical traditions and a new impetus for the development of IAAS	5
<i>Safronova A.L., Shlykov P.V.</i> Studies in History and Politics in IAAS MSU: Achievements and Prospects	20
<i>Kirillina S.A., Smirnov V.E., Cherkasova T.D.</i> The Department of Near and Middle East History: 80 Years Serving Russian Science and Higher Education	36

HISTORY

<i>Filimonova A.L.</i> Ethnonationalism and Politics in Contemporary South Asia: The West Punjab Factor (Issues in Historiography)	50
<i>Akimtseva A.A.</i> The Impact of the Gender Factor on the Economic Development of Uzbekistan in the Late XX — Early XXI Century	73
<i>Liu T.</i> Restoration of Sino-Soviet Diplomatic Relations in 1931–1932: Process and Conditions	81

LINGUISTICS

<i>Strizhak U.P.</i> Peripheral Actants in the Japanese Sentence: Case Alternation and Change of Agentive Status (Experience in Corpus Study)	95
<i>Gorbacheva M.A.</i> Modern Hebrew in retrospect: Between the Literary Norm and Reality	107
<i>Bakhmatova A.D.</i> Main Themes of Russian-Language Research on Chinese and Japanese Ideographic Lexicon from the Second Half of the 20th to the Beginning of the 21st Century	117

LITERATURE

<i>Stezhenskaya L.V.</i> The First English Translation of the Medieval Chinese Literary Treatise <i>Wen Xin Diao Long</i>	126
---	-----

<i>Lahuty L.G.</i> The Conversation with the Sky in ‘Attar’s Masnavi Poem Musibat-Nameh and Ferdowsi’s Epic Poem Shah-Nameh	140
--	-----

ECONOMICS

<i>Golubev D.A.</i> Agriculture in Israel: Development and Hardships of Oc- tober 7th Tragedy	153
<i>The Index of Articles and Materials</i> published in the Lomonosov Orien- tal Studies Journal in 2024	164

К 270-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-1

КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И НОВЫЙ ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ ИСАА

А.А. Маслов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; amaslov@iaas.msu.ru*

Аннотация: ИСАА в течение десятилетий является флагманом подготовки специалистов по самому широкому спектру знаний, связанным с развитием Азии и Африки. ИСАА, безусловно, является символом и одновременно отражением всех этапов развития советского и российского востоковедения. Главная задача Института — сохраняя традиции классического востоковедения, отвечать на запросы сегодняшнего дня, предлагать востребованные, научно-обоснованные программы подготовки, расширять программы подготовки, усиливать свою роль как центра экспертного востоковедения, укреплять научные и прикладные партнерства, и отвечать национальным запросам развития России.

Ключевые слова: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, востоковедение, юбилей МГУ, научные исследования, международные академические связи

Для цитирования: Маслов А.А. Классические традиции и новый импульс развития ИСАА // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 5–19. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-1

CLASSICAL TRADITIONS AND A NEW IMPETUS FOR THE DEVELOPMENT OF IAAS

Alexey A. Maslov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; amaslov@iaas.msu.ru

Abstract: The Institute of Asian and African Studies has been a leading institution for decades in the training of specialists across a broad spectrum of knowledge related to the development of Asia and Africa. IAAS serves as both a symbol and a

reflection of the evolutionary trajectory of Soviet and Russian Oriental Studies. The Institute's primary function is the preservation of classical Oriental Studies traditions, while concurrently addressing contemporary needs, providing in-demand, scientifically rigorous training, expanding its program offerings, reinforcing its position as a leading center for Asian and African Studies expertise, fostering robust academic and applied collaborations, and fulfilling Russia's national development objectives.

Keywords: Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies, Oriental Studies, MSU Anniversary, Academic Research, International Academic Cooperation

For citation: Maslov A.A. Classical traditions and a new impetus for the development of IAAS. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2024, Vol. 68, No. 4, pp. 5–19. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-1 (In Russ.)

ИСАА — лидер востоковедческого образования в России

На протяжении многих десятилетий ИСАА является одним из лидеров российского востоковедения и профессиональной подготовки кадров по странам Азии и Африки — именно здесь прошли подготовку многие выпускники, которые в дальнейшем стали гордостью российской науки, экспертной аналитики, известными государственными деятелями, представителями литературы, журналистики, бизнеса.

В этом одна из уникальных черт ИСАА — его комплексная направленность и способность готовить специалистов для десятков самых разнообразных областей, связанных с Востоком, от научных исследований до политики, дипломатии и бизнеса. История развития ИСАА — это прежде всего история развития советского и российского востоковедения, всех его сложностей, взлетов, внезапных торможений и, безусловно, поразительных успехов в воспитании кадров.

Формально моментом рождения ИСАА считается 24 июня 1956 г., однако еще до этого были созданы многие компоненты системного преподавания востоковедения в МГУ, в том числе кафедра тюркской филологии в 1943 г. (с 1956 г. вошла в состава ИСАА), отделение истории стран Востока в 1944 г. и кафедра китайской филологии в 1953 г. Однако исток востоковедения лежит еще глубже — в 1755 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны вводилось востоковедческое образование с преподаванием турецко-татарского и древнееврейского языков, а в 1805 г. была утверждена высочайшим Указом кафедры восточных языков на отделении словесных наук философских фа-

культетов. И современный ИСАА является наследником славных традиций систематического изучения стран и языков Востока.

Первоначально название института — Институт восточных языков (ИВЯ) точно отражало его филологическую направленность, в нем были разработаны современные на тот момент методы преподавания десятков восточных языков, в том числе и редких. Однако после очевидно не самых рациональных решений ИВЯ был закрыт, а после открытия в 1972 г. переименован в Институт стран Азии и Африки, что было отражением расширения спектра направлений подготовки.

Первым ректором ИСАА при МГУ был назначен доктор исторических наук профессор Николай Александрович Смирнов, выпускник Московского Института востоковедения, специалист по исламоведению, кавказоведению, османистике. В августе 1958 г. его сменил известный арабист, доцент (затем профессор) Александр Александрович Ковалев, выпускник Военного института иностранных языков. В 1975–1989 гг. директором ИСАА был афганист Роман Тимофеевич Ахрамович. С 1989 г. ИСАА возглавлял известный китаевед Арлен Ваагович Меликсетов, сам выпускник ИСАА, а с 1994 г. пост перешел выдающемуся советскому и российскому тюркологу Михаилу Серафимович Мейеру, выпускнику ИВЯ. М.С. Мейер возглавлял ИСАА в очень сложные для страны переходные 1980–1990-е годы, он сумел сохранить ведущие преподавательские и научные кадры, запустил несколько новых направлений, в том числе и политические исследования стран Востока, иудаику, исследования Центральной Азии и Кавказа. После 2012 г. профессор М.С. Мейер выполнял обязанности президента ИСАА и активно участвовал в делах института до своей кончины в 2022 г.

С 2013 по 2021 г. Институт возглавлял И.В. Абылгазиев, выпускник ИСАА, китаевед. С 2021 г. пост директора занял выпускник ИСАА, профессор, китаевед Алексей Александрович Маслов.

Сегодня ИСАА — это 19 кафедр, несколько научных центров и лабораторий. Каждая кафедра — это крупная научная и образовательная школа, что в целом и отличает ИСАА от многих других востоковедческих образовательных заведений. Традиционно в институте сформировались группы кафедр исторического и филологического направлений, а также экономические и комплексные кафедры.

К кафедрам филологического направления относятся кафедра арабской филологии (чл.-корр. Д.В. Фролов), кафедра иранской филологии (проф. В.Б. Иванов), японской филологии (проф. С.А. Быкова),

кафедра индийской филологии (д.ф.н. Е.О. Акимушкина), кафедра китайской филологии (к.ф.н. К.Е. Барабошкин), кафедра тюркской филологии (проф. М.М. Репенкова), кафедра филологии Юго-Восточной Азии, Монголии и Кореи (к.и.н. В.Г. Белогорцев), кафедра западноевропейских языков (проф. М.В. Воронцова).

Исследованиями истории, культуры и общества занимаются кафедра истории Ближнего и Среднего Востока (проф. С.А. Кириллина), кафедра истории Китая (проф. А.А. Маслов), кафедра истории Южной Азии (проф. А.Л. Сафронова), кафедра истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (проф. Н.Н. Бектемирова), кафедра истории и культуры Японии (проф. Е.К. Симонова-Гудзенко).

Вопросы экономического и социально-экономического развития стран Азии и Африки изучаются на кафедрах экономики и экономической географии стран Азии и Африки (проф. Н.Ю. Ульченко) и международных экономических отношений (чл.-корр. В.А. Мельянцева).

Несколько кафедр носят комплексный характер, в том числе кафедры африканистики (проф. Н.В. Громова), кафедра иудаики (проф. А.Б. Ковельман), кафедра стран Центральной Азии и Кавказа (д.и.н. А.В. Муравьев), кафедра ЮНЕСКО (к.э.н. М.В. Маргелов), в настоящий момент сосредоточившая свои усилия на подготовки инновационных курсов по политическому развитию стран Востока.

Научные школы ИСАА возглавляются ведущими учеными: членами-корреспондентами РАН В.А. Мельянцевым и Д.В. Фроловым, профессорами и докторами наук Д.В. Деопиком, Б.А. Захарьиным, В.Б. Ивановым, В.А. Исаевым, С.А. Кирилиной, В.В. Лебедевым, А.А. Масловым, А.В. Муравьевым, М.Л. Рейснер и многими другими.

ИСАА, бережно храня традиции, проходит через процесс обновления, расширения спектра специализаций. Если традиционно в ИСАА развивались филология, история, литературоведение, экономика и политические исследования стран Востока, то постепенно к ним добавляются и другие специализации, отражающие динамику развития востоковедения. Одно можно сказать точно — в своем ядре ИСАА всегда будет сохранять углубленное изучение языков, культур, традиций, истории и современного развития стран Азии и Африки.

ИСАА в известной степени является одновременно хранителем традиции и проводником существенных модернизаций в востоковедении — именно таким и должен современный учебный центр востоковедения. Здесь действительно все проникнуто данью

памяти к учителям, которые сформировали ведущие востоковедческие школы, и не случайно многие конференции проводятся под именами ведущих наставников прошлых лет: Губеровские чтения, Дмитриевские чтения, Воскресенские чтения, Никитинские чтения, Пейси́ковские чтения и многие другие.

В разные годы выпускниками и сотрудниками ИСАА были ведущие советские и российские ученые, многие из которых продолжают поддерживать связи с алма-матер, среди них И.О. Абрамова, А.О. Агаджанян, Н.Х. Ахметшин, А.С. Балезин, Л.Е. Бежин, Г.Г. Бандиленко, А.А. Долин, В.Я. Белокреницкий, А.А. Бокщанин, Г.М. Бонгард-Левин, В.И. Брагинский, Д.Д. Васильев, Д.Н. Воскресенский, А.Р. Вяткин, В.А. Ефимов, Л.М. Ермакова, П.М. Иванов, А.М. Карпетьянц, Е.Л. Катасонов, В.Н. Кириченко, Ю.М. Кобищанов, А.В. Коротаев, Г.Г. Косач, А.А. Крушинский, В.М. Крюков, З.Г. Лапина, Е.В. Маевский, С.В. Мазов, В.В. Малявин, Е.С. Мелкумян, А.Н. Мещеряков, Д.В. Миккульский, Э.В. Молодякова, В.В. Наумкин, О.Е. Непомнин, О.В. Новикова, М.Г. Носов, А.В. Панцов, К.А. Панченко, В.Я. Порхомовский, Р.В. Рыбаков, В.С. Семенов, С.Д. Серебряный, А.В. Смирнов, И.С. Смирнов, Д.В. Стрельцов, А.А. Суворова, В.Н. Усов, И.И. Филатова, В.А. Цыганов, М.А. Членов.

ИСАА системно готовит кадры для внешнеполитической деятельности России, его выпускниками являются Чрезвычайные и Полномочные Послы Д.Е. Алипов (в Индии), И.В. Моргулов (в КНР), а также ведущие советские и российские дипломаты В.Н. Винокуров, А.С. Зайцев, А.М. Захаров, Г.В. Зиновьев, А.А. Картава, Г.Ф. Кунадзе, Г.С. Логвинов, Е.О. Микитенко, И.А. Моргунов, С.А. Николаев, Н.В. Павлов, В.В. Посувалюк, А.В. Стенки, В.В. Сухин, В.Е. Сухинин, В.Я. Терещенко, А.А. Тимошин, В.И. Уткин, действующие заместители министра иностранных дел С.В. Бутин и М.Ю. Галужин, заместители министра Промышленности и торговли России А.В. Груздев и В.С. Осьмаков и многие другие.

Многие видные администраторы, политики, журналисты, предприниматели также вышли из стен ИСАА, в том числе А.К. Волин, В.В. Жириновский, Д.Г. Евстафьев, Г.Б. Карасин, М.В. Маргелов, Р.В. Троценко, А.И. Фурсов, В.А. Хреков.

Всего в ИСАА работает около 180 членов профессорско-преподавательского коллектива и более 30 научных сотрудников, из них более 65% имеют ученую степень доктора или кандидата наук, 18 человек имеют звание профессора, 35 — доктора наук, 2 — члены-корреспонденты РАН.

ИСАА в контексте мирового востоковедения

В 1989–1990-х годах востоковедение столкнулось с рядом сложных и даже болезненных вызовов. Некоторые из них можно считать универсальными, и через процессы трансформации проходило все мировое востоковедение, а некоторые — исключительно локальными, российскими, связанными с эндогенными процессами. 1990-е годы в России стали очень серьезным испытанием для всей российской науки. Государство практически ушло из финансирования и стимулирования новых научных исследований, а также из целенаправленной стратегии подготовки кадров, эти вопросы затронули и востоковедение. Наиболее предприимчивые и активные молодые выпускники уходили в бизнес, покидали профессию, что в дальнейшем создало возрастной «провал» в 2000-е годы. Эти процессы затрагивали и ИСАА, и преподавательский коллектив сумел поставить интересы науки и подготовки кадров выше сиюминутных выгод. Но и сегодня продолжается восстановление научного и преподавательского потенциала Института, привлекаются молодые преподаватели, активно обновляются программы как основного, так и дополнительного образования.

Однако появились и новые вызовы, которые потребовали ускорения подготовки востоковедов, так как Восток развивался в ряде случаев быстрее, чем его осмысляла наука. Это привело к ряду интересных парадоксов, которые также размывали востоковедение. Первый: это сведение востоковедения к ряду навыков, например, знание восточного языка (чаще всего китайского, арабского или турецкого), умения решать некоторые практические задачи в области бизнеса и политики. В других случаях — это уход от современности, «сужение» подготовки студентов до программ, разработанных в соответствии с потребностями десятилетней давности. ИСАА также пришлось отвечать на эти вызовы и адаптировать образовательные программы к новым условиям.

Важнейшей частью трансформации востоковедения стало его возвращение к комплексному характеру. Это означало отход от узкой специализации в подготовке, характерной для XIX в. и переосмысление востоковедения именно как необходимого комплекса знаний и навыков, связанных с Востоком, что было характерно при становлении советского востоковедения в 1920–1930-х годах. Сам такой комплексный подход базировался на нескольких тезисах. Это прежде всего возвращение к идее востоковедения как комплекса

научно-обоснованных практических навыков для работы с восточными обществами (в многообразии интерпретаций этого понятия вдаваться не будем). Во-вторых, это идея плавного сочетания в обучения востоковедов общих представлений о тенденциях развития Востока и методологических аспектов со страновыми или узкоспециальными аспектами. Таким образом специализация не только не отрицается, а дополняется рядом фундаментальных представлений.

Комплексность востоковедения позволяет вернуть ему его первичную идентичность, выделить среди многих других наук и направлений. Одновременно это позволяет не сводить востоковедение к регионоведению: именно востоковедческое образование за счет особого набора дисциплин позволяет взглянуть на восточную цивилизацию изнутри, через язык, культуру, особенности менталитета и рассматривать другие аспекты, например экономику, политику, жизнь общества как производные от первичных компонентов.

В западной науке в течение десятилетий велись и споры о «правильном» названии востоковедения. Чтобы избавиться от налета «колониализма» и несколько высокомерного подхода к предмету своего изучения после долгих дискуссий о «политической корректности» в 1970–1990-х годах во многих университетах *oriental studies* были переименованы в *Asian studies* или *Middle Eastern studies*. В России же востоковедение не несет в своем названии очевидного «колониального наследия прошлого», а поэтому, хотя понятие, например, «азиатские исследования» присутствует на российском пространстве, оно не прижилось как обозначение научной или экспертно-аналитической дисциплины. Нередко за ним скрываются попытки «облегчить» востоковедение и сосредоточиться только, например, на международных отношениях в Азии, на экономике, политологии и т.д.. То есть в отличие от своего комплексного западного аналога во многих российских университетах «азиатские исследования» могут представлять собой суррогат.

В целом азиатские исследования сегодня на Западе рассматриваются как междисциплинарная область, которая изучает все разнообразие культур Азии, включая ее историю, политику, экономику и общество. Она предлагает глубокое понимание этого чрезвычайно разнообразного региона мира, который оказал огромное влияние на мировые дела с древних времен.

Если мы посмотрим на историю развития крупнейших востоковедческих центров Европы, прежде всего Великобритании, Герма-

нии, Франции и Голландии, то без труда заметим, что их изначальной задачей было готовить администраторов самого широкого профиля для работы с восточными (на тот момент — чаще всего колониальными) странами. Помимо этого, востоковедческие центры занимались научным осмыслением историко-культурных процессов в этих странах как основы для дальнейшего практического знания. Так в Великобритании, которая долгое время являлась оплотом «классики» востоковедения, присутствуют «ориенталистские» названия, типа *School of Oriental and African Studies*, созданная в 1916 г., так и институты или департаменты *Asian and Middle Eastern Studies*, как в Оксфорде и Кембридже. Там же сохраняются уже редкие сегодня специализации типа получения степени бакалавра ассириологии, египтологии, санскрита или китайского языка. Однако наряду с такими специализациями большая часть программ посвящена именно региональному развитию. Так известное издание *Handbook for Asian Studies specialists*¹, отражающее расширительный западный подход к востоковедению, помимо вполне традиционных областей, таких как история, филология, литературоведение, политология и экономика, отдельно выделяет журналистику и СМИ на Востоке, религиоведение и философию, науку и образование, социологию стран Востока, международные отношения, исследования культуры азиатских диаспор и множество других областей. Также и известное издательство Brill², подчеркивающее свою буквально генетическую связь с востоковедением, заметно обновило свои каталоги, и помимо классических текстов приглашает авторов с исследованиями по современным социальным наукам для изучения стран Востока. Расширение тематики востоковедения можно наблюдать в эволюции публикаций в комплексном *Journal of Asian Studies*, где сочетаются исследования от древней истории до кинематографа, современных мифов правовых отношений и исследований искусственного интеллекта в Азии.

Востоковедение на своих ранних этапах, безусловно, заимствовало основные методы исследования от тех наук, из которых выходило, прежде всего истории и филологии. Однако упрощенное представление о том, что у востоковедения вообще нет своего характерного методологического подхода, приводит к известному парадоксу: если

¹ *Asato N. Handbook for Asian Studies Specialists: A Guide to Research Materials and Collection Building Tools. Santa-Barbara, Denver, Oxford: Libraries Unlimited, 2013.*

² См.: <https://brill.com> . Электронный ресурс. Дата обращения: 10.11.2024.

это так, то нет необходимости в востоковедении вообще, его можно «разнести» по другим направлениям, например, на историю, филологию, литературоведение, экономику и т.д. И это ведет к деградации востоковедения как сложнейшего комплексного направления науки, к низведению его до вторичности, к набору отдельных дисциплин, лишенных единой концептуальной основы.

Учитывая постоянно расширяющуюся комплексность востоковедения, целесообразно его не столько расчленять на составляющие, а наоборот, вбирать и сочетать методологии и вряд ли можно (и нужно) изобретать отдельно взятую востоковедческую методологию. Речь идет именно о разумном сочетании методологий и подходов в процессе подготовки. Сегодня студенты ИСАА и многих других университетов пишут работы на стыке множественных тем: теории игр и анализа больших баз данных, лонгитюдных исследований, функционализма, неомарксизма, неовеберизма, «множества модернов» и контингентности, культурного эволюционизма, диффузионизма и структурализма и десятков других методологических подходов. Востоковедение имеет дело именно с особенностями восточных обществ в самые разные исторические периоды и как следствие, в основе образовательной подготовки должно лежать овладение современным инструментарием исследований и анализа. В основе помимо изучения восточного языка как инструмента познания лежит и изучение характерных особенностей восточного общества, культурная антропология и этнология в самом широком смысле этого слова, а остальные компоненты, в том числе политика, экономика, социология Востока, являются производными или «надстройкой» над общей базой востоковедческой подготовки.

Думается, нет и не может быть единой теории развития востоковедения как области знания, здесь скорее будет действовать концепция «множественности современностей» Шмуэля Эйзенштадта (1923–2010), где каждое направление трансформации связано с уже сложившимися онтологическими принципами и традициями, с предыдущим путем развития. У ИСАА — это упор на научную и аналитическую составляющую, сочетание классических фундаментальных исследований с практической подготовкой специалистов, что делает его ключевым центром востоковедения в России.

Только укорененность в традициях, уважение к накопленному знанию и позволяет ИСАА развивать серьезную подготовку кадров. Но это одновременно и не позволяет механически повторять про-

граммы и методы прошлых десятилетий, требует постоянно сверять себя с развитием наших объектов исследования в Азии и Африке.

Примечательно, что на фоне создания многочисленных новых центров изучения Азии и Африки в университетах, «идеальную» модель, где сочетаются классические знания и прикладные навыки в этой области, воспроизвести очень непросто. Это требует наличия сложившихся школ, полноценных внутренних дискуссий, умения критически анализировать свои достижения и сложности. Не будет преувеличением сказать, что ИСАА в полной мере соответствует динамике современных тенденций.

На фоне споров о дальнейшем развитии востоковедения ИСАА сегодня утверждает, как представляется, наиболее взвешенный и комплексный подход. Прежде всего сохраняются классические подходы, базирующиеся на углубленном изучении языка, истории и культуры. На первых курсах студенты также получают базовые представления о Востоке в целом: общие тенденции, подходы, компаративные исследования, хронотоп и динамику развития. Это позволяет готовить именно востоковедов широкого кругозора и понимания. На старших курсах идет все более углубляющаяся специализация на одном из выбранных профилей, когда студенты под руководством ведущих профессоров изучают относительно узкие аспекты жизни восточных обществ. Магистратура же непосредственная связана с выбранной карьерной траекторией и готовит профильных ученых-исследователей и экспертов-аналитиков.

Для того, чтобы остаться в контексте мирового востоковедения сотрудники ИСАА регулярно участвуют в международных конференциях даже в условиях частичной изоляции. Ежегодно проходят круглые столы с учеными из КНР, Сингапура, Индии, Пакистана, Малайзии, Турции, Ирана, стран Африки, Казахстана, Таджикистана, Израиля и других стран. Только в 2022–2024 гг. сотрудники Института приняли участие более чем в 500 научных конференциях и круглых столах.

Важнейшей ролью ИСАА является поддержание высокого профессионального качества исследований Азии и Африки при использовании современных методов. Многие выпускники Института возглавляют ведущие российские научные, образовательные, экспертные центры, и от того, какое качество знаний будет заложено в их головах, зависит и в целом точность, непредвзятость и глубина осмысления Азии и Африки. В этом смысле развитие востоковедения

в стенах ИСАА базируется не на попытках «все сделать заново», а на стимулировании дальнейшего развития того, что было создано в течение десятилетий.

В течение нескольких лет ряд российских школ и групп выступил с идеей развития «нового востоковедения». Несмотря на самую «красоту фразы» и стремление к обновлению, само по себе положение о некоем «новом востоковедении» может быть ущербным или даже вредным для формирования представлений об этой области науки и знания. Безусловно, как мы указывали выше, востоковедение постоянно трансформируется, так как развивается наш предмет исследований, расширяются запросы и растет объем знаний о Востоке. Но сама эта трансформация не означает переход востоковедения в какое-то новое качество, отрицание прежней и создание совершенно новой области науки. Это именно трансформация и модернизация, связанная с объективной реальностью процессов на Востоке. Если в основе «нового востоковедения» лежит то же самое знание языков, культурных процессов, истории, филологии, особенностей работы с источниками, а также вытекающие из этого специфические черты экономики, политики, международных отношений, то, очевидно, что ни о каком «новом» (т.е. ином) востоковедении мы не можем говорить, но лишь о стремительной трансформации качества знаний о Востоке. Мы можем лишь говорить об устаревании, неактуальности ряда методов, в том числе в области преподавания и исследований (что, признаемся, часто встречается как в России, так и в зарубежном востоковедении), об обновлении многих учебных программ и исследований, но не о принципиально «новом востоковедении», что лишь смущает внешнего наблюдателя.

В равной степени кажется напрасным выделять какое-то отдельное «классическое востоковедение», обособляя изучение традиционной истории и филологии от современных социально-политических и экономических процессов, происходящих на Востоке. Один из постулатов методологии востоковедения базируется как раз на идее преемственности, неразрывности культурно-исторической традиции: все, что происходит сегодня, скажем, в Китае или в Иране, имеет своим истоком сложный комплекс явлений в прошлом — и это единое пространство осмысления и преподавания. Что «новое востоковедение», что «классическое» представляются своеобразным эскапизмом, попыткой обособиться и закрыться от реалий и запросов современности. Бегство от реальности и жесткости вызовов именно

в том момент, когда Россия переживает ключевые трансформации, когда заметно усиливается ориентация на Восток во всех областях — от политики до научного и торгового взаимодействия — просто недопустимо.

В условиях постоянного развития

ИСАА за последние годы расширил свои связи с научными и практическими организациями. Большую поддержку развитию ИСАА оказывает попечительский совет по главе с выпускником ИСАА, заместителем руководителя Администрации президента Российской Федерации — пресс-секретарем Президента Российской Федерации Д.С. Песковым. Попечительский совет совместно с ректором МГУ академиком В.А. Садовничим определяет стратегические направления развития Института, опирается на запросы работодателей, государственных служб. На заседании попечительского совета в декабре 2024 г. была поставлена задача о превращении ИСАА в ведущий российский центр по подготовке кадров в области работы со странами Азии Африки, обновлении программ, их практикоориентированности, расширении привлечения молодых талантливых исследователей.

В 2024 г. ИСАА провел первый набор на базе совместного российско-китайского университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, центра евразийских исследований (руководитель М.В. Карпов), где под руководством преподавателей ИСАА и по программам Института стартовали программы подготовки бакалавров и магистров востоковедения — это первые российские востоковедческие программы с вручением дипломов МГУ за пределами России. Преподавание ведется на русском и английском языках, а подготовку проходят несколько десятков человек из КНР, России, стран Центральной Азии.

ИСАА активно работает с подрастающим поколением — потенциальными абитуриентами и всеми теми, кого с ранних лет интересует Восток. Вот уже много лет основным центром подготовки школьников является Школа молодого востоковеда (к.и.н. П.В. Шлыков). ИСАА вернулся в школы, где под руководством лаборатории «Восточные языки в средней школе (к.и.н. А.С. Бельченко) в 8 школах Москвы и Подмосковья преподаются китайский, хинди, суахили, амхарский, турецкий, арабский и другие языки. Помимо этого, сотрудники кафедры арабской филологии принимают ключевое участие в создании инновационных программ для школьников Рос-

сии по арабскому языку, а кафедра китайской филологии — специализированных учебников по китайскому языку для технических вузов. Кафедра иранской филологии, китайской филологии, японской филологии ежегодно выступают соорганизаторами крупнейших всероссийских конкурсов по соответствующим языкам.

Введены новые стимулы для научных исследований (зам. директора А.Г. Фесюн). Ежегодно в ведущих научных журналах из списка ВАК сотрудники ИСАА публикуют около 250 статей (в 2023 г. — 253), в период 2022–2024 гг. опубликовано более ста крупных научных монографий и 90 учебных пособий. ИСАА выступает и как аналитический центр, за последние три года для Администрации Президента, Государственной думы, других государственных ведомств было подготовлено несколько десятков важнейших докладов о современных тенденциях развития Азии и Африки и позиции России.

В последние годы ИСАА вернул себе узнаваемость и признание как ведущий востоковедческий центр, прием в ИСАА растет практически каждый год (в 2024 г. поступил 231 абитуриент) и сдерживается только площадью самого исторического здания на Моховой. Несмотря на популярность поступления на востоковедение, в Институте придерживаются традиции малых групп и практически индивидуальной подготовки студентов, что вытекает из самой логики обучения востоковедению. При этом заметно расширились и программы стажировок, организуемые полностью обновленным международным блоком (зам. директора Е.С. Синцова) ежегодно около ста студентов ИСАА обучаются в КНР, на Тайване, в Японии, Танзании, Турции, Эфиопии, Камбодже, Корее. А в 2024 г. в ИСАА был рекордный прием иностранных учащихся, прежде всего граждан КНР — более ста абитуриентов. В ИСАА действуют несколько страновых студенческих клубов и студенческий совет. Студенты играют важную роль в определении своего карьерного и профессионального развития. Чтобы повысить ответственность студентов за самостоятельное определение своей карьеры, в ИСАА введен свободный выбор восточных языков и направлений специализации. Одновременно реорганизована работа и учебного блока (зам. директора О.А. Сапожникова) в соответствии с современными требованиями, введена система проверки качества образования, содержания учебных программ. Сотни слушателей ежегодно проходят на базе ИСАА программы переподготовки дополнительного образования в области

востоковедения, в том числе, преподаватели вузов, школ, ведущих деловых корпораций (О.К. Календарь, А.С. Бельченко).

ИСАА создает обновленную востоковедческую среду. Здесь и огромное внимание к информационным ресурсам, присутствие в основных социальных сетях, активная работа с медиа для обозначения своего профессионального мнения. Преподаватели ИСАА дают десятки интервью в ведущих российских и зарубежных СМИ. Узнаваемыми лицами стали К.Е. Барабошкин, Б.М. Волхонский, М.А. Сюненберг, П.В. Шлыков. Сотрудники ИСАА — активные участники научно-просветительских проектов, в том числе лекториев «ПостНаука», «Синхронизация», телевизионных и радио-проектов «Агора» и «Власть факта» на канале «Культура», «Восточная шкатулка» на Вести ФМ.

ИСАА заметно обновило партнерства, Институт стал более открытым и гостеприимным, он ведет десятки совместных проектов. В научном плане добрыми друзьями Института уже в течение многих лет остаются флагманы научного востоковедения и африканистики России — Институт Африки РАН и Институт востоковедения РАН, а также расширено взаимодействие с крупнейшими университетами России — ВШЭ, РГГУ, ДВФУ, НГУ, БГУ, КалмГУ, ТувГУ, ЗабГУ и многими другими. Важными партнерами и одновременно работодателями для выпускников ИСАА выступают МИД РФ, Минпромторг, Минэкономразвития, Минвостокразвития, банки СБЕР, ВТБ, ассоциации РСПП, ОПОРа России, корпорации АФК «Система», «Ренова», «ЕН+», Сибур, МИА «Россия сегодня», ТАСС, «Россконгресс», и многие другие. ИСАА организует переобучение кадров для этих организаций, проводит совместные исследования, доклады ИСАА звучат на Восточном экономическом форуме, в рамках взаимодействия с Минвостокразвития ведется государственная программа подготовки кадров для Дальнего Востока «Муравьев-Амурский», реализуется совместная учебная программа с Минпромторгом, корпорацией «Космические системы», АФК «Система».

Именно на базе ИСАА при поддержке Минобрнауки в 2022–2024 гг. была впервые в России разработана федеральная программа поддержки подготовки кадров для работы со странами Азии и Африки. После межведомственного обсуждения ее основные положения были доложены Президенту РФ В.В. Путину. ИСАА разработало основные матрицы подготовки и переподготовки, по которым работают уже сегодня в нескольких ведущих университетах России. Главное направление здесь — учет рынка труда, запросов работодателей на

десятилетия вперед, чтобы не повторять ошибок прошлого и готовить профессионалов по Востоку на всех направлениях.

И преподаватели ИСАА способствуют тому, чтобы специальные востоковедческие знания выходили из стен университета, становились достоянием общества, которое действительно нуждается в профессиональном взгляде на Восток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Asato N.* Handbook for Asian Studies Specialists: A Guide to Research Materials and Collection Building Tools. Santa-Barbara, Denver, Oxford: Libraries Unlimited, 2013.
2. Brill. Электронный ресурс. URL: <https://brill.com> (дата обращения: 10.11.2024).

REFERENCES

1. *Asato N.* Handbook for Asian Studies Specialists: A Guide to Research Materials and Collection Building Tools. Santa-Barbara, Denver, Oxford: Libraries Unlimited, 2013.
2. Brill. Online resource. URL: <https://brill.com> (accessed: 10.11.2024).

Статья поступила в редакцию 16.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 16.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

ОБ АВТОРЕ

Маслов Алексей Александрович — доктор исторических наук, профессор, директор Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; amaslov@iaas.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Maslov — DSc in History, Professor, Director of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; amaslov@iaas.msu.ru

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-2

ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИСАА МГУ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.Л. Сафронова, П.В. Шлыков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; alsafronova@iaas.msu.ru, shlykov@iaas.msu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются различные этапы деятельности историко-политологического отделения ИСАА МГУ, основные тенденции в развитии научной жизни отдельных кафедр, отражающие специфику развития конкретных регионов афро-азиатского мира, и отделения в целом, выделяющие общие черты в историческом и современном развитии Востока.

Ключевые слова: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 270-летие, Институт стран Азии и Африки, Историко-политологическое отделение ИСАА МГУ, кафедры исторического отделения, научные направления, педагогическая деятельность

Для цитирования: Сафронова А.Л., Шлыков П.В. Историко-политологическое отделение ИСАА МГУ: достижения и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 20–35. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-2

STUDIES IN HISTORY AND POLITICS IN IAAS MSU: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

Alexandra L. Safronova, Pavel V. Shlykov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; alsafronova@iaas.msu.ru; shlykov@iaas.msu.ru

Abstract: The article explores the main periods and trends in the development of studies in History and Politics in the Institute of Asian and African Studies and depicts the activities of certain departments. It reveals unity and diversity in the historical and contemporary social and political development of various parts of Asia and Africa regions.

Keywords: Lomonosov Moscow State University, the 270th anniversary, Institute of Asian and African Studies, studies in History and Politics, academic life, pedagogical activities

For citation: Safronova A.L., Shlykov P.V. Studies in History and Politics in IAAS MSU: Achievements and Prospects. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2024, Vol. 68, No. 4, pp. 20–35. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-2 (In Russ.)

Канун празднования 270-летия Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова — время подведения итогов деятельности Историко-политологического отделения Института стран Азии и Африки и обозначения перспективных планов его развития, определяемых потребностями современного востоковедения.

Историческое отделение ИСАА МГУ возникло вместе с созданием Института восточных языков (ИВЯ) в 1956 г. С 1956 по 1970 годы исторические кафедры входили в состав историко-филологического факультета, в 1970 г. они были объединены в рамках исторического отделения. В 1972 г. был создан социально-экономический факультет и ИВЯ был преобразован в Институт стран Азии и Африки (ИСАА МГУ). В 1989 г. факультеты были преобразованы в отделения — филологическое, историческое, социально-экономическое. Возникшее впоследствии политологическое отделение было объединено в 2022 г. с историческим: в нем обозначились два подразделения (История стран Азии и Африки, Политическое развитие и международные отношения стран Азии и Африки). После преобразования ИВЯ в ИСАА его руководителями становились доктора исторических наук: Р.Т. Ахрамович, А.В. Меликсетов, М.С. Мейер, И.И. Абылгазиев, А.А. Маслов.

История создания кафедр отделения отражает развитие востоковедных исследований в СССР, затем в России. Структура исторического отделения института создавалась на региональной основе: соблюдалось соответствие принципов построения филологических кафедр и исторических. Историки читали углубленный курс лекций по истории страны/региона для студентов исторической специализации и более краткий курс истории страны/региона, учитывающий задачи получения востоковедного исторического образования для студентов-филологов. Силами исторического отделения нашего института традиционно осуществлялось чтение курса «История стран Азии и Африки» для студентов Исторического факультета МГУ.

Имена ученых, создавших исторические кафедры и ставших основателями востоковедных научных школ и направлений (А.А. Губер, И.М. Рейснер, А.М. Дьяков, А.М. Осипов, Н.А. Смирнов, М.С. Иванов, В.Б. Луцкий, А.Ф. Миллер, Л.В. Симоновская и др.) — наше

общее достояние. Они стояли у истоков не только исследования стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии, Африки, но и создали сплоченный коллектив историков, сделали возможным разработку при всем многообразии и цивилизационной специфике отдельных регионов Востока единых критериев при оценке стадийального развития восточных обществ. Мы гордимся богатым наследием наших учителей и стараемся продолжать сложившиеся традиции. Данью признательности им стало основание в ИСАА «Музея истории востоковедения», где собраны уникальные материалы, рассказывающие о жизни и деятельности тех, кто стал легендой и образцом самоотверженного и scrupulous труда, без которого невозможно стать истинным востоковедом.

Историки создали различные версии курсов по истории страны/региона с учетом специфики учебных планов и интересов специализации студентов-филологов, студентов-экономистов и студентов-политологов, а также общие курсы по Всемирной истории, вмещающие в себя сравнительную характеристику эволюции западных и восточных обществ на различных этапах их исторического развития.

Работа над созданием программ общих курсов и учебников по истории стран Азии и Африки стала базой для общих дискуссий на историческом отделении, школой роста для последующих поколений историков ИСАА. Наиболее значимые дискуссии в исторической науке находили отражение в исследованиях историков-востоковедов. Они совпадали с разработкой проблематики курсов, читаемых в институте, прежде всего общих курсов: истории стран Азии и Африки в Древности, Средние века, Новое и Новейшее время. Целый коллектив авторов трудился над созданием серии учебников («История стран Азии и Африки в Средние века», «История стран Азии и Африки в Новое время», «История стран Азии и Африки в Новейшее время», опубликованных издательством Московского университета в период с 1987 по 1991 годы): М.Ф. Юрьев, Ф.М. Ацамба, М.Н. Пак, М.С. Мейер, А.Б. Давидсон, В.И. Павлов, Д.Е. Еремеев, Л.Н. Котлов, Д.В. Деопик, З.Г. Лапина, Э.П. Стужина, Н.Г. Калинин, В.А. Цыганов, Г.Г. Бандиленко, Е.М. Медведев, Э.С. Львова, И.М. Сырицын, Г.Б. Навлицкая, В.И. Шлыков, О.В. Новакова.

За время развития исторического отделения ИСАА наша страна прошла через различные политические эпохи и пережила несколько волн общественного переосмысления происходящих процессов как внутри страны, так и в мировом геополитическом пространстве, которые ставили на повестку дня комплексы наиболее востребованных временем проблем и поисков путей их решения.

Год создания института оказался знаменательным для развития общественных наук в СССР. Отечественное востоковедение получило импульс для позитивного развития после XX съезда КПСС в 1956 г., исследования стали отличаться более разносторонним характером. Большой размах приобрело издание и комментирование исторических памятников, в том числе и религиозного характера. Получили новый импульс к развитию исламоведение (включая корановедение), буддология и санскритология. Историки ИСАА, вместе со своими коллегами из востоковедных научных институтов, выдвигали новые перспективные идеи исследования, расширявшие методологическую базу, сочетавшую стадийно-формационный и цивилизационный подходы.

Дискуссии касались как проблем развития традиционных восточных обществ, так и вопросов, связанных со спецификой трансформации стран и регионов Азии и Африки в период колониальной зависимости (о сопоставительном уровне развития восточных и западных обществ на рубеже позднего Средневековья и Нового времени, о возрожденчестве, реформаторстве, просветительстве на Востоке, о природе колониализма и его разновидностях, о генезисе и модификациях понятия «капитализм» на Востоке и его сопоставлении с колониальной структурой, о специфике национализмов на Востоке и природе и сущности национально-освободительных движений).

Особое место занимали дискуссии, связанные с осмыслением выбора путей развития афро-азиатских обществ в процессе деколонизации, на начальном этапе суверенного государственного развития, происходившего в условиях биполярной модели мироустройства. Постепенно преодолевалась односторонность в изучении колониального и современного периодов, выражавшаяся в приоритетном развитии тематики национально-освободительных движений, истории и современного состояния профсоюзных и рабочих движений, деятельности коммунистических партий в странах Востока.

Каждый новый этап исторического развития актуализировал новый круг проблем и заставлял во многом пересмотреть устоявшиеся представления о, казалось бы, досконально изученных сюжетах. Этому способствовали не только менявшиеся подходы к изучению конкретных проблем истории и современного состояния изучаемых обществ, но и открытие со временем многих ранее недоступных историку архивных материалов и других источников, включая обнаруженные рукописи и новейшие данные археологии. Политическая конъюнктура, включая изменения в мировой геополитике и меняющиеся во времени взаимоотношения Советского Союза, затем

России и конкретных государств Азии и Африки, способствовала переоценке подходов и взглядов на их развитие.

Менялся и общий круг проблем востоковедных исторических исследований. Если в 1950–1980-е годы наиболее пристальное внимание было сосредоточено на проблемах базисного социально-экономического комплекса исторических исследований, то начиная с 1990-х годов актуализировались вопросы, связанные с осознанием применительно к странам Востока понятий национальных идентичностей, проблем развития этноконфессиональных общностей в их взаимодействии и конфликтности, социо-культурного климата, роли традиционных факторов в процессах модернизации, места религии в общественно-политической жизни в современных восточных обществах, поиска государствами Азии и Африки своего места в постбиполярном мире перед лицом нарастающей глобализации, а затем и постглобализационные процессы. В фокусе исследований оказались изменившееся соотношение Восток — Запад, демографические сдвиги, приведшие к изменению пропорций в народонаселении мира в пользу стран азиатско-африканского региона, процессы «азиатизации» и «африканизации» Европы и Америки, миграционные процессы «обратной колонизации» западного мира.

В постсоветский период, отмеченный деидеологизацией общественной жизни и расширением методологической базы научных исследований, расширился круг проблем, ранее находившихся вне поля зрения историков и фокусирующих внимание на изучении наследия теоретиков и законодателей многообразных школ исторических и социологических исследований, на культурологических и социо-антропологических аспектах, на изучении «ментальной истории», «культуры повседневности» как в ее материальном, так и духовном измерениях. Переход на двухступенчатую, а в дальнейшем и трехступенчатую систему высшего образования (бакалавриат, магистратура и аспирантура) потребовали серьезного обновления учебных программ.

Российский период в развитии исторического отделения ИСАА стал плодотворным с точки зрения появления новых направлений исследований, участия в общероссийских и международных конференциях, зарубежных стажировок профессоров, преподавателей и научных сотрудников в университетах изучаемых стран и регионов. Увеличилось количество изданий, связанных с переводами и комментариями фундаментальных исторических источников, с обработкой и публикациями уникальных архивных материалов, в том числе и из отечественных архивов. Вместе с тем, возникли и определенные сложности, связанные с проблемами финансиру-

ния публикаций и расширения состава кафедр за счет привлечения к работе талантливых выпускников ИСАА, склонных к научно-преподавательской деятельности.

В области научного развития велась работа по тематике исследований, предусмотренных направлениями деятельности исторического отделения ИСАА и обеспечению публикациями как авторскими, так и коллективными разработки проблематики сопоставительного типологического изучения восточных цивилизаций, взаимодействия восточных и западных культур во всемирной истории, истории культуры стран Востока (межцивилизационные контакты); религий Востока (традиции и современность); изучения роли России в развитии Востока и Востока в истории России.

Преподаватели исторического отделения ИСАА МГУ приняли участие в разработке и публикации академического 6-томного издания «Всемирная история» (М.: Наука, 2011–2018). В проекте приняли участие М.С. Мейер, С.А. Кириллина, Т.А. Коняшкина, Э.С. Львова, В.В. Орлов, А.Л. Сафронова, К.Д. Никольская, К.А. Фурсов и др.

Были подготовлены и изданы учебники «Основы религиоведения» (М.: Высшая школа), «История религий» (М.: Юрайт), «Религиоведение» (М.: Юрайт), пережившие множество изданий, в которых нашли отражение темы, связанные со сравнительной характеристикой религиозной ситуации в восточных и западных обществах, с влиянием западных церквей и учений на восточные религиозные институты. В них приняли участие преподаватели исторического отделения ИСАА МГУ (Ф.М. Ацамба, С.А. Кириллина, Н.Н. Бектимирова, А.В. Бочковская, А.Л. Сафронова и др.). Помимо университетских учебников, учебных пособий и коллективных монографий наши историки участвовали в создании коллективных монографий по истории Востока и отдельным ключевым проблемам его развития, издаваемых ведущими отечественными научными институтами. Среди них в первую очередь выделяется 6-томная «История Востока», публиковавшаяся издательством «Восточная литература» Института востоковедения РАН в период с 1995 по 2008 гг. (М.С. Мейер, Ф.М. Ацамба, С.А. Кириллина, А.А. Вигасин, Д.В. Деопик, В.А. Дольникова, А.Л. Сафронова, Д.Р. Жантiev, В.В. Орлов, Т.А. Коняшкина).

В 2022 году историки кафедр исторического отделения — истории Китая, истории и культуры Японии, истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, истории стран Ближнего и Среднего Востока, истории Южной Азии и исторические подразделения комплексных кафедр африканистики, иудаики, Центральной Азии и Кавказа решали две основные возникшие задачи:

1. Переход политологов на исторические кафедры и историческое отделение в целом; преобразование исторического отделения в историко-политологическое вызвало необходимость в перераспределении преподавателей, читающих общие курсы. Эти вопросы обсуждались в несколько этапов как на отделении, так и на расширенных заседаниях дирекции.

2. Изменение геополитической ситуации и необходимость переосмысления проблематики, связанной с перспективами исторического развития стран Азии и Африки, места России в меняющемся миропорядке, роли России в развитии афро-азиатского региона, отражающем растущее значение «восточного направления» в государственной политике России, определило изменения в программах общих курсов по современной тематике.

В результате в расширенном Методсовете историко-политологического отделения возникли две специализации:

История стран Азии и Африки (руководитель — А.Л. Сафронова);

Политическое развитие и международные отношения стран Азии и Африки (руководитель — П.В. Шлыков).

Были созданы две экзаменационные комиссии для проведения бакалаврских и магистерских защит, экзаменов в аспирантуре (канд. мин., защиты УМКД, НКР, вступительные экзамены в аспирантуру), разработаны программы и экзаменационные вопросы. По истории и политологии наблюдался традиционно наиболее высокий конкурс при поступлении в аспирантуру.

С учетом новых задач было осуществлено обновление учебных программ по дисциплинам специализации кафедр (история изучаемой страны/региона в Древности, Средние века, Новое и Новейшее время; история общественной мысли; источниковедение и историография; история религий изучаемой страны/региона; география изучаемой страны/региона; этнология изучаемой страны/региона; социально-политическое развитие изучаемой страны/региона); совершенствование читаемых спецкурсов и разработка новых спецкурсов как для бакалавров, так и магистров и аспирантов. Традиционный набор пополнился курсами лекций по учебному плану политологов.

К блоку общих курсов на Историческом факультете МГУ: История стран Азии и Африки (Древность), История стран Азии и Африки (Средние века), История стран Азии и Африки (Новое время), История стран Азии и Африки (Новейшее время), Всемирная история, Истории стран Азии и Африки, добавились политологические: Политология, История политических учений, Международные конфликты на современном этапе, Ислам в мировой политике и международных

отношениях, Политические процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке, Политические процессы в современной Восточной и Южной Азии, Модели политического развития стран Юго-Восточной Азии, Политика и развитие современной Африки и т.д.

Отдельное место заняло освещение роли России в развитии афро-азиатского региона, отражающее растущее значение «восточного направления» в государственной политике России. В учебном плане появился курс: «История России (Восток и Россия)», отражающий богатую палитру международных связей нашей страны с государствами Азии и Африки. Новый курс «Роль религий в общественно-политической жизни стран Востока в XXI веке» призван подчеркнуть растущее значение религиозного фактора в политике современных государств афро-азиатского региона.

Значительная роль в деятельности историко-политологического отделения отведена работе по созданию программ и экзаменационных материалов по направлениям «История стран Азии и Африки» и «Политическое развитие и международные отношения стран Азии и Африки» для поступающих в магистратуру, аспирантуру, программы кандидатского минимума, а также разработке учебных планов для магистров-историков, магистров-политологов, аспирантов-историков, аспирантов-политологов и формированию новых образовательных стандартов.

Кафедры историко-политологического отделения действуют на основе программ учебного и научного развития. Важнейшей целью является сохранение и развитие традиций кафедр, сложившихся за годы их работы с момента основания ИСАА в 1956 г. Наиболее актуальными задачами кафедр являются дальнейшее повышение уровня профессиональной квалификации коллективов кафедр, совершенствование учебного процесса и научной деятельности их преподавателей и сотрудников, а также подготовка молодых специалистов, прежде всего через аспирантуру ИСАА для пополнения состава кафедр. Важнейшими составляющими деятельности кафедр представляются обновление учебных программ по дисциплинам специализации кафедр, совершенствование читаемых спецкурсов и разработка новых спецкурсов как для бакалавров, так и магистров и аспирантов.

Расширение тематики спецкурсов планируется в плане охвата разнообразных вопросов, связанных как со спецификой традиционных восточных обществ, так и с максимально широкой тематикой современного социально-политического развития афро-азиатского региона. Кафедры нацелены на подготовку учебных пособий и учебников по читаемым курсам и спецкурсам, статей и монографий по

проблемам научной специализации их сотрудников. Предполагается дальнейшее освоение и внедрение в практику учебной и научной работы сотрудниками кафедр новейших методик педагогической и исследовательской работы, в частности, связанных с современными информационными технологиями, презентации к лекциям. Одним из основных направлений повышения квалификации преподавателей кафедр являются стажировки в зарубежных университетах и научных центрах, командировки в изучаемую страну.

Сохраняется тесная связь научных изысканий с задачами учебного процесса. Программа курса «История стран Азии и Африки», ставшая плодом коллективного творчества историков различных кафедр, дает ключ и к чтению курсов по истории конкретных стран и регионов на соответствующих кафедрах. За последнее десятилетие созданы спецкурсы — как общие, помогающие осмыслить конкретные проблемы исторического развития стран Востока, так и кафедральные, дающие уникальную возможность их авторам апробировать результаты своих научных разработок, рассмотреть отдельные проблемы развития конкретной страны или региона.

Общее и особенное в историческом развитии стран Азии и Африки и в насущных проблемах современности раскрывается через деятельность Методического совета историко-политологического отделения, в который входят представители всех кафедр исторической специализации, и через деятельность отдельных кафедральных подразделений:

- кафедры истории Китая (зав. каф. — проф. А.А. Маслов),
- кафедры истории и культуры Японии (зав. каф. — проф. Е.К. Симонова-Гудзенко),
- кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (зав. каф. — проф. Н.Н. Бектимирова),
- кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока (зав. каф. — проф. С.А. Кириллина),
- кафедры истории Южной Азии (зав. каф. — проф. А.Л. Сафронова),
- исторических подразделений комплексных кафедр:
- кафедры африканистики (зав. каф. — проф. Н.В. Громова),
- кафедры иудаики и еврейской цивилизации (зав. каф. — проф. А.Б. Ковельман),
- кафедры Центральной Азии и Кавказа (зав. каф. — проф. А.В. Муравьев).

Совместная педагогическая деятельность осуществляется через чтение общих курсов: История стран Азии и Африки (Древность, отв. — К.Д. Никольская, Средние века, отв. — В.В. Орлов, Новое

время, отв. — К.А. Фурсов, Новейшее время, отв. — Д.Р. Жантиев). В чтении курса «Всемирная история» (для филологов, политологов, экономистов) принимают участие К.Д. Никольская, И.Б. Спектор (Древность и Средние века); Д.Р. Жантиев, А.Л. Сафронова, К.А. Фурсов, П.В. Шлыков (Новое и Новейшее время). Целый коллектив наших историков участвует в чтении курсов по истории стран Азии и Африки на Историческом факультете МГУ (отв. за лекции по Средним векам — М.В. Грачев), (отв. за лекции по Новому времени — Д.Р. Жантиев), (отв. за лекции по Новейшему времени — В.В. Орлов).

В ходе работы по формированию учебных программ для магистратуры и аспирантуры был создан ряд уникальных авторских курсов и спецкурсов: «Современные методы научных исследований» и «Историко-философские теории» (проф. В.В. Орлов), «Актуальные проблемы изучения мировой истории» и «История западного востоковедения в XX — начале XXI вв.» (доц. К.А. Фурсов), «Эволюция географических представлений и картографии в странах Востока» (проф. Е.К. Симонова-Гудзенко, проф. А.А. Вигасин), «Ислам и его визуальные и художественные воплощения» (проф. С.А. Кириллина), «Ислам в мировой политике и международных отношениях» (доц. П.В. Шлыков) и др.

В области научного развития ведется работа по тематике исследований, предусмотренных научно-исследовательскими направлениями деятельности историко-политологического отделения ИСАА. К трем традиционным направлениям НИР («Восток в истории и культуре России»; «История и культура стран Востока: межкультурные контакты»; «Религиозные системы Востока: традиции и современность») добавились «Политические проблемы, процессы и их урегулирование в современных государствах Азии и Африки».

Кафедры сотрудничают с Институтом востоковедения РАН, Институтом Африки РАН, Институтом Китая и современной Азии РАН, ВШЭ, МГИМО, РГГУ, РУДН, ИМЭМО, СПбГУ, ДВФУ, Новосибирским государственным университетом и др. научными институтами и университетами России. Обязательным направлением является укрепление отношений с ведущими университетами стран Азии и Африки и налаживание стажировок в них студентов на постоянной основе.

Насущной задачей кафедр является расширение и актуализация тематики курсовых и дипломных работ, магистерских диссертаций, повышения их качества, привлечение студентов к участию в студенческих научных конференциях в ИСАА и в других вузах. Большое внимание уделяется работе с аспирантами кафедр. Осуществляется регулярное обновление представления кафедр на сайте ИСАА и раз-

мещение на нем программ усовершенствованных курсов и новых спецкурсов, научных публикаций сотрудников, а также учебных материалов к лекциям и семинарам.

Важным полем деятельности является участие в российских и международных конференциях по востоковедной, в целом, и страноведческой, в частности, специализации. Особое значение имеет участие сотрудников кафедр в ежегодной конференции МГУ «Ломоносовские чтения». В работе ее исторических подсекций: «История, источниковедение и историография Древнего и Средневекового Востока» (рук. — доц. М.А. Сюннерберг), «Новая и Новейшая история стран Азии и Африки» (рук. — проф. А.Л. Сафронова), «Религия стран Азии и Африки: история и современность» (рук. — проф. С.А. Кириллина) отражаются темы исследований историков ИСАА.

Кафедры историко-политологического отделения проводят тематические конференции, посвященные актуальным проблемам исторического и современного развития соответствующих регионов. Так, на кафедре истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии регулярно проводятся конференции «Губеровские чтения» с последующей публикацией сборников («Страны Юго-Восточной Азии и Запад: многообразие форм их взаимодействия. История и современность» (2022), «Кризис как явление и как событие: опыт Юго-Восточной и Восточной Азии (история, политика, экономика, культура» (2023) и др.). На кафедре истории стран Ближнего и Среднего Востока регулярно проводятся тематические «Ацамбовские чтения» (последние, посвященные проблеме сакральной географии Ближнего и Среднего Востока, прошли в 2023 г.) и предстоящие «Мейеровские чтения», которые станут данью памяти и уважения выдающемуся ученому и педагогу, долгие годы возглавлявшему кафедру и институт. Кафедра Центральной Азии и Кавказа проводит международные научные конференции, семинары и круглые столы по актуальным вопросам, связанным с интересами России и сопредельных стран в Центрально-Азиатском и Кавказском регионах. Кафедра иудаики провела международные конференции «После конца истории: утопия и конфликт на Востоке» (2021), «Добро и зло на Востоке: этика, политика, экономика» (2022). Кафедра истории Южной Азии проводит регулярные международные конференции совместно с индийскими коллегами из Университета имени Дж. Неру (Дели), посвященные вопросам развития российско-индийских отношений и актуальным проблемам современного социально-политического развития Индии («Южная Азия: история, политика, международные отношения» (2023), «Разделенные народы Южной Азии: исторические судьбы и перспективы» (2024).

Важным направлением деятельности историко-политологического отделения в 2020-е гг. стала подготовка тематических специальных выпусков престижных международных научных журналов. В 2020 г. свет увидел тематический номер ЭНОЖ «История», посвященный исторической памяти и исторической политике (отв. ред. П.В. Шлыков). В 2022 г. журнал «Новая и Новейшая история» выпустил тематический номер по проблемам развития гражданского общества в его историческом и политическом измерении (отв. ред. П.В. Шлыков). В 2023 г. ЭНОЖ «История» опубликовал специальный выпуск, посвященный памяти профессора М.С. Мейера (1936–2022) «Исторические ритмы Ближнего и Среднего Востока» (отв. ред. П.В. Шлыков). В 2023 г. вышел специальный выпуск журнала «Исторический вестник» под заголовком «Паладины Российской империи» (отв. ред. Т.Ю. Кобищанов), авторы которого сфокусировались на четырех веках истории российского проникновения на Азиатский и Африканский континенты. В 2024 г. «Исторический вестник» публикует специальный выпуск «Сакральная география Ближнего Востока» (отв. ред. К.А. Панченко), а журнал «Новая и Новейшая история» — тематический номер, посвященный России на Ближнем и Среднем Востоке (отв. ред. П.В. Шлыков).

Ученые и преподаватели историко-политологического отделения активно участвуют в подготовке и проведении ежегодной Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» в МГУ в рамках Международного научного молодежного форума, где в секции «Востоковедения и африканистика» (руководитель — П.В. Шлыков) проводится большое число разнообразных подсекций и тематических круглых столов, охватывающих весь спектр современных исторических и политологических востоковедных исследований («Древняя и средневековая история Азии и Африки», «Новейшая история стран Азии и Африки», «Международные отношения в Азии и Африке», «Россия и страны Азии и Африки», «Исламские исследования: история, культура, религия и политика», «Проблемы социального и политического развития современного Востока», «Религии, философия и культура Азии и Африки», «История и социально-культурная антропология (страны Азии и Африки)», «Демократия, авторитаризм и гражданское общество в странах Азии и Африки», «Историческая политика, информационные войны и пропаганда в странах Азии и Африки», «Военная история, вооруженные конфликты и актуальные проблемы безопасности Азии и Африки», «Территориальные споры, интеграционные и дезинтеграционные процессы в Азии и Африке»). Конференция демонстрирует высокую активность и заинтересованность

студентов историко-политологического отделения. В 2010-е годы по инициативе Совета молодых ученых ИСАА (председатель П.В. Шлыков) на базе исторического отделения стали проводиться интерактивные межвузовские семинары для студентов, магистрантов и аспирантов, посвященные актуальным проблемам развития стран афро-азиатского мира («Историческая память и историческая мифология», «Армия и военная элита в политическом процессе стран Азии и Африки», «Проблемы построения мира и безопасности на Кавказе», «Территориальные споры Восточной Азии», «Проблемы восприятия и строительства демократии в странах Азии и Африки», «Проблемы коррупции в политической культуре стран Азии и Африки»), и семинары по ситуационному анализу и краткосрочному прогнозированию «Политический процесс в странах Азии и Африки: региональные и макрорегиональные измерения».

Сотрудники историко-политологического отделения вносят свой вклад в деятельность журнала «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение». являются членами редколлегии и регулярно публикуют в нем свои научные труды. Сотрудники кафедр публикуют статьи в высокорейтинговых журналах, таких как «Восток (Oriens)», «Азия и Африка сегодня», «Вестник Древней истории», «Новая и Новейшая история», «Ислам в современном мире», ЭНОЖ «История», «Сравнительная политика», «Мировая экономика и международные отношения» и др.

Важным отражением научных достижений историков ИСАА является участие в деятельности Диссертационного совета Исторического факультета МГУ.056.2 (07.04) по специальности 5.6.2 — Всеобщая история, в котором были защищены кандидатские диссертации аспирантами и сотрудниками нашего института.

Методсовет каждый год обсуждает и дает рекомендации к публикации учебных пособий, учебников, монографий, представленных кафедрами отделения. Так, в 2023–2024 учебном году по рекомендации методсовета были опубликованы учебные пособия и монографии преподавателей кафедр истории Южной Азии, истории ДВ и ЮВА, истории стран Ближнего и Среднего Востока, африканистики: учебное пособие «Постколониальная история Африки южнее Сахары» (автор: А.Л. Емельянов), коллективная монография Н.Н. Бектимировой, А.Е. Кириченко, И.Н. Липилиной, П.Ю. Цветова «Страны Индокитая в XXI в.: многообразие политических систем», “South Asia: History, Politics, International Relations” / Южная Азия: история, политика, международные отношения. Материалы исследований и докладов Международной научной онлайн-конференции 1 декабря 2023 г. (отв. ред. А.В. Бочковская, А.Л. Сафронова), «Стра-

ны Ближнего и Среднего Востока: история, общество, культура. Учебно-методическое пособие» (отв. ред. В.Е. Смирнов).

Преподаватели историко-политологического отделения ведут экспертно-аналитическую деятельность, готовят материалы для российских организаций и ведомств, предложения по сотрудничеству России со странами афро-азиатского региона, включая взаимодействие в сфере образования, дают интервью для СМИ и ТВ.

Кафедры отделения на постоянной основе поддерживает связь со школами. Сотрудники кафедр ежегодно принимают активное участие в Фестивалях науки, знакомя абитуриентов с историей создания и деятельностью кафедр, с ее профессорами и преподавателями, студентами, магистрантами и аспирантами, специализирующимися в области истории различных стран Азии и Африки. Преподаватели отделения являются кураторами и принимают участие в деятельности студенческих клубов. Особое место занимает работа Школы молодого востоковеда ИСАА (руководитель — П.В. Шлыков) — уникальной профориентирующей программы с полувековыми традициями обучения старшеклассников, проявляющих интерес к странам Азии и Африки, которая позволяет до поступления познакомиться с ИСАА изнутри и приобрести знания, способствующие более эффективному освоению всего корпуса обязательных востоковедных дисциплин. В 2010 г. проект Школы молодого востоковеда был перезапущен в новом формате — с новой учебной программой и новым составом лекторов, основной костяк которых составили ведущие профессора и преподаватели ИСАА, заведующие кафедрами и лабораториями, для наиболее эффективной репрезентации интеллектуальных ресурсов и образовательных возможностей ИСАА перед аудиторией потенциальных абитуриентов и студентов.

Профессия востоковеда увлекательна: Восток — это колыбель древнейших цивилизаций, средоточие высочайших достижений мировой материальной и духовной культуры, «музей под открытым небом», где вживе можно наблюдать все этапы развития человечества от наиболее архаичных форм его организации до постиндустриального общества. Сегодня страны афро-азиатского региона выходят на лидирующие позиции в мировом политическом и социально-экономическом развитии и нашей задачей является определение их перспективного усиления геополитических позиций и демографического роста. Актуальность наших исследований вряд ли нуждается в доказательствах: развитие «восточного вектора» во внешнеполитической стратегии России на современном этапе неоспоримо.

Глубокое изучение проблем развития стран Азии и Африки имеет непреходящее значение для российской политической и историче-

ской науки как в теоретическом, так и прикладном плане. Задачи, с которыми сталкивается Россия в новой фазе своего развития, не являются уникальными по своей природе, однако обладают исключительностью в контексте исторических условий и возможных способов их разрешения. Ранее другие государства также сталкивались с аналогичными проблемами, но подходили к ним по-разному и в иной последовательности. Таким образом, хотя каждая из этих проблем не является уникальной сама по себе, их решение в совокупности для каждой страны является уникальным из-за ее специфики. Некоторые страны Востока, начавшие процесс модернизации позже Запада, тем не менее смогли догнать западные страны. Определив для себя цели политической, экономической и социальной модернизации, они достигали их иным, более эффективным путем, лучше соответствовавшим их цивилизационным и национальным особенностям. Некоторые страны афро-азиатского региона только начинают свой путь в этом направлении или же вовсе не могут к нему подступиться. Таким образом, существуют различные траектории модернизации политической и социально-экономической систем, которые могут быть как эффективными, так и проблемными или неудачными, которые приводят или не приводят к удачному его завершению.

Страны афро-азиатского макрорегиона, которые смогли выработать собственный путь развития, отличный от западного и не равнозначный вестернизации, сумели сохранить свою культурно-цивилизационную специфику и самобытность. Именно этим странам удалось не только догнать Запад, но также — как все отчетливее мы видим сейчас — начать заметно влиять на траекторию мирового развития. Их опыт имеет особое значение для России, которая находится на этапе формирования модели развития, ориентированной одновременно на модернизацию и плодотворное и рациональное использование наработок других стран. Все это повышает актуальность скрупулезного научно-теоретического осмысления и детального изучения исторических и политических процессов во всем многообразии их проявлений в странах Азии и Африки.

В рамках ограниченного объема статьи невозможно отразить индивидуальный вклад профессоров, преподавателей, научных сотрудников: это обзор основных тенденций в работе отделения и значимых коллективных трудов по истории и политическому развитию афро-азиатского региона. Между тем, конкретные монографические исследования наших историков и политологов являются украшениями ИСАА и вкладом в отечественное и мировое востоковедение. Наше отделение накопило уникальный бесценный

профессиональный опыт, впитало в себя богатые традиции наших учителей, творчески развивает их в своей собственной научной и преподавательской деятельности и передает это наследие своим ученикам.

Нашим общим достоянием является стремление к дальнейшему развитию творческого потенциала в соответствии с запросами и вызовами времени, к достижению достойной оценки востоковедного знания в нашем обществе. Безусловно, по мере развития историко-политологического отделения открывались не только новые перспективы, но и новые проблемы, часть которых была успешно решена, другая — ждет своего решения.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 01.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

ОБ АВТОРАХ

Сафронова Александра Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующий историко-политологическим отделением ИСАА МГУ (История стран Азии и Африки); alsafronova@iaas.msu.ru;

Шлыков Павел Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, заведующий историко-политологическим отделением ИСАА МГУ (Политическое развитие и международные отношения стран Азии и Африки); shlykov@iaas.msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexandra L. Safronova — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Politics, IAAS MSU (History of Asian and African Countries); alsafronova@iaas.msu.ru;

Pavel V. Shlykov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Near and Middle East History, Head of the Department of History and Politics, IAAS MSU (Political Development and International Relations of Asian and African Countries); shlykov@iaas.msu.ru

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-3

КАФЕДРА ИСТОРИИ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА: 80 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

С.А. Кириллина, В.Е. Смирнов, Т.Д. Черкасова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; kirillina@iaas.msu.ru, smirnov@iaas.msu.ru, cherkasova@iaas.msu.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу научно-педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии 270-летней годовщины Московского университета. Авторы ставили своей основной целью дать объективную оценку современного состояния кафедры и ее вклада в развитие российского гуманитарного знания, определить ее место в структуре университетской науки и образования. Подобное исследование дает возможность охарактеризовать специфику подготовки российских востоковедов — специалистов по странам ближне-, средневосточного и североафриканского регионов, истории и культуре ислама в стенах Московского университета. Наряду с этим, оно позволяет составить адекватное представление о сформировавшихся на кафедре научных школах, уровне проводимых ею научных изысканий, с тем чтобы оценить многогранную работу кафедрального коллектива в рамках общероссийских и международных востоковедных исследовательских проектов. В ходе работы было убедительно продемонстрировано, что на современном этапе кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока прочно заняла свою нишу в структуре отечественного востоковедения, став важной составной частью российского гуманитарного сообщества, признанным центром обучения и воспитания квалифицированных востоковедных кадров для нужд страны.

Ключевые слова: Московский университет; Институт стран Азии и Африки; высшее востоковедное образование; востоковедение; Ближний и Средний Восток

Финансирование: Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Восток в истории и культуре России».

Для цитирования: Кириллина С.А., Смирнов В.Е., Черкасова Т.Д. Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока: 80 лет на службе отечественной науки и высшего образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 36–49. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-3

THE DEPARTMENT OF NEAR AND MIDDLE EAST HISTORY: 80 YEARS SERVING RUSSIAN SCIENCE AND HIGHER EDUCATION

**Svetlana A. Kirillina, Valery E. Smirnov,
Tatiana D. Cherkasova**

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kirillina@iaas.msu.ru,
smirnov@iaas.msu.ru, cherkasova@iaas.msu.ru*

Abstract: The article analyses the scientific and pedagogical activities of the teaching staff of the Department of the Near and Middle East History on the threshold of the 270th anniversary of the Lomonosov Moscow State University. The main goal of the authors was to make an objective assessment of the current state of the Department and its contribution to the development of Russian humanitarian knowledge, to determine its place in the structure of university science and education. Such a study makes it possible to characterize the specific nature of the training of Russian specialists in the Middle East and North Africa, the history and culture of Islam at Moscow University. At the same time, it allows us to get an adequate idea of the scientific schools formed in the Department, the level of academic research conducted by it, in order to assess the multifaceted work of the Department's team within the framework of all-Russian and international Orientalist research projects. In the course of the work it was convincingly demonstrated that the Department of the Near and Middle East History has now firmly occupied its niche in the structure of Russian Oriental studies, becoming an important part of the Russian humanitarian community, a recognized center of education and training of qualified Orientalists for the needs of the country.

Keywords: Moscow University; Institute of Asian and African Studies; Higher Education in Oriental Studies; Oriental Studies; Near and Middle East

Funding: The article was prepared as part of the Lomonosov Moscow State University research project "The East in Russian History and Culture".

For citation: Kirillina S.A., Smirnov V.E., Cherkasova T.D. The Department of Near and Middle East History: 80 years serving Russian science and higher education. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2024, Vol. 68, No. 4, pp. 36–49. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-3 (In Russ.)

В канун 270-летней годовщины Московского университета кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока выступает в качестве одного из ведущих учебных подразделений Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, являясь признанным центром обучения и воспитания кадров, специализирующихся на изучении стран Арабского мира, Турции, Ирана и Афганистана. Созданная восемьдесят лет назад кафедра прошла долгий и содержательный путь становления в структуре исторического факультета,

а затем и головного востоковедного вуза страны — Института восточных языков (ИВЯ) / Института стран Азии и Африки (ИСАА)¹. При этом процесс ее формирования и развития в стенах Московского университета стал своеобразным отражением ключевых этапов эволюции отечественного востоковедения с середины XX столетия и вплоть до наших дней.

В условиях быстро меняющегося мира руководство кафедры и ее профессорско-преподавательский состав всегда оперативно реагировали на вызовы, стоявшие перед отечественной наукой и высшим образованием, обеспечивая качественную и бесперебойную подготовку высококвалифицированных профессионалов в области арабистики, туркологии, иранистики и афганистики для нужд советского/российского общества и государства². Многие ее выпускники разных лет стали видными учеными, политиками, дипломатами, специалистами широкого профиля, плодотворно работающими на благо Отечества в государственных, общественных и частных организациях, учреждениях коммерческого профиля. Все они вносят значительный вклад в укрепление российского государства, отечественного высшего образования, развитие востоковедной науки, расширение дипломатических, деловых и культурных связей Российской Федерации со странами Востока.

С момента распада Советского Союза и наступления эпохи социальных потрясений и перемен в общественно-политической жизни страны кафедра вступила в новый этап своего существования, который характеризовался как значительными изменениями в сфере востоковедной исторической науки, так и существенным пересмотром всей системы высшего образования. С одной стороны, снятие цензурных ограничений, открытие широкого доступа к ранее недоступным источникам информации способствовали переоценке устоявшихся научных взглядов и концепций, диверсификации методологии исторического познания и заметному расширению проблемного поля востоковедных изысканий. С другой стороны, серьезное сокращение государственного финансирования высшей школы пагубно сказалось на престиже профессии вузовского преподавателя и привело к оттоку квалифицированных кадров в иные сферы деятельности, а разрушение традиционных контактов с вос-

¹ Образованный Постановлением Совета Министров СССР от 16 мая 1956 г. № 657 Институт восточных языков при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова после реорганизации 1972 г. был переименован в Институт стран Азии и Африки.

² *Кириллина С.А., Смирнов В.Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии своего восьмидесятилетия // *Арабистика Евразии*. 2024. Т. 7, № 1. С. 134.

токоведными центрами бывших союзных республик затруднило, а порой сделало невозможным интеллектуальный обмен с коллегами по востоковедным штудиям.

В эти непростые времена кафедры сумела не только сохранить, но и существенно укрепила свой кадровый потенциал. Благодаря выдающимся организаторским способностям воспитанника ИВЯ при МГУ, востоковеда-турколога с международным реноме Михаила Серафимовича Мейера (1936–2022)³, вставшего во главе кафедрального коллектива в начале 1990-х годов, на кафедру были приглашены уже состоявшиеся специалисты (И.М. Фильштинский, А.Б. Ковельман, Ж.С. Сыздыкова), запущен процесс омоложения преподавательского состава, в который успешно влились представители молодого поколения выпускников кафедры, успешно защитившие кандидатские диссертации (В.В. Орлов, Д.Р. Жантеев, К.А. Панченко⁴; чуть позже — Т.Ю. Кобищанов, Т.К. Кораев, П.В. Шлыков)⁵.

³ С 1994 по 2012 гг. включительно М.С. Мейер занимал также должность директора Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. После ухода с поста руководителя института и вплоть до своей кончины 19 апреля 2022 г. он являлся Президентом ИСАА МГУ. Подробнее о М.С. Мейере см.: *Кириллина С.А., Шлыков В.И., Шлыков П.В.* Памяти Михаила Серафимовича Мейера (30.08.1936–19.04.2022) // Восток (Oriens). 2022. № 4. С. 264–267; *Кириллина С.А., Шлыков П.В.* Исследование вафков в мировой османистике и вклад в его изучение профессора М.С. Мейера // Исторический вестник. 2022. Т. 41, № 3. С. 200–226; Памяти... Мейер Михаил Серафимович // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 2. С. 159–160; *Милибанд С.Д.* Востоковеды России: XX — начало XXI в. Библиографический словарь: В 2 кн. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2008. Кн. I: А–М. С. 896–897; *Шлыков В.И., Шлыков П.В.* По заветам академика В.В. Бартольда... // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2021. № 3. С. 3–18; *Шлыков В.И., Шлыков П.В.* Судьба османиста в России: памяти профессора М.С. Мейера (1936–2022) // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66, № 5. С. 247–254; *Шлыков П.В.* Мейер Михаил Серафимович // Российская историческая энциклопедия: В 18 т. Т. 11–12. М.: Олма Медиа Групп, 2022. С. 389–390.

⁴ Панченко Константин Александрович (1968–2024) — доктор исторических наук (2013), профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока. Его труды, изданные как в России, так и за рубежом, посвящены проблемам греко-византийских влияний на Ближнем Востоке, османского и арабского имперостроительства, истории монашества, Александрийской и Антиохийской церквей. Плодотворно работая на обширном ближневосточном материале, К.А. Панченко решительно пересматривал устоявшиеся представления о содержании арабоязычных христианских источников, феномене исторической памяти, путях и последствиях реакции традиционных арабских обществ на европейскую колонизацию и модернизацию. Энциклопедизм познаний, многогранные и порой бескомпромиссные гипотезы и выводы безвременно ушедшего ученого неизменно порождали оживленную научную дискуссию и легли в основу новейших отечественных арабистических и христиановедческих исследований.

⁵ *Кириллина С.А., Смирнов В.Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии своего восьмидесятилетия. С. 129–130.

За долгие годы руководства кафедрой нестандартно мыслящий исследователь, блестящий лектор и заботливый наставник М.С. Мейер приложил немалые усилия для решения организационных задач, стоявших перед подразделением. Реформирование российской высшей школы и переход на двухступенчатую, а в дальнейшем и трехступенчатую систему высшего образования (бакалавриат, магистратура и аспирантура) потребовали от коллектива кафедры серьезного обновления учебных программ. В ходе работы по формированию программ учебных дисциплин для бакалавров, магистров и аспирантов усилиями профессорско-преподавательского состава кафедры был создан ряд авторских курсов и спецкурсов: «Цивилизационные проблемы развития афро-азиатского региона», «История исламской цивилизации» (М.С. Мейер); «Исламоведение», «Ислам и его визуальные и художественные воплощения» (С.А. Кириллина); «Региональное сотрудничество в современном арабском мире» (В.В. Орлов); «Арабские провинции Османской империи в эпоху модернизации» (Д.Р. Жантиев); «Вакфы в контексте социально-политической жизни стран исламского мира в XX в.» (П.В. Шлыков); «Основные этапы истории культуры Ирана: истоки и влияния (с Древности до XVIII в.)» (В.Н. Зайцев) и многие другие. Состав преподаваемых дисциплин активно пополнялся новыми курсами, потребность в которых была вызвана актуальными запросами современности. Примером быстрой реакции на перемены, происходившие в странах арабского мира на рубеже XX–XXI столетий, стали два межфакультетских спецкурса «Арабская весна: причины, проявление и предварительные итоги» (Д.Р. Жантиев) и «Россия и арабский мир в XX — начале XXI в.: история, культура, геополитика» (В.В. Орлов)⁶.

Научная деятельность сотрудников кафедры в постсоветский период характеризовалась расширением методологической базы научных изысканий при отказе от насаждавшейся ранее официальными структурами «единственно верной» марксистской формационной методологии, освоением новых методов научного познания, формированием более современного инструментария научного поиска. Кроме того, в преподавательской среде повышался интерес к концептуальным востоковедным трудам зарубежных авторов, развивались новые научные направления, выходили оригинальные, во многом новаторские труды. После получения возможности работать

⁶ Кириллина С.А., Смирнов В.Е. Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в структуре университетской науки и образования: постсоветский период и современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 4. С. 125.

с фондами архивных хранилищ как в нашей стране, так и за рубежом значительно возросло число кафедральных изданий, связанных с обработкой и публикацией уникальных архивных документов (М.С. Мейер, С.А. Кириллина, В.В. Орлов, К.А. Панченко, Т.Ю. Кобищанов, Г.В. Горячкин и др.)⁷. Стремление старшего поколения передавать свои знания, опыт и творческие идеи ученикам во многом способствовали тому, чтобы под влиянием исследовательских интересов М.С. Мейера, Ф.М. Ацамбы⁸ и С.А. Кириллиной на кафедре сформировалась научная школа арабо-османских исследований, которая впоследствии получила международное признание⁹.

К числу новых направлений научных поисков на кафедре добавилась актуальная, но малоизученная тема восточного христианства, в рамках которой исследуются судьбы христианских общин Ближнего Востока, затрагиваются сюжеты, связанные с русским паломничеством в страны Арабского мира. В 2001 г. за выполненную в рамках этого направления исследований монографию «Османская империя и судьбы Православия на Арабском Востоке (XVI — начало XIX века)» доктор исторических наук К.А. Панченко получил престижную Макариевскую премию в категории «История Православной Церкви». Десять лет спустя, в 2011 г., профессор С.А. Кириллина также была удостоена Макариевской премии в номинации «История православных стран и народов» за плод своей многолетней работы — капитальную монографию «Очарованные странники: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий»¹⁰.

⁷ Кириллина С.А., Смирнов В.Е. Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в структуре университетской науки и образования: постсоветский период и современное состояние. С. 126.

⁸ Ацамба Ферида Мустафовна (1922–2016) — Заслуженный профессор Московского университета, кандидат исторических наук, автор многочисленных учебников, по которым училось несколько поколений студентов. В 1984–1990 гг. исполняла обязанности заведующего кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока. Данью признательности незаурядному ученому и педагогу стала проводимая в настоящее время на постоянной основе научная конференция «Ацамбовские чтения». Подробнее о Ф.М. Ацамбе см.: Горячкин Г.В. Мои воспоминания о профессоре Ф.М. Ацамба // Родная Ладога. 2020. № 2. С. 214–232; Мейер М.С. Ф.М. Ацамба и ее ближнее окружение по истфаку МГУ в 1940–1955 гг. // Исторический вестник. 2019. Т. 29 (176). С. 240–246; Милибанд С.Д. Востоковеды России: XX — начало XXI в. Библиографический словарь: В 2 кн. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2008. Кн. I: А–М. С. 83.

⁹ Кириллина С.А., Смирнов В.Е. Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии своего восьмидесятилетия. С. 131.

¹⁰ Кириллина С.А., Смирнов В.Е. Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в структуре университетской науки и образования: постсоветский период и современное состояние. С. 126.

В 2018 г. М.С. Мейера на посту заведующего кафедрой сменила Заслуженный профессор Московского университета Светлана Алексеевна Кириллина — один из ведущих российских востоковедов, специалист в области истории, культуры и религии арабских стран. В настоящее время кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока под ее руководством представляет собой динамично развивающийся, сплоченный научно-педагогический коллектив высококвалифицированных специалистов, обеспечивающих соответствующий высоким мировым стандартам уровень преподавания и научно-исследовательских работ. На сегодняшний день на кафедре трудятся и преподают профессора С.А. Кириллина, В.В. Орлов, доценты Д.Р. Жантиев, В.Н. Зайцев, Т.Ю. Кобищанов, П.В. Шлыков, старший преподаватель Т.А. Коняшкина и старший научный сотрудник В.Е. Смирнов.

Ключевой характеристикой учебных программ подготовки бакалавров, магистров и аспирантов на кафедре стало применение системного, диалектически выстроенного и динамичного подхода, который базируется на органичной взаимосвязи профильных и вспомогательных дисциплин в рамках учебного плана, а также комплексной подготовке востоковедов в тесном контакте с кафедрами языковой специализации (арабской филологии; иранской филологии; тюркской филологии; западноевропейских языков). В процессе реализации этих программ преподаватели кафедры читают широкий спектр как общих, так и специальных курсов традиционного историко-цивилизационного цикла для всех направлений подготовки. В рамках общей дисциплины «История религии изучаемой страны/региона» студенты бакалавриата, специализирующиеся по регионам и странам распространения ислама, слушают лекции по исламоведению (С.А. Кириллина). Студентам магистратуры читаются общие курсы «Историко-философские теории», «Современные методы научных исследований» (В.В. Орлов), «Ислам и его визуальные и художественные воплощения» (С.А. Кириллина). Ряд историков кафедры задействованы в чтении межфакультетских курсов и курсов лекций по истории стран Азии и Африки на историческом факультете МГУ¹¹.

С другой стороны, происходящие в обществе изменения в области информационно-коммуникационных технологий требуют обращать особое внимание на формирование у студентов навыков использования современных ресурсов в научно-исследовательской и практиче-

¹¹ Кириллина С.А., Смирнов В.Е. Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в структуре университетской науки и образования: постсоветский период и современное состояние. С. 127.

ской деятельности. В этой связи на кафедре идет активная работа по использованию дистанционных образовательных технологий в научно-образовательной деятельности. Готовятся к внедрению новые магистерские программы с широким применением инновационных методов обучения, которые обеспечат сочетание профессиональных, языковых и информационных компетенций обучающихся: «Миры Средиземноморья: противостояние и диалог от древности до наших дней» (межфакультетская магистерская программа); «Россия и мир Ближнего и Среднего Востока: история взаимодействия»; «Ислам в трансрегиональном измерении: политическая культура и идейные течения»; «Ислам, государственность и политическое участие на Ближнем и Среднем Востоке» и ряд других. Таким образом, на современном этапе ключевые тенденции развития кафедральных образовательных программ ориентированы на оптимальное сочетание классических основ с инновационными методами обучения и последними достижениями цифрового общества. Анализ текущего состояния образовательного процесса и востребованности выпускников кафедры показывает, что содержание и качество реализуемых ею учебных программ в полной мере соответствуют запросам современного рынка труда¹².

Как и в предшествующие периоды кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока уделяет самое серьезное внимание учебно-методическому сопровождению учебного процесса. Среди подготовленных сотрудниками кафедры учебных пособий — опубликованные в 2022 г. в издательстве Московского университета два коллективных труда: С.А. Кириллина, Т.К. Кораев, К.А. Панченко «Аравия и ее соседи до зарождения ислама» (М.: Изд-во Московского ун-та. 15,25 п.л.); С.А. Кириллина, В.В. Орлов «Североафриканский ислам в канун эпохи перемен» (М.: Изд-во Московского ун-та. 15,5 п.л.). В процессе подготовки к государственной аккредитации образовательной деятельности МГУ имени М.В. Ломоносова сотрудники кафедры творчески переработали и привели в соответствие с новыми образовательными стандартами значительный массив кафедральных учебно-методических материалов. По итогам этой работы за последние четыре года вышли в свет три электронные публикации: «Сборник учебных программ кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова» (М.: НВИ, 2021. 42,0 п.л.); «Сборник рабочих программ дисциплин кафедры истории стран Ближнего

¹² Кириллина С.А., Смирнов В.Е. Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии своего восьмидесятилетия. С. 134.

и Среднего Востока ИСАА МГУ» (М.: Языки Народов Мира, 2023. 71,75 п.л.)¹³ и учебно-методическое пособие «Страны Ближнего и Среднего Востока: история, общество, культура» (М.: Языки Народов Мира, 2024. 39,91 п.л.).

Научная работа кафедры осуществляется в рамках реализации Программы развития Московского университета и соответствует приоритетным направлениям фундаментальных исследований и целям долгосрочных программ в области востоковедения и африканистики. Основные кафедральные исследовательские проекты последних лет отличаются разнообразием методологического инструментария, сохраняя при этом присущие отечественному востоковедению информационную насыщенность, внимание к специфике изучаемых явлений и к их историческому контексту. Об интенсивной и плодотворной научно-исследовательской работе коллектива говорят изданные за последние годы коллективные монографии, в том числе: С.А. Кириллина, Д.Е. Мишин, В.В. Орлов и др. «Проблемы истории и источниковедения Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время» (М.: ИВ РАН, 2023. 264 с.); Т.Ю. Кобищанов, Т.К. Кораев, К.А. Панченко и др. «Очерки истории христианских цивилизаций» (Т. 1–2. М.: РОССПЭН, 2019, 2022. 552 с., 302 с.); Д.Р. Жантиев, С.А. Кириллина, Т.Ю. Кобищанов, В.В. Орлов, В.Е. Смирнов и др. «Арабеска и тюльпан. Арабо-османский мир в религиозной и культурной динамике» (М.: ИВ РАН, 2021. 224 с.); Д.Р. Жантиев, С.А. Кириллина, Т.Ю. Кобищанов, В.В. Орлов, В.Е. Смирнов и др. «Освоение мира. Памятные страницы истории Арабского Востока» (М.: ИВ РАН, 2020. 324 с.); М.Ф. Видясова, В.В. Орлов «Алжир у трех дорог» (М.: Садра, 2019. 224 с.). Среди коллективных трудов по истории стран Азии и Африки и отдельным ключевым проблемам их развития, которые издавались ведущими научными институтами Российской академии наук, первоочередного упоминания заслуживает выходившая в период с 1995 по 2017 г. 6-томная «История Востока» ИВ РАН, в работе над которой активное участие принимали сотрудники кафедры М.С. Мейер, Ф.М. Ацамба, Д.Р. Жантиев, В.В. Орлов, С.А. Кириллина, Т.А. Коняшкина¹⁴. Кроме того, только за последние три года из-под пера сотрудников кафедры

¹³ Кириллина С.А., Смирнов В.Е. Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в структуре университетской науки и образования: постсоветский период и современное состояние. С. 127.

¹⁴ Кириллина С.А., Смирнов В.Е. Отечественное востоковедение в системе высшего образования (на примере деятельности кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова) // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». М.: Перо, 2023. [Электронный ресурс] С. 1032.

вышли многочисленные научные статьи, включая 67 публикаций в журналах, индексируемых в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) и международных базах данных.

Студенты, аспиранты и сотрудники кафедры занимаются как исторической, социально-экономической, так и культурологической проблематикой ближневосточного и североафриканского регионов от древности до современности, включая арабские страны, Турцию, Иран и Афганистан, изучают взаимоотношения этих государств с Россией и другими странами мира, а также отечественную и зарубежную историографию по Ближнему и Среднему Востоку. Новым явлением стал интерес к истории отечественной востоковедной науки¹⁵. Ключевым индикатором вовлеченности сотрудников кафедры в актуальную проблематику научных изысканий стало их участие в грантовых программах российских фондов поддержки фундаментальных и поисковых научных исследований: «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз» (проект РНФ 2018–2021 гг.); «Многофакторный анализ “азиатского поворота” в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)» (проекты РНФ 2019–2021 гг. и 2022–2023 гг.); «Российское востоковедение и вклад ученых-ориенталистов немецкого происхождения: Казань — Санкт-Петербург (XVIII–XIX вв.)» (проект РФФИ 2020–2022 гг.); «Востоковедение в университетах России: центры и наследие (середина XVIII — первая треть XX в.)» (проект РНФ 2021–2023 гг.) и др.

Особо стоит подчеркнуть, что кафедра всегда придавала большое значение подготовке специалистов через аспирантуру и докторантуру. С начала 2000-х годов здесь было защищено 4 докторских диссертации, из которых 2 — штатными сотрудниками, а также 14 кандидатских диссертаций, в том числе 4 — преподавателями кафедры¹⁶. В обозримой перспективе планируется завершение работы над двумя докторскими диссертациями: «Ислам и власть в османской Сирии в эпоху правления Абдул Хамида II (1876–1909)» (Д.Р. Жантиев); «Гражданское общество в условиях политической трансформации Турции (XX–XXI вв.)» (П.В. Шлыков). Целый ряд аспирантов кафедры в самое ближайшее время также выходят на защиту диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук: «Социальная динамика и политическое развитие Центральной

¹⁵ Кириллина С.А., Смирнов В.Е. Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в структуре университетской науки и образования: постсоветский период и современное состояние. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 128.

и Восточной Аравии во второй половине XVII — 40-х годах XIX вв.» (Ф.Ю. Матвеев); «Исламские институты Хорасана и Мавераннахра XIV — середины XVI вв.: эволюция структур и динамика политической роли» (Л.А. Вердиева); «Эволюция пропаганды в кемалистской Турции 1920-х — 1930-х гг.» (А.С. Люльчак); «Трансформация военной организации Османской империи в эпоху реформ XIX в.» (К.А. Суриков).

Кафедра активно сотрудничает с коллегами из ведущих востоковедных учебных и научных центров нашей страны и зарубежья, что позволяет быть в тренде современных научных исследований. Научно-преподавательский коллектив кафедры принимает активное участие в издаваемых коллективных трудах, научных конференциях и семинарах, проводимых как в нашей стране, так и за рубежом, и сам выступает в роли организатора региональных, всероссийских и международных форумов. Среди последних научных мероприятий кафедры — конференция с международным участием III Ацамбовские чтения (30 июня — 1 июля 2023 г.), проходившая под тематическим заголовком «Сакральная география Ближнего и Среднего Востока сквозь века и поколения». В этом масштабном и представительном форуме, приуроченном к сто первой годовщине со дня рождения Заслуженного профессора Московского университета Ф.М. Ацамбы, приняли участие специалисты из ведущих отечественных и зарубежных высших учебных заведений и научных центров с докладами, отражающими проблематику сакральной географии ближневосточного историко-культурного массива в широчайшем временном диапазоне — от эпохи поздней Античности вплоть до сегодняшних дней¹⁷. На июнь 2025 г. запланировано проведение еще одной конференции с международным участием «Мейеровские чтения», которые станут данью памяти и уважения незаурядному ученому и замечательному педагогу, отдавшему более 60 лет своей жизни продвижению отечественной востоковедной науки, совершенствованию системы университетского образования.

На ближайшее будущее кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока ставит своей основной целью оперативно реагировать на новейшие тенденции в развитии востоковедческой науки, творчески обогащать апробированные дисциплины и создавать инновационные образовательные программы, связанные

¹⁷ Подробнее о научной конференции с международным участием III Ацамбовские чтения «Сакральная география Ближнего и Среднего Востока сквозь века и поколения» см.: Кириллина С.А., Смирнов В.Е., Черкасова Т.Д. Сакральная география Ближнего и Среднего Востока сквозь века и поколения // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 4. С. 197–204.

с современными мировыми процессами. В современной России, где вопрос востребованности выпускников-востоковедов на профессиональном рынке труда в силу комплекса факторов геополитического и социального характера давно обрел новое, актуальное звучание, последующее поступательное развитие кафедры связано с переосмыслением подходов к программам обучения, интенсификацией межвузовского и академического взаимодействия, дальнейшим методологическим и проблемным обогащением классической структуры отечественного востоковедения при неизменной опоре на традиции и ценностные ориентиры, заложенные ее основателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горячкин Г.В.* Мои воспоминания о профессоре Ф.М. Ацамба // Родная Ладога. 2020. № 2. С. 214–232.
2. *Кириллина С.А., Смирнов В.Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии своего восьмидесятилетия // Арабистика Евразии. 2024. Т. 7, № 1. С. 122–137. DOI: 10.26907/2619-1261.2024.7.1.122-137
3. *Кириллина С.А., Смирнов В.Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в структуре университетской науки и образования: постсоветский период и современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 4. С. 121–131.
4. *Кириллина С.А., Смирнов В.Е.* Отечественное востоковедение в системе высшего образования (на примере деятельности кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова) // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». М.: Перо, 2023. [Электронный ресурс] С. 1030–1034.
5. *Кириллина С.А., Смирнов В.Е., Черкасова Т.Д.* Сакральная география Ближнего и Среднего Востока сквозь века и поколения // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 4. С. 197–204. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-4-15
6. *Кириллина С.А., Шлыков В.И., Шлыков П.В.* Памяти Михаила Серафимовича Мейера (30.08.1936–19.04.2022) // Восток (Oriens). 2022. № 4. С. 264–267.
7. *Кириллина С.А., Шлыков П.В.* Исследование вакфов в мировой османистике и вклад в его изучение профессора М.С. Мейера // Исторический вестник. 2022. Т. 41, № 3. С. 200–226.
8. *Мейер М.С.* Ф.М. Ацамба и ее ближайшее окружение по истфаку МГУ в 1940–1955 гг. // Исторический вестник. 2019. Т. 29 (176). С. 240–246.
9. *Милибанд С.Д.* Востоковеды России: XX — начало XXI в. Библиографический словарь: В 2 кн. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2008. Кн. I: А–М. 4, VIII, 968 с.
10. Памяти... Мейер Михаил Серафимович // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 2. С. 159–160.
11. *Шлыков В.И., Шлыков П.В.* По заветам академика В.В. Бартольда... // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2021. № 3. С. 3–18.
12. *Шлыков В.И., Шлыков П.В.* Судьба османиста в России: памяти профессора М.С. Мейера (1936–2022) // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66, № 5. С. 247–254.
13. *Шлыков П.В.* Мейер Михаил Серафимович // Российская историческая энциклопедия в 18-ти томах. Т. 11–12. М.: Олма Медиа Групп, 2022. С. 389–390.

REFERENCES

1. Goryachkin G.V. Moi vospominaniya o professore F.M. Atsamba [My memories of Professor F.M. Atsamba]. *Rodnaya Ladoga* [Native Ladoga]. 2020. No. 2, pp. 214–232. (In Russ.)
2. Kirillina S.A., Smirnov V.E. *Kafedra istorii stran Blizhnego i Srednego Vostoka v preddverii svoego vos'midesjatiletija* [Department of Near and Middle East History on the eve of its eightieth anniversary]. *Arabistika Evrazii* [Eurasian Arabic Studies]. 2024. Vol. 7, No 1, pp. 122–137. DOI: 10.26907/2619-1261.2024.7.1.122-137 (In Russ.)
3. Kirillina S.A., Smirnov V.E. *Kafedra istorii stran Blizhnego i Srednego Vostoka v strukture universitetskoj nauki i obrazovanija: postsovetiskij period i sovremennoe sostojanie* [Department of Near and Middle East History in the Framework of University Academic Research and Education: Post-Soviet Period and Current Status]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie* [Moscow University Oriental Studies Bulletin]. 2022. No. 4, pp. 121–131. (In Russ.)
4. Kirillina S.A., Smirnov V.E. *Otechestvennoe vostokovedenie v sisteme vysshego obrazovanija (na primere dejatel'nosti kafedry istorii stran Blizhnego i Srednego Vostoka ISAA MGU imeni M.V. Lomonosova)* [Domestic Oriental Studies in the System of Higher Education (The Department of Near and Middle East History of the IAAS MSU)]. *X Mezhdunarodnyj Sibirskij istoricheskij forum «Sibir' i Rossija: istorija i kul'tura»* [X International Siberian Historical Forum “Siberia and Russia: History and Culture”]. Moscow: Pero Publishing House, 2023, pp. 1030–1034. [Online resource] (In Russ.)
5. Kirillina S.A., Smirnov V.E., Cherkasova T.D. *Sakral'naja geografija Blizhnego i Srednego Vostoka skvoz' veka i pokolenija* [The Sacred Geography of the Near and Middle East Through the Ages and Generations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie* [Moscow University Oriental Studies Bulletin]. 2023, Vol. 67, No. 4, pp. 197–204. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-4-15 (In Russ.)
6. Kirillina S.A., Shlykov V.I., Shlykov P.V. *Pamyati Mihaila Serafimovicha Mejera (30.08.1936–19.04.2022)* [In memory of Mikhail Serafimovich Meyer (30.08.1936–19.04.2022)]. *Vostok* [Oriens]. 2022. No. 4, pp. 264–267. (In Russ.)
7. Kirillina S.A., Shlykov P.V. *Issledovanie vakfov v mirovoj osmanistike i vklad v ego izuchenie professora M.S. Mejera* [Waqfs in the International Ottoman Studies and Professor Mikhail Meyer's Contribution to the Field]. *Istoricheskij vestnik* [Historical Reporter]. 2022. Vol. 41, No. 3, pp. 200–226. (In Russ.)
8. Meyer M.S. F.M. *Atsamba i ee blizhnee okruzenie po istfaku MGU v 1940–1955 gg.* [F.M. Atsamba and her colleagues of the history department of Moscow State University in 1940–1955]. *Istoricheskii vestnik* [The Historical Reporter]. 2019. Vol. 29 (176), pp. 240–246. (In Russ.)
9. Miliband S.D. *Vostokovedy Rossii: XX — nachalo XXI v. Bibliograficheskii slovar' v 2 kn.* [Russian Orientalists: XX — early XXI centuries. Bibliographical Dictionary in 2 vols.]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2008. Vol. I: A–M. — 4, VIII, 968 p. (In Russ.)
10. *Pamyati... Mihail Serafimovich Mejer* [In memory of Mikhail Serafimovich Meyer]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie* [Moscow University Oriental Studies Bulletin]. 2022. No. 2, pp. 159–160. (In Russ.)
11. Shlykov V.I., Shlykov P.V. *Po zavetam akademika V.V. Bartol'da...* [According to the precepts of Academician V.V. Barthold...]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie* [Moscow University Oriental Studies Bulletin]. 2021. No. 3, pp. 3–18. (In Russ.)
12. Shlykov V.I., Shlykov P.V. *Sud'ba osmanista v Rossii: pamjati professora M.S. Mejera (1936–2022)* [The fate of the Ottoman researcher in Russia: in memory of Professor

- M.S. Meyer (1936–2022)]. *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Current History Journal]. 2022. Vol. 66. No. 5, pp. 247–254. (In Russ.)
13. Shlykov P.V. *Mihail Serafimovich Mejer* [Mikhail Serafimovich Meyer]. *Rossiiskaja istoricheskaja jenciklopedija v 18-ti tomah* [The Russian Historical Encyclopaedia in 18 volumes.]. M.: Olma Media Grupp Publ., 2022. Vol. 11–12, pp. 389–390. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 15.08.2024; accepted for publication 02.12.2024.

ОБ АВТОРАХ

Кириллина Светлана Алексеевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; kirillina@iaas.msu.ru

Смирнов Валерий Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; smirnov@iaas.msu.ru

Черкасова Татьяна Дмитриевна — ученый секретарь ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; cherkasova@iaas.msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Svetlana A. Kirillina — DSc in History, Professor and Head, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; kirillina@iaas.msu.ru

Valery E. Smirnov — PhD in History, Senior Researcher, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; smirnov@iaas.msu.ru

Tatiana D. Cherkasova — Academic Secretary, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; cherkasova@iaas.msu.ru

ИСТОРИЯ

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-4

ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЮЖНОЙ АЗИИ: ФАКТОР ЗАПАДНОГО ПАНДЖАБА (ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ)

А.Л. Филимонова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; alina.filimonova@mail.ru*

Аннотация: В статье представлен историографический обзор современных материалов, касающихся Западного Панджаба — области, составляющей в настоящее время пакистанскую провинцию Панджаб. Этнонациональная специфика данного региона в полной мере признается исследователями, однако осмысливается и интерпретируется ими по-разному. Основопологающим критерием в данном вопросе становится алгоритм «встраивания» западного Панджаба в более общий южноазиатский контекст.

Детальное изучение работ, посвященных панджабской этнокультурной самобытности, позволяет нам выделить два основных исследовательских подхода: 1) рассмотрение особенностей региона в свете историко-культурного прошлого, насчитывающего несколько тысячелетий; 2) анализ исторического пути и современного положения Западного Панджаба, исходящий из политических реалий середины XX–XXI вв. Если в первом случае за основу берется тезис о неотделимости западнопанджабской культуры от южноазиатской, то во втором акцент делается на специфике Западного Панджаба как территории с мусульманским большинством населения; вхождение ее в Пакистан представляется естественным и неоспоримым результатом исторического развития субконтинента в XX в.

Ключевые слова: Южная Азия, Пакистан, Панджаб, историография, этнонационализм

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-00293, <https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

Для цитирования: Филимонова А.Л. Этнонационализм и политика в современной Южной Азии: фактор западного Панджаба (вопросы историографии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 50–72. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-4

ETHNONATIONALISM AND POLITICS IN CONTEMPORARY SOUTH ASIA: THE WEST PUNJAB FACTOR (ISSUES IN HISTORIOGRAPHY)

Alina L. Filimonova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; alina.filimonova@mail.ru

Abstract: The paper discusses issues in the contemporary historiography of the West Punjab region, which now forms the Punjab province of Pakistan. The ethnic specificity of this area has been fully recognized by researchers; however, it is interpreted in different ways. To this end, the basic criterion has been the algorithm of “fixing” West Punjab within the general South Asian context.

A detailed study of works on Punjabi ethnocultural identity allows us to distinguish two main research approaches: 1) consideration of West Punjab’s peculiarities in view of its ages-old cultural legacy; 2) analysis of its historical path and contemporary place based on the political realities of mid-XX–XXI cc. While the first line of thinking is based on the assumption that West Punjabi culture has been inseparable from that of South Asia, the second one suggests that West Punjab should be considered exclusively as a Muslim-majority area, whose incorporation into Pakistan has been a natural outcome.

Keywords: South Asia, Pakistan, Punjab, historiography, ethnonationalism

Funding: The research has been carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant № 23-28-00293, <https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

For citation: Filimonova A.L. Ethnonationalism and politics in contemporary South Asia: The West Punjab factor (issues in historiography). *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2024, Vol. 68, No. 4, pp. 50–72. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-4 (In Russ.)

Осмысливая историю и современное положение пакистанского Панджаба, исследователи преимущественно избирают один из двух путей. В первом случае авторы исходят из существования единой общепанджабской культурно-исторической традиции, которая является первичной по отношению к любым политическим трансформациям региона. При таком подходе исследуется географическая область Западный Панджаб как ядро Пятиречья, культура которого с раннего времени «транслировалась» на весь северный Индостан.

Во втором случае объектом исследования выступает провинция Панджаб как единица в составе Исламской Республики Пакистан; исторически неотвратимыми предстают как вхождение Панджаба

в состав Пакистана, так и его роль политической и экономической основы этого государства.

Западный Панджаб как ядро северной Индии

Уникальным образцом исследования, проведенного в русле первого подхода, является труд отечественного востоковеда А.А. Суворовой¹. Лахор — сердце Западного Панджаба — становится объектом феноменологического анализа, рисуящего его как типический восточный город с характерной средой и социокультурной композицией. Одновременно с этим А.А. Суворова прослеживает, как вокруг Лахора концентрически развивались панджабская, южноазиатская и шире — восточная культура в целом.

Не менее наглядно важность Западного Панджаба в южноазиатском контексте демонстрируют разнообразные исследования, рассматривающие эту территорию как колыбель индийского суфизма².

Пакистанский исследователь Музаммил Саид³ анализирует начальный этап распространения суфизма в Южной Азии через переселение в регион суфийских проповедников, для которых Синд и Панджаб стали воротами в Южную Азию. Расцвет урбанистической культуры таких городов юго-западного Панджаба, как Мултан и Уч, М. Саид связывает с их превращением в центры суфийского учения. При этом *тиры* (наставники) наиболее распространенных в Южной Азии орденов (*чиштийя*, *сухравардийя*, *кадирийя*, *накибандийя*) достигли популярности через использование в проповедях мотивов панджабского фольклора; эта тактика не только позволила им расширять круг своих последователей, но и придала их проповедям уникальный панджабский колорит.

Развивая тезис о «западнопанджабской природе» индийского суфизма, пакистанский исследователь Мухаммад Азам Чоудхури⁴ доказывает, что данное учение «было близко базовой природе социальных отношений в панджабском обществе»⁵, что позволило ему, изначально окрепнув в рассматриваемом регионе, создать базу для дальнейшего распространения в Индии.

¹ Суворова А.А. Любить Лахор: топофилия восточного города. М., 2010.

² Saeed M., Naeem M. Sufism in South Punjab, Pakistan: From Kingdom to Democracy // Journal of Peace, Development and Communication. 2021. Vol. 5, № 02. P. 132–142.

³ Saeed M., Gilani S.I.A. Expansion and Existence of Sufi Orders in South Punjab, Pakistan // AL-ASAR Islamic Research Journal. 2023 (April-June). Vol. 3, № 2. P. 36–47.

⁴ Choudhary M.A. Religious Practices at Sufi Shrines in the Punjab // Pakistan Journal of History and Culture. 2010. Vol. 31. № 1. P. 1–30.

⁵ Ibid. P. 1.

Исследование пространства Западного Панджаба в качестве «земли суфизма» представлено также работами по истории и культуре отдельных локаций — таких как Мултан⁶ и Уч⁷.

«Суфийский облик» региона традиционно вызывал неоднозначную реакцию пакистанских властей: отдавая должное авторитету *пиров* среди широких слоев населения и стремясь задействовать в собственных интересах их способность влиять на массы, федеральная элита в то же время была обеспокоена фактической неподконтрольностью суфийских институтов государству. Каждый правящий режим пытался по-своему решить эту проблему. Основной задачей было подчинить *пиров* себе, не умаляя при этом их авторитета в глазах рядовых пакистанцев (с тем, чтобы не просто поставить пиров под контроль, но и задействовать их в общегосударственных интересах). Американская религиовед Кэтрин Эвинг вписывает суфийские практики в пакистанский политический контекст⁸, прослеживая, как правительства, начиная с режима Мухаммада Айюба Хана (1958–1969), выстраивали диалог с *пирами*.

В XXI в. начала набирать популярность тенденция описания западнопанджабской культуры как культуры долины Инда, которая понимается как чудом уцелевший доарийский пласт протоиндийской цивилизации⁹. Истоки данной концептуализации можно проследить еще в начале 1980-х гг.¹⁰. Однако открыто обоснование цивилизационной уникальности Пятиречья (а через него — уникальности всего Пакистана, как государства, имеющего Пятиречье в своей основе) прозвучало в работе юриста и политика панджабца Эзаза Ахсана¹¹, критически проанализированной российским востоковедом В.Я. Белокреницким¹². Э. Ахсан отрицает роль религии в становлении человеческой ментальности, постулируя первичность

⁶ Touseef M., Papas A. The History of Sufism in Multan: New Data from the Urdu Tadhkirah Tradition // Islamic Studies. 2019. Vol. 58, № 4. P. 471–501; Dasti H.F. Multan: A Province of the Mughal Empire, 1525–1751. Karachi, 1998.

⁷ Bibi N. The Land of Saints Uch Sharif // International Journal of Scientific and Research Publications. 2021. Vol. 11, № 10. P. 279–287.

⁸ Ewing K. The Politics of Sufism: Redefining the Saints of Pakistan // The Journal of Asian Studies. 1983. Vol. 42, № 2. P. 251–68.

⁹ Soofi M. Aryan Caste System and Socially Mobile Punjabis // Punjabics. URL: <https://punjabics.com/inner/inner/aryan.php> (дата обращения 17.08.2023)

¹⁰ Indus Valley: New Perspectives. Islamabad, 1981.

¹¹ Ahsan A. The Indus Saga and the Making of Pakistan. Karachi, 2009. Исследование изначально было опубликовано в 1996 г. и с тех пор переиздавалось более 30 раз.

¹² Белокреницкий В.Я. Региональные мотивы в создании и сохранении Пакистана // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств. М., 2016. С. 672–673.

географических факторов. В частности, природные условия долины Инда, на его взгляд, предопределили становление «психологии земледельца», которая противопоставляется «психологии кочевника», доминирующей в Белуджистане и Хайбер-Пахтунхве. Одновременно Э. Ахсан считает индскую культуру эксклюзивно пакистанской и постулирует наличие «фундаментальных различий между Индом от Индией», которые гораздо глубже религиозных¹³. Таким образом, именно Западный Панджаб провозглашается носителем истинной пакистанской идентичности, а его житель — архетипом пакистанца.

Мусульманский Панджаб как прообраз Пакистана

Предпринятый Э. Ахсаном «отрыв Инда от Индии» ознаменовал поворот от рассмотрения Западного Панджаба как неотъемлемой составляющей Южной Азии к его изучению в качестве естественной части Пакистана. Этот альтернативный подход предполагает восприятие Западного Панджаба как уникального для Южной Азии феномена, который в силу особенностей исторического развития не вписывался в общеиндийское цивилизационное пространство и для которого выделение в Пакистан было естественным.

Придерживающиеся данного подхода авторы исходят из предопределенности включения Западного Панджаба в состав Пакистана и объясняют особенности развития данного государства определяющей ролью, которую играют в нем панджабцы.

Примечательно при этом, что, обосновывая самобытность мусульманской части Панджаба, что обусловило закономерность ее вычленения из индийского пространства в Пакистан, большинство исследователей не делают акцент на религии. «Суфийский компонент», столь популярный среди сторонников общеиндийского характера панджабской культуры, в «пропакистанском» контексте анализируется только в работе американского историка Дэвида Гилмартина¹⁴. Он обращает внимание на то, что в Западном Панджабе — в отличие от остальных областей будущего Пакистана — мусульманские религиозные лидеры поддерживали движение за Пакистан. Причину этого Гилмартин видит в том, что в Панджабе с ранних этапов обращения в ислам основными религиозными авторитетами для местного населения были не исламские правоведы (*улемы* и *муллы*), а суфийские проповедники (*пир*ы и *факир*ы). По

¹³ Ahsan A. Op. cit. P. 349.

¹⁴ Gilmartin D. Religious Leadership and the Pakistan Movement in the Punjab // Modern Asian Studies, 1979. Vol. 13, № 3. P. 485–517.

мере «удревнения» суфийской традиции эту роль взяли на себя *саттжада-нашин* (*sajjādah naṣīn*) — смотрители гробниц и одновременно — распорядители церемоний, отвечающие за ритуальное обслуживание культа того или иного *тира*. Наследственный статус *саттжада-нашин* обусловил их поколенческую принадлежность к конкретной территории и интегрированность в местную землевладельческую элиту. Соответственно, в сельских районах Западного Панджаба сложилась общность политико-экономических интересов религиозного и светского истеблишмента.

Уникальность западнопанджабского общества, «приведшую» его в Пакистан, большинство исследователей приписывают либо его преемственности по отношению к хараппской культуре, либо сформировавшемуся в период средневековья и нового времени синкретическому социальному укладу (система *бирадари*; букв. «братство»); либо колониальной политике англичан, которая содействовала укоренению этого уклада в специфической форме сращивания военной и бюрократической элит.

Помимо вышеупомянутого Э. Ахсана, среди последователей концепции «хараппанского следа» стоит выделить также пакистанского исследователя Манзура Эджаза, по мнению которого западнопанджабское общество сохранило свою протоиндийскую специфику во всей полноте, последовательно «отражая натиски» прочих культур — от арийской до британской¹⁵.

Наиболее очевидным проявлением самобытности пакистанского Панджаба, по мнению исследователей, является общественный уклад, в основе которого лежит система *бирадари*. Так, социолог Хамза Алави¹⁶ характеризует *бирадари* как патрилинейную группу, ведущую свое происхождение от общего (реального или воображаемого) предка. При том, что большинство обществ в Южной Азии построены на кастовой системе и связанном с ней принципом *джаджмани*, среди мусульман западного Панджаба исторически превалировал родовой уклад — *бирадари*. Данный социальный механизм Х. Алави считает не только более прогрессивным (поскольку он предполагает учет индивидуальных особенностей личности), но также оптимально отражающим потребности мусульманской общины (поскольку внутри *бирадари* силами старейшин поддерживается исламская мораль).

¹⁵ Ejaz M. People's History of Punjab. Fairfax, 2020.

¹⁶ Alavi H. Kinship in West Punjab Villages // Contributions to Indian Sociology. 1972. Vol. 6, № 1. P. 1–27.

Пакистанский антрополог Ахмед Усман¹⁷ на основании полевых исследований выявляет аграрную природу системы *бирадари* и демонстрирует асимметричность социального взаимодействия между двумя основными статусными группами панджабской деревни — *заминдарами* (землевладельцами) и *камми* (арендаторами и ремесленниками). Наследственные патронатные отношения между землевладельческими и безземельными *бирадари* — *сейн* (*seyp*) — постепенно эволюционируют, превращаясь из реципрокных в рыночные¹⁸. В этом отличие *сейн* от индусской системы *джаджмани*. Частный случай *сейн* — описанный в работе З. Эглара *вартан бханджи* (*vartan bhanji*) — обмен подарками в ходе церемоний по случаю рождения, обрезания, бракосочетания или похорон¹⁹.

Д. Гилмартин, отмечая безусловные доколониальные основы *бирадари*, подчеркивает, что в XX в. этот институт получил новое политическое звучание: силами британской администрации, стремившейся привлечь на свою сторону землевладельческую элиту, традиционные связи внутри западнопанджабских деревень стали использоваться в интересах Раджа — в частности, при наборе на военную службу²⁰. Британский Радж по своему усмотрению подавлял и взращивал локальные идентичности, тем самым в перспективе формируя расстановку сил в будущем пакистанском обществе.

Д. Гилмартин²¹ считает современные *бирадари* продуктом трансформации природных условий в западном Панджабе в результате строительства колониальными властями оросительной системы

¹⁷ Usman A., Amjad A. Caste Based Endogamy in a Punjabi Village of Pakistan // South Asian Studies. 2013. Vol. 28, № 2. P. 341–352; Usman A. Social Stratification in a Punjabi Village of Pakistan: The Dynamics between Caste, Gender, and Violence. PhD Thesis. The University of Leeds. Leeds. 2011.

¹⁸ Usman A. The Seyp System: An Institution towards Decline in Rural Pakistan // Pakistan Journal of Social Sciences. 2017. Vol. 37, № 1. P. 91–101.

¹⁹ Eglar Z. A Punjabi Village in Pakistan — Perspective on Community, Land and Economy. New York, 1960; Nasir A., Mielke K. Vartan Bhanji-Exchange Practices and Social (Im)mobility: Exploring the Coping Strategies of Low-Income Households of Different Biraderis in Rural Punjab // Crossroads Asia Working Paper Series. 2015. № 29. P. 1–23.

²⁰ Gilmartin D. Biradari and Bureaucracy: The Politics of Muslim Kinship Solidarity in Twentieth Century Punjab // International Journal of Punjab Studies. 1994. Vol. 1, № 1. P. 1–30.

²¹ Gilmartin D. Environmental History, Biradari, and the Making of Pakistani Punjab // Punjab Reconsidered: History, Culture, and Practice. New Delhi, 2012; Gilmartin D. Migration and Modernity: The State, the Punjabi Village and the Settling of the Canal Colonies // People on the Move: Punjabi Colonial and Post-Colonial Migration. Karachi, 2004.

и «поселений на каналах» (*canal colonies*)²². Британские ирригационные проекты и сопряженная с ними переселенческая политика привели к утверждению *бирадари* как доминирующей формы социального взаимодействия в Западном Панджабе. *Бирадари* стала основной единицей в рамках колониальной системы земельной собственности; в результате «защита “племенной” панджабской структуры превратилась в центральный принцип, оправдывавший имперское правление»²³. Политизация *бирадари*, в свою очередь, подготовила почву для раздела Британской Индии и создания Пакистана, поскольку через *бирадари* было удобно транслировать идеи коммунизма.

Прослеживая процесс установления и легитимизации британской власти в сельском Панджабе и описывая систему имперской власти, введенную англичанами в регионе, Д. Гилмартин приходит к выводу, что в своем стремлении классифицировать индийцев (в данном случае — панджабцев) британская администрация в первую очередь ставила цель выявить лояльные группы и создать для них привилегированные условия. В результате в колониальном дискурсе доминирующей стала племенная идентификация — распадавшаяся в Панджабе на систему *бирадари*.

После включения в число управляемых англичанами территорий в 1849 г. Панджаб стал одновременно важнейшим сельскохозяйственным районом и основной базой рекрутского набора. Тезис о том, что специфика будущего пакистанского Панджаба была сформирована колониальной политикой, получил развитие в работах исследователей, изучавших функционирование западнопанджабских «поселений на каналах», а также роль панджабцев в имперской армии.

«Поселения на каналах» были разбиты на пустошах, т.е. земле, целиком находившейся в ведении британской администрации. Соответственно, распределение участков между частными собственниками и формирование социума данных поселений происходили в соответствии с британской политикой, отражая колониальные представления о функциональном сельском обществе.

Базирующийся в Австралии историк Имран Али²⁴ подробно рассматривает цели и механизмы британской колонизационной по-

²² «Поселения на каналах» — девять областей западного Панджаба, превращенные в обрабатываемые земли посредством строительства каналов и сельскохозяйственной колонизации в конце XIX — первой половине XX вв.

²³ *Gilmartin D. Empire and Islam: Punjab and the Making of Pakistan. Berkeley, 1988. P. 82–88.*

²⁴ *Ali I. The Punjab Canal Colonies, 1885–1940. PhD Thesis. The Australian National University. Canberra. 1979.*

литики и ее влияние на структуру западнопанджабского общества. И. Али подчеркивает, что экономический рост, спровоцированный введением в оборот новых земель, затронул абсолютно все слои населения, а не только непосредственно обладателей новых наделов.

Колониальная администрация, в свою очередь, в результате перераспределения экономических ресурсов получила политические дивиденды: новая земельная политика позволила консолидировать под британским началом класс землевладельцев и интегрировать в него лояльных режиму субъектов (прежде всего военнотружущихся).

В период конца XIX — середины XX вв. выходцы из Западного Панджаба составляли основу колониальной армии. Вследствие этого сложившаяся в регионе система управления представляла собой уникальный для Британской Индии симбиоз военного и гражданского режимов. Как аргументированно доказывает сингапурский историк Таи Юнг Тан²⁵, необходимость мобилизации и контроля в ходе мировых войн привела к сращиванию на уровне провинции военного и гражданского аппаратов. Эта интегрированная структура была подкреплена созданием системы местного управления: по итогам конституционных реформ 1920 г. и 1937 г. доступ к политической власти получила западнопанджабская сельская элита, обеспечивавшая рекрутирование в армию. Сложившийся военно-политический альянс сохранялся на протяжении 1940-х гг. и был унаследован Пакистаном, где в короткие сроки «узурпировал» федеральный бюрократический аппарат.

Интерес исследователей Западного Панджаба к колониальному периоду обусловлен в числе прочего тем, что именно необходимость вести диалог с британской администрацией стимулировала политическую активность населения Панджаба в целом и местных мусульман в частности. «Пробуждение» панджабской мусульманской общины описывается как следствие (прямое или косвенное) колониальной политики и ключевая предпосылка для образования Пакистана.

В данном случае во главу угла ставится в меньшей степени географический (западный Панджаб) и в большей — религиозный принцип (мусульманский Панджаб). Подчеркнем, что, как отмечалось ранее, речь в данном контексте идет не о религиозной уникальности западных панджабцев, а наоборот — об их близости остальным мусульманам будущего Пакистана.

²⁵ *Tan T. Yo. Punjab and the Making of Pakistan: The Roots of a Civil-Military State // South Asia: Journal of South Asian Studies, 1995. № 18. Special Issue. P. 177–192; Kudaisya G., Tan T. Yo. The Aftermath of Partition in South Asia. London, 2000.*

Значительное количество исследований посвящено Юнионистской партии (1923–1947). Данная организация являет собой первый случай политической мобилизации панджабцев; а поскольку доминировали в ней мусульмане, то юнионисты зачастую предстают как пример самоорганизации панджабских мусульман.

Исторический анализ деятельности Юнионистской партии, обстоятельства ее взлета и падения, а также соперничество со Всеиндийской мусульманской лигой (ВМЛ) подробно изложены в исследованиях британского историка Иэна Тэлбота²⁶. И. Тэлбот размышляет о природе и уязвимостях механизма имперского контроля через местных «коллаборационистов» — таких, как юнионисты²⁷.

Убежденность имперских властей в добродетельности «сельскохозяйственных племен» и необходимости защищать их социальный уклад привела к принятию целого ряда законов и созданию избирательной системы, отвечающей интересам панджабской землевладельческой элиты. Юнионистская партия стала выразителем этих интересов — проводником между Раджем и его «клиентами»²⁸.

Юнионистскую партию составляли преимущественно крупные мусульманские землевладельцы и потомки суфийских *пиров* (контролировавшие *даргахи*), но также и землевладельцы-индусы (из касты *джатов*). Поэтому, хотя юнионисты были партией с мусульманским «лицом», коммунизм для них представлял не меньшую угрозу, нежели для англичан.

При поддержке колониального аппарата юнионисты сохраняли широкую коалицию сельской элиты, противостоя одновременно ВМЛ и Индийскому национальному конгрессу (ИНК). И хотя в городах вспышки коммунизма наблюдались все чаще, обстановка в деревнях была под юнионистским контролем — они обеспечивали порядок.

И. Тэлбот последовательно рассматривает юнионистов как коллаборационистов британской власти: пока империя была сильна, это обстоятельство обеспечивало их успехи; но именно лояльность слабеющей британской администрации в ходе Второй мировой войны лишила их партию массовой поддержки.

²⁶ Talbot I. Khizr Tiwana: The Punjab Unionist Party and the Partition of India. Karachi, 2002; Talbot I. The Growth of the Muslim League in the Punjab, 1936–47 // Journal of Commonwealth and Comparative Politics. 1982. № 10. P. 5–24; Talbot I. Punjab and the Raj, 1849–1947. New York, 1989; New Delhi, 2022.

²⁷ Talbot I. Punjab and the Raj... P. 1.

²⁸ Ibid. P. 9.

По мнению Тэлбота, политики подогревали коммуналистские настроения ради своих личных интересов²⁹. Так поступала, в частности, ВМЛ, «облачившая себя в одежды народного ислама»³⁰ и взявшая на вооружение «теорию двух наций» (которая, по убеждению Тэлбота, была «мифом» ВМЛ)³¹.

И. Тэлбот доказывает, что Пакистан никогда бы не был создан, если бы партия юнионистов сумела сохранить поддержку аграрных мусульманских элит в ходе провинциальных выборов в панджабскую провинциальную ассамблею в 1946 г. Но «традиционный оппортунизм»³² мусульманских землевладельцев и *пиров* привел их в ряды ВМЛ как раз накануне выборов. Это обеспечило победу ВМЛ на выборах и дало карт-бланш идее Пакистана.

В схожем ключе описывает политическое соперничество 1936–1946 гг. между ВМЛ, юнионистами, ИНК и британской администрацией вышеупомянутый Д. Гилмартин³³. Именно юнионистов, а не ИНК, Гилмартин считает главным конкурентом ВМЛ в борьбе за Пакистан, поскольку без поддержки панджабцев создание государства мусульман было бы невозможно. Соответственно, успех ВМЛ напрямую зависел от ее способности преодолеть панджабский этнонационализм, представленный Юнионистской партией. ВМЛ, по мнению Гилмартина, подорвала идеологические позиции юнионистов, заклеив их как искусственно поддерживаемое порождение британской власти. Логическим следствием этого стала победа ВМЛ на выборах 1946 г., которая сделала Пакистан реальностью.

Исследователи, исходящие из предпосылки закономерности образования Пакистана, указывают, что основным политическим содержанием периода 1920-х — 1940-х гг. является утверждение идеи мусульманской государственности, сформулированной ВМЛ, над этническими регионализмами в провинциях с мусульманским большинством населения. Руководствуясь данным подходом, пакистанский историк Танвир Анджум³⁴ и индийский историк Рагхувендра Танвар³⁵ в соответствующих работах рассматривают Юнионистскую партию как частный случай политической организации в провинции мусульманского большинства, объясняя ее упадок

²⁹ Ibid. P. 77.

³⁰ Ibid. P. 93.

³¹ Ibid. P. 238.

³² Ibid. P. 195.

³³ *Gilmartin D. Empire and Islam...*

³⁴ *Anjum T. Decline of the Unionist Party: An Analysis of the Internal Factor // Pakistan Journal of History and Culture. 1997. Vol. 18, № 2. P. 53–72.*

³⁵ *Tanwar R. Politics of Sharing Power: The Punjab Unionist Party, 1923–1947. New Delhi, 1999.*

в первую очередь доктринальной несостоятельностью: в условиях нарастающего коммунализма юнионисты не смогли предложить путь выхода из кризиса и не нашли идеологических рычагов, чтобы удержать Панджаб — ни от влияния ВМЛ, ни от раздела.

Для создания общенсторического фона и понимания панджабских политических реалий в обозначенный период весьма полезны биографические исследования, посвященные отдельным персоналиям. Анализ деятельности конкретных лидеров Юнионистской партии — ее основателя Фазл-и Хуссейна и сменившего его у руля партии Сикандера Хаята Хана — представлены в трудах британских исследователей пакистанского происхождения Ифтикара Хайдера Малика³⁶ и Невал Осман³⁷.

Помимо юнионистов, стремившихся избегать религиозной тематики, и ВМЛ, претендовавшей на право представлять всех индийских мусульман, ярким явлением в политической жизни западного Панджаба 1920-х–1940-х гг. были местные силы, действовавшие в русле мусульманского этнорегионализма. Они выступали против Пакистана (по крайней мере, в указанный период), полагая, что его образование не отвечает интересам панджабских мусульман. Уроженец Амритсара, ученый и исламский правовед Инаятулла Хан Машрики³⁸ и члены основанного им движения «Хаксар Техрик»³⁹ выступали категорически против раздела Индии вообще и Панджаба в частности; по мнению Машрики, ислам был призван объединять народы, а не создавать между ними государственные границы. Схожих взглядов придерживался выходец из состоятельной лахорской семьи, политик и журналист *миан* Ифтихар-уд-дин⁴⁰, вплоть до

³⁶ *Malik I.H.* Identity Formation and Muslim Party Politics in the Punjab, 1897–1936: A Retrospective Analysis // *Modern Asian Studies*. 1995. Vol. 29, № 2. P. 293–323; *Malik I.H.* Localism and Trans-regionalism in Punjab: Inception of Muslim Modernism in Sir Fazl-i-Husain // *Journal of Pakistan Vision*. 2009. Vol. 10, № 2. P. 22–49; *Malik I.H.* Sikander Hayat Khan (1892–1942): A Political Biography. Islamabad, 1985.

³⁷ *Osman N.* Dancing with the Enemy: Sikander Hayat Khan, Jinnah and the Vexed Question of ‘Pakistan’ in a Punjabi Unionist Context // *Muslims against the Muslim League. Critiques of the Idea of Pakistan*. New York, 2017. P. 311–337.

³⁸ *Daechsel M.* Visionary of Another Politics: Inayatullah Khan ‘al-Mashriqi’ and Pakistan // *Muslims against the Muslim League. Critiques of the Idea of Pakistan*. New York, 2017. P. 190–219; *Daechsel M.* Scientism and Its Discontents: The Indo-Muslim “Fascism” of Inayatullah Khan Al-Mashriqi // *Modern Intellectual History*. 2006. Vol. 3, № 3. P. 443–472; *Shabbir Hussain S.* Al-Mashriqi: The Disowned Genius. Lahore, 1991; *Malik M.A.* Allama Inayatullah Mashraqi: A Political Biography. Oxford, 2000.

³⁹ *Muhammad Sh.* Khaksar Movement in India. Meerut, 1973; *De A.* History of the Khaksar Movement in India, 1931–1947. Vols. 1–2. Kolkata, 2009.

⁴⁰ *Raza A.* The Illusory Promise of Freedom: Mian Iftikhar-ud-Din and the Movement for Pakistan // *Muslims against the Muslim League. Critiques of the Idea of Pakistan*. New York, 2017. P. 169–189.

середины 1940-х гг. бывший членом ИНК и активно выступавший за сохранения единства Индии. Истории обоих вышеприведенных политиков представляют особый интерес потому, что в их судьбе отразился типичный для пакистанских панджабцев перелом: будучи изначально противниками Пакистана, они в конечном итоге признали его целесообразность, стали его гражданами и начали работать во благо молодого государства.

Весьма примечательно, что пакистанские исследователи, занимающиеся конкретными историческими персонажами, почти всегда указывают их племенную/семейно-клановую принадлежность внутри панджабского этноса (так, не был оставлен без внимания тот факт, что Машрики — *раджпут*, а Ифтикар-уд-дин — *арайн*).

Изучение локальных западнопанджабских идентичностей, в англоязычной историографии обычно относимых к категории «племена» (“tribes”), началось еще в колониальный период. Основополагающей стала работа полковника Джеймса Мэссона Уикели, переиздававшаяся в 1900–2019 гг. более 10 раз⁴¹. Среди выделенных им «племен» панджабских мусульман (т.е. тех, кто после 1947 г. составил население пакистанского Панджаба) доминирующие позиции занимают *джаты*, *раджпуты*, *гуддджары*, *аваны* и *арайны*. Последние даже удостоились отдельного этнографического исследования⁴².

Наряду с «племенным» микроуровнем западнопанджабской идентичности особого внимания заслуживает территориальный: в начале XXI в. большой исследовательский интерес привлекла к себе проблема южной части пакистанского Панджаба жители которого требуют для него статуса отдельной провинции. Границы данного региона весьма расплывчаты ввиду того, что данную территорию можно определять на основании разных принципов. Соответственно, историография указанной проблемы может быть классифицирована в зависимости от избранного авторами ракурса: культурного (изучение южного Панджаба⁴³), лингвистического (исследование «Сираикистана» — земли носителей языка *сирайки*⁴⁴) историко-политического (анализ проблематики бывшего княжества Бахавалпур⁴⁵).

⁴¹ Wikeley J.M. Punjabi Musalmans. London, 2019.

⁴² Ahmed M. The Arains: A Historical Perspective. Scotts Valley, 2016.

⁴³ Cultural Expressions of South Punjab. Lahore, 2011.

⁴⁴ Ahmad Khan H. Re-Thinking Punjab: The Construction of Siraiki Identity. Lahore, 2004; Shah N. Saraiki Region: Roots of Radicalization. Lahore, 2020.

⁴⁵ Javaid U. Politics of Bahawalpur. From State to Region, 1947–2000. Lahore, 2004; Loyd A. Bahawalpur. The Kingdom That Vanished. New York, 2020. Процесс интеграции Бахавалпура в Пакистан также рассматривается в контексте общей проблематики пакистанских княжеств в работе Якуба Хана Бангаша: *Bangash Ya.Kh. A Princely*

Попытка выработать комплексный подход, выявив точки соприкосновения трех дискурсов, была предпринята А.Л. Филимоновой⁴⁶. В своей статье автор прослеживает основные алгоритмы присвоения той или иной общностью (культурной, лингвистической или исторической) определенной территории. В случае с южной частью пакистанского Панджаба можно констатировать параллельное течение двух процессов: формирование общности через обладание «своей» территорией, а также самоопределение территории — через оформление ее принадлежности той или иной общности.

Панджаб внутри Пакистана

Исследование территории и населения мусульманского Панджаба как составной части Пакистана наиболее комплексно представлено в работах, посвященных непосредственно провинции Панджаб в период после образования Пакистана (1947).

В значительном количестве книг и статей характеристика пакистанского Панджаба носит сопоставительный характер: его проблематика рассматривается в рамках общих работ по этнорегионализму и межэтническому взаимодействию в Пакистане. Ввиду остроты межэтнической проблематики, круг подобных исследований весьма широк.

Основополагающими для отечественного пакистановедения стали труды Ю.В. Ганковского⁴⁷, который впервые привлек внимание исследователей к важности этнической идентификации и связал трудности национального строительства в Пакистане с первостепенностью для его граждан этнического фактора. Из работ Ю.В. Ганковского также следует, что к панджабцам этот тезис применим в меньшей степени, нежели к другим пакистанским этносам. Такое положение дел само по себе позволяет говорить об особой роли панджабцев внутри Пакистана.

Значительное количество тем, объединенных пакистанским Панджабом, рассматривается в российской «Энциклопедии

Affair: The Accession and Integration of the Princely States of Pakistan, 1947–1955. Karachi, 2015.

⁴⁶ Филимонова А.Л. Бахавалпур, Сераикстан, Южный Панджаб: центробежные устремления в пакистанском Пятиречье // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств. М., 2016. С. 676–699.

⁴⁷ Ганковский Ю.В. Народы Пакистана. Основные этапы этнической истории. М., 1964; Ганковский Ю.В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967.

Пакистана»⁴⁸, где предметно, хотя и кратко, освещены культурные, экономические, этнические и социально-политические вопросы, связанные с этой провинцией.

Отдельные аспекты истории и политического развития пакистанского Пятиречья также нашли отражение в книге В.Я. Белокреницкого и В.Н. Москаленко⁴⁹: авторы уделяют большое внимание межпровинциальным связям и общему развитию отдельных регионов (в том числе Панджаба) внутри Пакистана.

Среди зарубежных исследований общепакистанской направленности, в которых затрагивается тема Панджаба, наиболее комплексный анализ представлен в трудах Стивена Коэна⁵⁰, Аиши Сиддики⁵¹, Фарзаны Шейх⁵², Кристофа Жаффрело⁵³ и Иэна Тэлбота⁵⁴.

При рассмотрении проблематики современного пакистанского Панджаба одним из наиболее ярких феноменов, с которым сталкиваются исследователи, является «панджабизация» Пакистана. Понятие «панджабизация» в 1995 г. ввел в научный оборот пакистанский историк Юнус Самад⁵⁵ для обозначения гегемонии панджабцев в стране на уровне армии и бюрократического аппарата. Соответственно, Пакистан через призму доминирования панджабцев представляется как «Панджабистан». Самад считает «панджабизацию» проблемой, поскольку она создает среди «малых» этносов ощущение тождественности пакистанских интересов панджабским — и соответственно, снижает их лояльность собственному государству.

Наличие внутренней коллизии признает и Иэн Тэлбот⁵⁶, по словам которого Панджаб является «одновременно краеугольным камнем государства и главной помехой национальной интеграции». Тэлбот, раскрывая основные аспекты доминирования панджабцев в Пакистане, подчеркивает при этом, что, вопреки господствующему среди остальных этносов мнению, панджабцев нельзя воспринимать как монолит: регион распадается на горную северную, индустриально

⁴⁸ Энциклопедия Пакистана. М., 1998.

⁴⁹ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М., 2008.

⁵⁰ Cohen S.Ph. The Idea of Pakistan. Washington: Brookings Institution Press, 2004.

⁵¹ Siddiqi A. Pakistan Military — Ethnic Balance in the Armed Forces and Problems of Federalism. Kathmandu, 2011; Siddiqi A. Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy. Karachi, 2007.

⁵² Sheikh F. Making Sense of Pakistan. London, 2009.

⁵³ Jaffrelot Ch. The Pakistan Paradox. Instability and Resilience. New York, 2015.

⁵⁴ Talbot I. Pakistan: A Modern History. London, 2010.

⁵⁵ Samad Yu. Pakistan or Punjabistan: Crisis of National Identity // International Journal of Punjab Studies. 1995. Vol. 2, № 1. P. 23–42. (Reprinted in: Punjabi Identity: Continuity and Change. Delhi, 1996. P. 61–86).

⁵⁶ Talbot I. The Punjabization of Pakistan: Myth or Reality? // Pakistan: Nationalism Without a Nation? London, 2002. P. 51–62.

и аграрно развитую центральную, производящую хлопок юго-западную и беднейшую западную части⁵⁷. Соответственно, варьируются как социальные ниши, которые занимают панджабцы того или иного района, так и их политические интересы.

Неоднозначность «панджабизации» со всей очевидностью раскрывается в «языковом вопросе»: доминируя в пакистанской армии и административном аппарате, панджабцы не только не продвигают свой язык — панджаби — на общегосударственном уровне, но и ограничивают его использование в собственном быту, предпочитая более «элитарный» урду. Лучше понять данную проблему позволяют работы, посвященные статусу языка панджаби в Пакистане.

Пакистанский лингвист Тарик Рахман⁵⁸ обращает внимание на то, что в отличие от других региональных языков Пакистана, панджаби «не используется как символ идентичности в борьбе за власть и давлении на элиту», поскольку его носители уже относятся к элите⁵⁹. Он называет пакистанских панджабцев «уверенным в себе большинством» и выдвигает интересную гипотезу, что именно сознание своих сил во всех сферах общественной жизни позволяет панджабцам «не цепляться» за язык⁶⁰.

Американская исследовательница Алисса Эйрес⁶¹, в целом соглашаясь с Т. Рахманом, проводит параллели между отношением пакистанских панджабцев к своему родному языку и их пренебрежением к *панджабияту* (т.е. панджабскому этническому национализму)⁶². Одновременно Эйрес оценивает конструктивный потенциал *пан-*

⁵⁷ Ibid. P. 60.

⁵⁸ Rahman T. Language and Politics in Pakistan. Karachi, 1996. (Reprinted 1998; 2000). Положению языка панджаби в Пакистане посвящена глава 11: «The Punjabi Movement» (P. 191–209); Rahman T. The Punjabi Movement in Pakistan // International Journal of the Sociology of Language. 1996. № 122. P. 73–88.

⁵⁹ Ibid. P. 84–85.

⁶⁰ Rahman T. Language and Politics in Pakistan... P. 209.

⁶¹ Ayres A. Speaking Like a State: Language and Nationalism in Pakistan. New York, 2009. Лингвистическая ситуация в пакистанском Панджабе рассмотрена в главе «The Case of Punjab» (Part I: Elite Efforts; Part II: Popular Culture. P. 67–104); Ayres A. Language, the Nation, and Symbolic Capital: The Case of Punjab // The Journal of Asian Studies. 2008. Vol. 67, № 3. P. 917–46.

⁶² Как указывает ведущий отечественный исследователь проблематики *панджабията* А.В. Бочковская, это понятие в самом широком смысле употребляют для «обозначения принадлежности и/или привязанности к Панджабу, а также для идеи общего культурного наследия панджабцев. В этом контексте оно нередко выступает синонимом к словосочетанию “панджабская идентичность”» (Бочковская А.В. Неисчерпаемые источники конфликтов и идентичностей // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств. М., 2016. С. 581–595, 584).

джабията в нормализации индийско-пакистанских отношений⁶³. Бытовые контакты между панджабцами по обе стороны границы в перспективе создают возможность задействовать до сих пор не реализованные ресурсы культурной дипломатии и смягчить вражду между Индией и Пакистаном. При этом пакистанским носителям *панджабията* А. Эйрес отводит решающую роль в этом процессе, поскольку они — большинство в своей стране и, вследствие «панджабизации», оказывают непосредственное влияние на внешнеполитический курс Пакистана.

Анализу специфики пакистанского *панджабията* в контексте «панджабизации» Пакистана посвящена статья А.Л. Филимоновой⁶⁴. Автор приходит к выводу, что *панджабият* как идея панджабской этнической идентичности для жителей западной части Пятиречья отошел на второй план в результате наблюдающегося с середины XX в. доминирования панджабцев в Исламской Республике Пакистан.

* * *

Сложившаяся в историографии ситуация позволяет сделать вывод, что вне зависимости от того, как исследователи определяли объект своего изучения (Западный Панджаб как часть Южной Азии или мусульманский Панджаб как часть Пакистана), имеющиеся подходы предлагают воспринимать современное пакистанское Пятиречье как уникальное явление, выработавшее собственные принципы функционирования. Между тем, перспективным направлением остается сопоставление социально-экономического развития индийского и пакистанского Панджабов, а также анализ культурного, экономического и политического взаимодействия панджабцев двух государств на разных уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М., 2008.
2. Белокреницкий В.Я. Региональные мотивы в создании и сохранении Пакистана // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств. М., 2016. С. 672–673.

⁶³ Ayres A. The Two Punjabs: A Cultural Path to Peace in South Asia? // World Policy Journal. 2005. Vol. 22, № 4. P. 63–68. URL: <http://www.jstor.org/stable/40209996> (дата обращения 21.08.2023)

⁶⁴ Филимонова А.Л. Панджабият vs «Панджабистан»: специфика этнического национализма жителей Пятиречья (опыт Пакистана) // Азия и Африка сегодня. 2023. № 12. С. 41–49.

3. Бочковская А.В. Неисчерпаемые источники конфликтов и идентичностей // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств. М., 2016. С. 581–595.
4. Ганковский Ю.В. Народы Пакистана. Основные этапы этнической истории. М., 1964.
5. Ганковский Ю.В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967.
6. Суворова А.А. Любить Лахор: топофилия восточного города. М., 2010.
7. Филимонова А.Л. Бахавалпур, Сераикстан, Южный Панджаб: центробежные устремления в пакистанском Пятиречье // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств. М., 2016. С. 676–699.
8. Филимонова А.Л. Панджабият vs «Панджабистан»: специфика этнического национализма жителей Пятиречья (опыт Пакистана) // Азия и Африка сегодня. 2023. № 12. С. 41–49.
9. Энциклопедия Пакистана. М., 1998.
10. Ahmad Khan H. Re-Thinking Punjab: The Construction of Siraiki Identity. Lahore, 2004.
11. Ahmed M. The Arains: A Historical Perspective. Scotts Valley, 2016.
12. Ahsan A. The Indus Saga and the Making of Pakistan. Karachi, 2009.
13. Alavi H. Kinship in West Punjab Villages // Contributions to Indian Sociology. 1972. Vol. 6, № 1. P. 1–27.
14. Ali I. The Punjab Canal Colonies, 1885–1940. PhD Thesis. The Australian National University. Canberra, 1979.
15. Anjum T. Decline of the Unionist Party: An Analysis of the Internal Factor // Pakistan Journal of History and Culture. 1997. Vol. 18, № 2. P. 53–72.
16. Ayres A. Language, the Nation, and Symbolic Capital: The Case of Punjab // The Journal of Asian Studies. 2008. Vol. 67, № 3. P. 917–46.
17. Ayres A. Speaking Like a State: Language and Nationalism in Pakistan. New York, 2009.
18. Ayres A. The Two Punjabs: A Cultural Path to Peace in South Asia? // World Policy Journal. 2005. Vol. 22, № 4. P. 63–68. URL: <http://www.jstor.org/stable/40209996> (дата обращения 21.08.2023)
19. Bangash Ya.Kh. A Princely Affair: The Accession and Integration of the Princely States of Pakistan, 1947–1955. Karachi, 2015.
20. Bibi N. The Land of Saints Uch Sharif // International Journal of Scientific and Research Publications. 2021. Vol. 11, № 10. P. 279–287.
21. Choudhary M.A. Religious Practices at Sufi Shrines in the Punjab // Pakistan Journal of History and Culture. 2010. Vol. 31, № 1. P. 1–30.
22. Cohen S.Ph. The Idea of Pakistan. Washington: Brookings Institution Press, 2004.
23. Cultural Expressions of South Punjab. Lahore, 2011.
24. Daechsel M. Scientism and Its Discontents: The Indo-Muslim “Fascism” of Inayatullah Khan Al-Mashriqi // Modern Intellectual History. 2006. Vol. 3, № 3. P. 443–472.
25. Daechsel M. Visionary of Another Politics: Inayatullah Khan ‘al-Mashriqi’ and Pakistan // Muslims against the Muslim League. Critiques of the Idea of Pakistan. New York, 2017. P. 190–219.
26. Dasti H.F. Multan: A Province of the Mughal Empire, 1525–1751. Karachi, 1998.
27. De A. History of the Khaksar Movement in India, 1931–1947. Vols. 1–2. Kolkata, 2009.
28. Eglar Z. A Punjabi Village in Pakistan — Perspective on Community, Land and Economy. New York, 1960.

29. *Ejaz M.* People's History of Punjab. Fairfax, 2020.
30. *Ewing K.* The Politics of Sufism: Redefining the Saints of Pakistan // *The Journal of Asian Studies*. 1983. Vol. 42, № 2. P. 251–68.
31. *Gilmartin D.* Biradari and Bureaucracy: The Politics of Muslim Kinship Solidarity in Twentieth Century Punjab // *International Journal of Punjab Studies*. 1994. Vol. 1, № 1. P. 1–30.
32. *Gilmartin D.* Empire and Islam: Punjab and the Making of Pakistan. Berkeley, 1988.
33. *Gilmartin D.* Environmental History, Biradari, and the Making of Pakistani Punjab // *Punjab Reconsidered: History, Culture, and Practice*. New Delhi, 2012.
34. *Gilmartin D.* Migration and Modernity: The State, the Punjabi Village and the Settling of the Canal Colonies // *People on the Move: Punjabi Colonial and Post-Colonial Migration*. Karachi, 2004.
35. *Gilmartin D.* Religious Leadership and the Pakistan Movement in the Punjab // *Modern Asian Studies*, 1979. Vol. 13, № 3. P. 485–517.
36. *Indus Valley: New Perspectives*. Islamabad, 1981.
37. *Jaffrelot Ch.* The Pakistan Paradox. Instability and Resilience. New York, 2015.
38. *Javid U.* Politics of Bahawalpur. From State to Region, 1947–2000. Lahore, 2004.
39. *Kudaisya G., Tan T.Yo.* The Aftermath of Partition in South Asia. London, 2000.
40. *Loyd A.* Bahawalpur. The Kingdom That Vanished. New York, 2020.
41. *Malik I.H.* Identity Formation and Muslim Party Politics in the Punjab, 1897–1936: A Retrospective Analysis // *Modern Asian Studies*. 1995. Vol. 29, № 2. P. 293–323.
42. *Malik I.H.* Localism and Trans-regionalism in Punjab: Inception of Muslim Modernism in Sir Fazl-i-Husain // *Journal of Pakistan Vision*. 2009. Vol. 10, № 2. P. 22–49.
43. *Malik I.H.* Sikander Hayat Khan (1892–1942): A Political Biography. Islamabad, 1985.
44. *Malik M.A.* Allama Inayatullah Mashraqi: A Political Biography. Oxford, 2000.
45. *Muhammad Sh.* Khaksar Movement in India. Meerut, 1973.
46. *Muslims against the Muslim League. Critiques of the Idea of Pakistan*. New York, 2017.
47. *Nasir A., Mielke K.* Vartan Bhanji-Exchange Practices and Social (Im)mobility: Exploring the Coping Strategies of Low-Income Households of Different Biraderis in Rural Punjab // *Crossroads Asia Working Paper Series*. 2015. № 29. P. 1–23.
48. *Osman N.* Dancing with the Enemy: Sikander Hayat Khan, Jinnah and the Vexed Question of 'Pakistan' in a Punjabi Unionist Context // *Muslims against the Muslim League. Critiques of the Idea of Pakistan*. New York, 2017. P. 311–337.
49. *Rahman T.* Language and Politics in Pakistan. Karachi, 1996. (Reprinted 1998; 2000).
50. *Rahman T.* The Punjabi Movement in Pakistan // *International Journal of the Sociology of Language*. 1996. № 122. P. 73–88.
51. *Raza A.* The Illusory Promise of Freedom: Mian Iftikhar-ud-Din and the Movement for Pakistan // *Muslims against the Muslim League. Critiques of the Idea of Pakistan*. New York, 2017. P. 169–189.
52. *Saeed M., Gilani S.I.A.* Expansion and Existence of Sufi Orders in South Punjab, Pakistan // *AL-ASAR Islamic Research Journal*. 2023 (April-June). Vol. 3, № 2. P. 36–47.
53. *Saeed M., Naeem M.* Sufism in South Punjab, Pakistan: From Kingdom to Democracy // *Journal of Peace, Development and Communication*. 2021. Vol. 5, № 02. P. 132–142.
54. *Samad Yu.* Pakistan or Punjabistan: Crisis of National Identity // *International Journal of Punjab Studies*. 1995. Vol. 2, № 1. P. 23–42. (Reprinted in: *Punjabi Identity: Continuity and Change*. Delhi, 1996. P. 61–86).
55. *Shabbir Hussain S.* Al-Mashriqi: The Disowned Genius. Lahore, 1991.

56. *Shah N.* Saraiki Region: Roots of Radicalization. Lahore, 2020.
57. *Sheikh F.* Making Sense of Pakistan. London, 2009.
58. *Siddiq A.* Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy. Karachi, 2007.
59. *Siddiq A.* Pakistan Military — Ethnic Balance in the Armed Forces and Problems of Federalism. Kathmandu, 2011.
60. *Soofi M.* Aryan Caste System and Socially Mobile Punjabis // Punjabis. URL: <https://punjabis.com/inner/inner/aryan.php> (дата обращения 17.08.2023)
61. *Talbot I.* Khizr Tiwana: The Punjab Unionist Party and the Partition of India. Karachi, 2002.
62. *Talbot I.* Pakistan: A Modern History. London, 2010.
63. *Talbot I.* Punjab and the Raj, 1849–1947. New York, 1989; New Delhi, 2022.
64. *Talbot I.* The Punjabization of Pakistan: Myth or Reality? // Pakistan: Nationalism Without a Nation? London, 2002. P. 51–62.
65. *Talbot I.* The Growth of the Muslim League in the Punjab, 1936–47 // Journal of Commonwealth and Comparative Politics. 1982. № 10. P. 5–24.
66. *Tan T.Yo.* Punjab and the Making of Pakistan: The Roots of a Civil-Military State // South Asia: Journal of South Asian Studies, 1995. № 18. Special Issue. P. 177–192.
67. *Tanwar R.* Politics of Sharing Power: The Punjab Unionist Party, 1923–1947. New Delhi, 1999.
68. *Touseef M., Papas A.* The History of Sufism in Multan: New Data from the Urdu Tadhkirah Tradition // Islamic Studies. 2019. Vol. 58, № 4. P. 471–501.
69. *Usman A., Amjad A.* Caste Based Endogamy in a Punjabi Village of Pakistan // South Asian Studies. 2013. Vol. 28, № 2. P. 341–352.
70. *Usman A.* Social Stratification in a Punjabi Village of Pakistan: The Dynamics between Caste, Gender, and Violence. PhD Thesis. The University of Leeds. Leeds, 2011.
71. *Usman A.* The Seyp System: An Institution towards Decline in Rural Pakistan // Pakistan Journal of Social Sciences. 2017. Vol. 37, № 1. P. 91–101.
72. *Wikeley J.M.* Punjabi Musalmans. London, 2019.

REFERENCES

1. Ahmad Khan H. *Re-Thinking Punjab: The Construction of Siraiki Identity*. Lahore, 2004.
2. Ahmed M. *The Arains: A Historical Perspective*. Scotts Valley, 2016.
3. Ahsan A. *The Indus Saga and the Making of Pakistan*. Karachi, 2009.
4. Alavi H. *Kinship in West Punjab Villages* // Contributions to Indian Sociology. 1972. Vol. 6, № 1. P. 1–27.
5. Ali I. *The Punjab Canal Colonies, 1885–1940*. PhD Thesis. The Australian National University. Canberra, 1979.
6. Anjum T. *Decline of the Unionist Party: An Analysis of the Internal Factor* // Pakistan Journal of History and Culture. 1997. Vol. 18, № 2. P. 53–72.
7. Ayres A. *Language, the Nation, and Symbolic Capital: The Case of Punjab* // The Journal of Asian Studies. 2008. Vol. 67, № 3. P. 917–46.
8. Ayres A. *Speaking Like a State: Language and Nationalism in Pakistan*. New York, 2009.
9. Ayres A. *The Two Punjabs: A Cultural Path to Peace in South Asia?* // World Policy Journal. 2005. Vol. 22, № 4. P. 63–68. URL: <http://www.jstor.org/stable/40209996> (дата обращения 21.08.2023)
10. Bangash Ya.Kh. *A Princely Affair: The Accession and Integration of the Princely States of Pakistan, 1947–1955*. Karachi, 2015.

11. Belokrenitsky V.Ya., Moskalenko V.N. *Istoriya Pakistana. XX vek* [History of Pakistan. XX century]. M., 2008. (In Russ.).
12. Belokrenitsky V.Ya. *Regionalnye motivi v sozdanii i sohranении Pakistana* [Regional Motives in the Creation and Preservation of Pakistan] // Pod nebom Yuzhnoj Azii. Territoriya i prinadlezhnost': geopoliticheskoe konstruirovaniye i sub"ektnost' vospriyatiya obitaemykh prostranstv [Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging: Geopolitical Construction, Human Agency and the Perception of Places]. M., 2016. P. 672–673. (In Russ.).
13. Bibi N. *The Land of Saints Uch Sharif* // International Journal of Scientific and Research Publications. 2021. Vol. 11, № 10. P. 279–287.
14. Bochkovskaya A.V. *Neischerpaemye istochniki konfliktov i identichnostey* [Inexhaustible Sources of Conflicts and Identities] // Pod nebom Yuzhnoj Azii. Territoriya i prinadlezhnost': geopoliticheskoe konstruirovaniye i sub"ektnost' vospriyatiya obitaemykh prostranstv [Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging: Geopolitical Construction, Human Agency and the Perception of Places]. M., 2016. P. 581–595. (In Russ.).
15. Choudhary M.A. *Religious Practices at Sufi Shrines in the Punjab* // Pakistan Journal of History and Culture. 2010. Vol. 31, № 1. P. 1–30.
16. Cohen S.Ph. *The Idea of Pakistan*. Washington, 2004.
17. *Cultural Expressions of South Punjab*. Lahore, 2011.
18. Daechsel M. *Scientism and Its Discontents: The Indo-Muslim "Fascism" of Inayatullah Khan Al-Mashriqi* // Modern Intellectual History. 2006. Vol. 3, № 3. P. 443–472.
19. Daechsel M. *Visionary of Another Politics: Inayatullah Khan 'al-Mashriqi' and Pakistan* // Muslims against the Muslim League. Critiques of the Idea of Pakistan. New York, 2017. P. 190–219.
20. Dasti H.F. *Multan: A Province of the Mughal Empire, 1525–1751*. Karachi, 1998.
21. De A. *History of the Khaksar Movement in India, 1931–1947*. Vols. 1–2. Kolkata, 2009.
22. Eglar Z. *A Punjabi Village in Pakistan — Perspective on Community, Land and Economy*. New York, 1960.
23. Ejaz M. *People's History of Punjab*. Fairfax, 2020.
24. *Entsiklopediya Pakistana* [Encyclopedia of Pakistan]. M., 1998. (In Russ.).
25. Ewing K. *The Politics of Sufism: Redefining the Saints of Pakistan* // The Journal of Asian Studies. 1983. Vol. 42, № 2. P. 251–68.
26. Filimonova A.L. *Bahawalpur, Seraikistan, Yujniy Panjab: tcentrobejnyye ustremeniya v pakistanskom Pyatirechye* [Bahawalpur, Seraikistan, South Punjab: Centrifugal Tendencies in Pakistan's Five-River Region] // Pod nebom Yuzhnoj Azii. Territoriya i prinadlezhnost': geopoliticheskoe konstruirovaniye i sub"ektnost' vospriyatiya obitaemykh prostranstv [Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging: Geopolitical Construction, Human Agency and the Perception of Places]. M., 2016. P. 676–699. (In Russ.).
27. Filimonova A.L. *Punjabiyat vs « Punjabistan »: spetsifika etnicheskogo natsionalisma jiteley Pyatirechya (opyt Pakistana)* [Punjabiyat vs "Punjabistan": Features of Punjabi Ethnic Nationalism (A Case of Pakistan)] // Aziya I Afrika segodnya [Asia and Africa Today]. 2023. № 12. P. 41–49. (In Russ.).
28. Gankovskiy Yu.V. *Narodi Pakistana. Osnovniye etapi etnicheskoy istorii* [Peoples of Pakistan. Main Stages of Ethnic History]. M., 1964. (In Russ.).
29. Gankovskiy Yu.V. *Natsionalniy vopros i natsionalnie dvizheniya v Pakistane* [National Question and National Movements in Pakistan]. M., 1967. (In Russ.).

30. Gilmartin D. *Biradari and Bureaucracy: The Politics of Muslim Kinship Solidarity in Twentieth Century Punjab* // International Journal of Punjab Studies. 1994. Vol. 1, № 1. P. 1–30.
31. Gilmartin D. *Empire and Islam: Punjab and the Making of Pakistan*. Berkeley, 1988.
32. Gilmartin D. *Environmental History, Biradari, and the Making of Pakistani Punjab* // Punjab Reconsidered: History, Culture, and Practice. New Delhi, 2012.
33. Gilmartin D. *Migration and Modernity: The State, the Punjabi Village and the Settling of the Canal Colonies* // People on the Move: Punjabi Colonial and Post-Colonial Migration. Karachi, 2004.
34. Gilmartin D. *Religious Leadership and the Pakistan Movement in the Punjab* // Modern Asian Studies, 1979. Vol. 13, № 3. P. 485–517.
35. *Indus Valley: New Perspectives*. Islamabad, 1981.
36. Jaffrelot Ch. *The Pakistan Paradox. Instability and Resilience*. New York, 2015.
37. Javid U. *Politics of Bahawalpur. From State to Region, 1947–2000*. Lahore, 2004.
38. Kudaisya G., Tan T.Yo. *The Aftermath of Partition in South Asia*. London, 2000.
39. Loyd A. *Bahawalpur. The Kingdom That Vanished*. New York, 2020.
40. Malik I.H. *Identity Formation and Muslim Party Politics in the Punjab, 1897–1936: A Retrospective Analysis* // Modern Asian Studies. 1995. Vol. 29, № 2. P. 293–323.
41. Malik I.H. *Localism and Trans-regionalism in Punjab: Inception of Muslim Modernism in Sir Fazl-i-Husain* // Journal of Pakistan Vision. 2009. Vol. 10, № 2. P. 22–49.
42. Malik I.H. *Sikander Hayat Khan (1892–1942): A Political Biography*. Islamabad, 1985.
43. Malik M.A. *Allama Inayatullah Mashraqi: A Political Biography*. Oxford, 2000.
44. Muhammad Sh. *Khaksar Movement in India*. Meerut, 1973.
45. *Muslims against the Muslim League. Critiques of the Idea of Pakistan*. New York, 2017.
46. Nasir A., Mielke K. *Vartan Bhanji-Exchange Practices and Social (Im)mobility: Exploring the Coping Strategies of Low-Income Households of Different Biraderis in Rural Punjab* // Crossroads Asia Working Paper Series. 2015. № 29. P. 1–23.
47. Osman N. *Dancing with the Enemy: Sikander Hayat Khan, Jinnah and the Vexed Question of 'Pakistan' in a Punjabi Unionist Context* // Muslims against the Muslim League. Critiques of the Idea of Pakistan. New York, 2017. P. 311–337.
48. Rahman T. *Language and Politics in Pakistan*. Karachi, 1996. (Reprinted 1998; 2000).
49. Rahman T. *The Punjabi Movement in Pakistan* // International Journal of the Sociology of Language. 1996. № 122. P. 73–88.
50. Raza A. *The Illusory Promise of Freedom: Mian Iftikhar-ud-Din and the Movement for Pakistan* // Muslims against the Muslim League. Critiques of the Idea of Pakistan. New York, 2017. P. 169–189.
51. Saeed M., Gilani S.I.A. *Expansion and Existence of Sufi Orders in South Punjab, Pakistan* // AL-ASAR Islamic Research Journal. 2023 (April-June). Vol. 3, № 2. P. 36–47.
52. Saeed M., Naeem M. *Sufism in South Punjab, Pakistan: From Kingdom to Democracy* // Journal of Peace, Development and Communication. 2021. Vol. 5, № 02. P. 132–142.
53. Samad Yu. *Pakistan or Punjabistan: Crisis of National Identity* // International Journal of Punjab Studies. 1995. Vol. 2, № 1. P. 23–42. (Reprinted in: *Punjabi Identity: Continuity and Change*. Delhi, 1996. P. 61–86).
54. Shabbir Hussain S. *Al-Mashriqi: The Disowned Genius*. Lahore, 1991.
55. Shah N. *Saraiki Region: Roots of Radicalization*. Lahore, 2020.
56. Sheikh F. *Making Sense of Pakistan*. London, 2009.

57. Siddiqua A. *Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy*. Karachi, 2007.
58. Siddiqua A. *Pakistan Military — Ethnic Balance in the Armed Forces and Problems of Federalism*. Kathmandu, 2011.
59. Soofi M. Aryan Caste System and Socially Mobile Punjabis // Punjabics. URL: <https://punjabics.com/inner/inner/aryan.php> (дата обращения 17.08.2023)
60. Suvorova A.A. *Lyubit' Lahor: topofiliya vostochnogo goroda* [To Love Lahore: Topophilia of Oriental City]. М., 2010. (In Russ.).
61. Talbot I. *Khizr Tiwana: The Punjab Unionist Party and the Partition of India*. Karachi, 2002.
62. Talbot I. *Pakistan: A Modern History*. London, 2010.
63. Talbot I. *Punjab and the Raj, 1849–1947*. New York, 1989; New Delhi, 2022.
64. Talbot I. *The Punjabization of Pakistan: Myth or Reality?* // *Pakistan: Nationalism Without a Nation?* London, 2002). P. 51–62.
65. Talbot I. *The Growth of the Muslim League in the Punjab, 1936–47* // *Journal of Commonwealth and Comparative Politics*. 1982. № 10. P. 5–24.
66. Tan T.Yo. *Punjab and the Making of Pakistan: The Roots of a Civil-Military State* // *South Asia: Journal of South Asian Studies*, 1995. № 18. Special Issue. P. 177–192.
67. Tanwar R. *Politics of Sharing Power: The Punjab Unionist Party, 1923–1947*. New Delhi, 1999.
68. Touseef M., Papas A. *The History of Sufism in Multan: New Data from the Urdu Tadhkirah Tradition* // *Islamic Studies*. 2019. Vol. 58, № 4. P. 471–501.
69. Usman A., Amjad A. *Caste Based Endogamy in a Punjabi Village of Pakistan* // *South Asian Studies*. 2013. Vol. 28, № 2. P. 341–352.
70. Usman A. *Social Stratification in a Punjabi Village of Pakistan: The Dynamics between Caste, Gender, and Violence*. PhD Thesis. The University of Leeds. Leeds, 2011.
71. Usman A. *The Seyp System: An Institution towards Decline in Rural Pakistan* // *Pakistan Journal of Social Sciences*. 2017. Vol. 37, № 1. P. 91–101.
72. Wikeley J.M. *Punjabi Musalmans*. London, 2019.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication 02.12.2024.

ОБ АВТОРЕ

Филимонова Алина Леоновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; ORCID 0000-0001-5982-9612, alina.filimonova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alina L. Filimonova — PhD (History), Associate Professor of the Department of the History of South Asia, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; ORCID 0000-0001-5982-9612, alina.filimonova@mail.ru

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-5

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УЗБЕКИСТАНА В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

А.А. Акимцева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; sunny.bycheh@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируется актуальная проблема гендерных отношений в Узбекистане в конце XX — начале XXI века, а также влияние взаимоотношений полов на экономику государства. В стране отмечается наличие значительного гендерного дисбаланса, проявляющегося в бытовом насилии, внушительном разрыве уровня заработной платы мужчин и женщин, принудительных браках и так далее — все это замедляет экономическое развитие государства. В работе изучаются статистические данные, отражающие занятость мужчин и женщин Узбекистана на рынке труда, законодательная база, регулирующая трудоустройство населения. Определяется роль менталитета и религии в формировании структуры гендерных отношений в экономической сфере. Отмечается устойчивость мусульманских традиций в обществе, что осложняет поиск методов достижения равноправия мужчин и женщин, не противоречащий устоям религии. Рассматривается сегрегация рынка труда Узбекистана и выделяются основные сферы занятости мужчин и женщин. Определяются причины возникновения гендерного дисбаланса, а также изучаются попытки его корректировки в политике. В работе рассматриваются особенности трудоустройства женщин, способы поощрения участия женщин в политической и социальной деятельности, а также эффективность используемых методов.

Ключевые слова: гендер, гендерные отношения, экономика Узбекистана, экономическое развитие, гендерный дисбаланс, дискриминация

Для цитирования: Акимцева А.А. Влияние гендерного фактора на экономическое развитие Узбекистана в конце XX — начале XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 73–80. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-5

THE IMPACT OF THE GENDER FACTOR ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF UZBEKISTAN IN THE LATE XX — EARLY XXI CENTURY

Alexandra A. Akimtseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; sunny.bychek@mail.ru

Abstract: The article analyzes the actual problem of gender relations in Uzbekistan at the end of the XX — beginning of the XXI century, as well as the impact of gender relations on the economy of the state. There is a significant gender imbalance in the country, manifested in domestic violence, an impressive wage gap between men and women, forced marriages and so on — all this slows down the economic development of the state. The paper examines statistical data reflecting the employment of men and women of Uzbekistan in the labor market, the legislative framework governing the employment of the population. The role of mentality and religion in shaping the structure of gender relations in the economic sphere is determined. The stability of Muslim traditions in society is noted, which complicates the search for methods to achieve equality between men and women that do not contradict the foundations of religion. The segregation of the Uzbek labor market is considered and the main areas of employment of men and women are highlighted. The causes of the gender imbalance are determined, as well as attempts to correct it in politics are being studied. The paper examines the specifics of women's employment, ways to encourage women's participation in political and social activities, as well as the effectiveness of the methods used.

Keywords: gender, gender relations, economy of Uzbekistan, economic development, gender imbalance, discrimination

For citation: Akimtseva A.A. The impact of the gender factor on the economic development of Uzbekistan in the late XX — early XXI century. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2024, Vol. 68, No. 4, pp. 73–80. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-5 (In Russ.)

В постсоветский период Узбекистан проделал внушительную работу для стабилизации экономики, однако результат пока далек от идеального. По оценке международных организаций (ООН, АБР и т.д.), одной из причин торможения в экономическом развитии является гендерный дисбаланс¹.

В условиях экономического кризиса женский труд в Узбекистане начинает рассматриваться как важный источник дохода для семейного бюджета, потому государство стремится задействовать женщин

¹ Узбекистан. Обновленная гендерная оценка по стране. Мандалуёнг, Филиппины: Азиатский банк развития. 2018. С. 12.

в экономике², однако сталкивается с необходимостью решения ряда проблем. Одной из них является негласное разделение сфер занятости на мужские и женские. Например, отрасли образования, здравоохранения и питания традиционно считаются женскими, а технические сферы остаются преимущественно мужскими, среди них машиностроение, транспорт, строительство, горнодобывающая промышленность, электроснабжение и водоснабжение. К «мужским» сферам деятельности также можно отнести и более высокооплачиваемые — государственное управление, оборону и обязательное социальное обеспечение, в которых доля занятых женщин составляет всего 15,6%, в то время как мужчины занимают 84,4% должностей³.

Некоторые из «мужских» видов деятельности трудны для женщин физически, а для улучшения показателя рождаемости важно сохранять репродуктивное здоровье граждан. На основании этого некоторые ограничения способности женщин работать в ряде отраслей экономики долгое время были закреплены Трудовым кодексом Узбекистана. 10.06.2019 было принято постановление президента «О мерах по дальнейшему усилению гарантий трудовых прав и поддержке предпринимательской деятельности женщин», которое отменило перечень запрещенных в Трудовом Кодексе профессий. В Статье 393 действующего Трудового кодекса Узбекистана отмечается, что «работодатель по согласованию с профсоюзным комитетом с учетом рекомендаций, утверждаемых Министерством занятости и трудовых отношений и Министерством здравоохранения Республики Узбекистан по согласованию с Республиканской трехсторонней комиссией по социально-трудовым вопросам, вправе устанавливать перечень отдельных работ с неблагоприятными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин»⁴. Таким образом, мы видим, что за последние годы законодательство в Узбекистане было модернизировано с учетом требований гендерного равенства. Так в Трудовом кодексе подробно описываются права и возможности беременных женщин и лиц, осуществляющих уход за ребенком или нетрудоспособным членом семьи. При этом, делается акцент на том,

² Мамадалиева Х.Х. Брак и семья в Узбекистане // Народонаселение. 2017. № 7. С. 70.

³ Доля женщин и мужчин в общей занятости в разбивке по секторам % // Агентство статистики при президенте республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://gender.stat.uz/ru/dopolnitel-nye-pokazateli/ekonomicheskie-resursam> (дата обращения: 09.04.2024)

⁴ Трудовой кодекс Республики Узбекистан // Национальная база данных законодательства республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6257291#6266555> (дата обращения: 02.04.2024).

что это может быть любой родственник, независимо от пола каждый может претендовать на равные льготы.

Понимая необходимость вовлечения женщин в экономический процесс, Узбекистан реализует несколько программ повышения занятости и создания рабочих мест для женщин, например таких как Региональная программа повышения занятости женщин на 2005–2007 гг. Согласно данным официальных отчетов, каждый год создается около 400 000 новых рабочих мест, 40% из которых отводятся специально для женщин. Благодаря подобным инициативам к 2022 году доля работающих женщин в стране повысилась и составила 41,2%⁵, при этом мужчины по-прежнему лидируют и составляют 58,8%⁶.

Большая часть нетрудоустроенного женского населения, согласно статистическим данным, проживает в селах. С учетом этого 2009 год в Узбекистане был объявлен годом развития и совершенствования села, и в последующую Государственную программу вошло направление для 2 000 безработных женщин на обучение основным деловым навыкам, а также предоставление им стартового капитала⁷.

Программы трудоустройства женщин в Узбекистане разрабатываются с учетом особенностей менталитета и культуры населения страны, где очень сильны позиции ислама и основанные на нем традиции ведения быта. Таким образом, первой и основной обязанностью женщин остаются быт и воспитание детей, что отнимает немало времени. В связи с этим, на рынке труда большей популярностью среди женского населения пользуется надомная работа, позволяющая одновременно держать под контролем и домашнее хозяйство и вносить свой вклад в семейный бюджет, а также предприятия малого бизнеса или сельского хозяйства.

Еще один статистический показатель наличия проблемы гендерного характера в экономике — уровень безработицы. Официальные данные Узбекистана указывают на то, что в 2007–2010 гг. занятое население выросло на 8,3%, однако трудоустройство среди мужчин выросло гораздо стремительнее, чем у женщин — рост на 10,8% среди мужчин и только на 5,5% среди женщин. В 2022 году доля экономически активных мужчин в стране составляет 80,0%, а жен-

⁵ Доля женщин от общего числа занятых, % // Агентство статистики при президенте республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://gender.stat.uz/ru/osnovnye-pokazateli/trud> (дата обращения: 09.04.2024).

⁶ Доля мужчин от общего числа занятых, в % // Агентство статистики при президенте республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://gender.stat.uz/ru/osnovnye-pokazateli/trud> (дата обращения: 09.04.2024).

⁷ Узбекистан: Гендерная оценка по стране. Мандалуэнг, Филиппины: Азиатский банк развития. 2014. С. 13.

щин — только 66,9%, что говорит о необходимости дальнейшего вовлечения последних в экономический процесс⁸.

В статистике безработицы также имеются четкие гендерные отличия. Процент официально нетрудоустроенных женщин постоянно остается выше, чем мужчин. В Узбекистане согласно данным за 2010 г., женщины составляли до 53,7% от общего безработного населения. Отмечается, женщины, в целом, тратят больше времени на поиск работы, чем мужчины и, в среднем, являются безработными более года⁹. В 2022 году доля безработицы значительно снизилась, однако она по-прежнему выше среди женщин: 5,4% мужчин и 13,4% женщин.

Важно понимать, что значительная часть женщин Узбекистана не включена в статистику, в связи с тем, что они заняты в неформальном секторе. В большинстве случаев такая деятельность представлена фермерством и ремесленничеством. Еще один вид неформальной сферы занятости — «челночная» торговля или ввоз и вывоз через региональные границы небольшого объема товаров для его сбыта. В Узбекистане эта деятельность также представлена преимущественно женщинами.

По вертикали рынка труда Узбекистана также отмечается гендерный дисбаланс. Мужчины занимают 73% управленческих постов во всех экономических секторах¹⁰. Вместе с тем, такая проблема существует небезосновательно, ее причина в том, что женщины чаще, чем мужчины, имеют перерывы в работе, связанные с рождением детей, уходом за больными членами семьи и выполнением семейных обязанностей. Из-за предположения, что женщина сможет меньше времени уделить работе, чем мужчина ей чаще достаются вакансии предполагающие меньшую ответственность с целью обеспечения систематической непрерывной работы предприятия и подобные должности, как правило, являются менее оплачиваемыми. В 2022 году средняя зарплата женщин Узбекистана составила только 34% от средней зарплаты мужчин¹¹.

Такая система ведет к дальнейшему усилению гендерного дисбаланса в стране. Согласно результатам опросов домохозяйств

⁸ Уровень экономической активности населения, % // Агентство статистики при президенте республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://gender.stat.uz/ru/osnovnye-pokazateli/trud> (дата обращения: 09.04.2024).

⁹ Узбекистан. Обновленная гендерная оценка по стране. Мандалуёнг, Филиппины: Азиатский банк развития. 2018. С. 13.

¹⁰ Узбекистан. Обновленная гендерная оценка по стране. Мандалуёнг, Филиппины: Азиатский банк развития, 2018. С. 12.

¹¹ Разница в оплате труда мужчин и женщин // Агентство статистики при президенте республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://gender.stat.uz/ru/dopolnitelnye-pokazateli/ekonomicheskie-resursam> (дата обращения: 09.04.2024).

Узбекистана, в среднем доходы женщин составляет около 13–14% от семейного бюджета, в случае, когда женщина получает еще и социальные пособия, такие как пенсия, пособия по нетрудоспособности или для содержания ребенка, эта доля может возрасти до 20%¹².

Немаловажный показатель гендерных отношений в экономической системе Узбекистана — трудовая миграция. Для заработка зарубежом узбекские мигранты выбирают преимущественно Российскую Федерацию и Казахстан¹³. От 2 до 8 миллионов узбекских мигрантов, проживающих за границей, вносят в ВВП страны около 8% ежегодно в виде денежных переводов. По другим оценкам, 7% экономически активного населения являются внешними или внутренними трудовыми мигрантами¹⁴. Весьма показательно то, что абсолютное большинство мигрантов, работающих за рубежом, составляют мужчины, в то время как внутренними трудовыми мигрантами все чаще становятся женщины. Для женщин эта статистика во многом обоснована челночной торговлей и невозможностью уезжать далеко и на продолжительный срок от своей семьи. Мужчины же чаще решаются оставить родных надолго, для того чтобы иметь возможность их достойно обеспечивать¹⁵.

Подводя итог, отметим, что проблема гендерного неравенства остается актуальной для узбекского общества многие годы. Страна ведет активную работу по ее решению, однако сталкивается с отсутствием разработанных методов для осуществления необходимых преобразований. Нормы гендерного равенства берут свое начало в Европе, где общество, исторически развивалось преимущественно на основе разных течений христианства. Узбекское общество формировалось на базе ислама, предписывающего совершенно иные бытовые традиции, и нормы гендерного равенства часто идут вразрез с культурным укладом страны, а следовательно, классические методы решения данной проблемы оказываются малоэффективными и Узбекистану необходима собственная особая стратегия борьбы с гендерным неравенством и дискриминацией.

В данном направлении сегодня в стране разработана система поощрений и наказаний. За такие очевидные преступления как

¹² Узбекистан: Гендерная оценка по стране. Мандалуёнг, Филиппины: Азиатский банк развития, 2014. С. 12.

¹³ Максакова Л.П. Внутренняя миграция населения Узбекистана: социологические аспекты // Трудовая миграция в Республике Узбекистан: социальные, правовые и гендерные аспекты. 2008. Сб. ст. С. 75.

¹⁴ Узбекистан. Обновленная гендерная оценка по стране. Мандалуёнг, Филиппины: Азиатский банк развития, 2018. С. 13.

¹⁵ Узбекистан: Гендерная оценка по стране. Мандалуёнг, Филиппины: Азиатский банк развития, 2014. С. 14.

бытовое насилие или принудительная стерилизация введены карательные меры. Правительство Узбекистана разработало стратегию поощрения активности женщин в экономической сфере, однако статистика показывает, что устоявшиеся традиции и общественное мнение по-прежнему тормозят этот процесс. Таким образом, занятость женщин Узбекистана во многом определяется культурной составляющей страны, менталитетом населения¹⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доля женщин и мужчин в общей занятости в разбивке по секторам % // Агентство статистики при президенте республики Узбекистан [Электронный ресурс]. — URL: <https://gender.stat.uz/ru/dopolnitel-nye-pokazateli/ekonomicheskies-resursam> (дата обращения: 09.04.2024).
2. Доля женщин от общего числа занятых, % // Агентство статистики при президенте республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://gender.stat.uz/ru/osnovnye-pokazateli/trud> (дата обращения: 09.04.2024).
3. Доля мужчин от общего числа занятых, в % // Агентство статистики при президенте республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://gender.stat.uz/ru/osnovnye-pokazateli/trud> (дата обращения: 09.04.2024).
4. Козина И.М. Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 126–136.
5. Максакова Л.П. Внутренняя миграция населения Узбекистана: социологические аспекты // Трудовая миграция в Республике Узбекистан: социальные, правовые и гендерные аспекты. 2008. Сб. ст. С. 44–140.
6. Мамадалиева Х.Х. Брак и семья в Узбекистане // Народонаселение. 2017. № 7. С. 67–77.
7. Разница в оплате труда мужчин и женщин // Агентство статистики при президенте республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://gender.stat.uz/ru/dopolnitel-nye-pokazateli/ekonomicheskies-resursam> (дата обращения: 09.04.2024).
8. Трудовой кодекс Республики Узбекистан // Национальная база данных законодательства республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6257291#6266555> (дата обращения: 02.04.2024).
9. Узбекистан: Гендерная оценка по стране. Мандалуёнг, Филиппины: Азиатский банк развития, 2014. 98 с.
10. Узбекистан. Обновленная гендерная оценка по стране. Мандалуёнг, Филиппины: Азиатский банк развития, 2018. 110 с.
11. Уровень экономической активности населения, % // Агентство статистики при президенте республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://gender.stat.uz/ru/osnovnye-pokazateli/trud> (дата обращения: 09.04.2024).

REFERENCES

1. *Dolja zhenshhin i muzhchin v obshhej zanjatosti v razbivke po sektoram %* [For women and men in total employment by sector %] *Agentstvo statistiki pri prezidente respublik Uzbekistan* [Statistics Agency under the President of the Republic of

¹⁶ Козина И.М. Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 127.

- Uzbekistan]. Available at: <https://gender.stat.uz/ru/dopolnitel-nye-pokazateli/ekonomicheskije-resursam> (accessed: 09.04.2024).
2. *Dolja zhenshhin ot obshhego chisla zanjatyh, %* [The share of women from the total number of employed, %] *Agentstvo statistiki pri prezidente respubliki Uzbekistan* [Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan]. Available at: <https://gender.stat.uz/ru/osnovnye-pokazateli/trud> (accessed: 09.04.2024).
 3. *Dolja muzhchin ot obshhego chisla zanjatyh, v %* [The share of men from the total number of employed, in %] *Agentstvo statistiki pri prezidente respubliki Uzbekistan* [Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan]. Available at: <https://gender.stat.uz/ru/osnovnye-pokazateli/trud> (accessed: 09.04.2024).
 4. Kozina I.M. *Professional'naja segregacija: gendernye stereotipy na rynke truda* [Professional segregation: gender stereotypes in the labor market] *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 2002. № 3. pp. 126–136.
 5. Maksakova L.P. *Vnutrennjaja migracija naselenija Uzbekistana: sociologicheskie aspekty* [Internal migration of the population of Uzbekistan: sociological aspects] *Trudovaja migracija v Respublike Uzbekistan: social'nye, pravovye i gendernye aspekty*. 2008. Sb. st. S. 44–140.
 6. Mamadalieva H.H. *Brak i sem'ja v Uzbekistane* [Marriage and family in Uzbekistan] *Narodonaselenie* [Population]. 2017. № 7. pp. 67–77.
 7. *Raznica v oplate truda muzhchin i zhenshhin* [The difference in wages between men and women] *Agentstvo statistiki pri prezidente respubliki Uzbekistan* [Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan]. Available at: <https://gender.stat.uz/ru/dopolnitel-nye-pokazateli/ekonomicheskije-resursam> (accessed: 09.04.2024).
 8. *Trudovoj kodeks Respubliki Uzbekistan* [The Labor Code of the Republic of Uzbekistan] *Nacional'naja baza dannyh zakonodatel'stva respubliki Uzbekistan* [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. Available at: <https://lex.uz/ru/docs/6257291#6266555> (accessed: 02.04.2024).
 9. *Uzbekistan: Gendernaja ocenka po strane* [Uzbekistan: Gender assessment by country] Mandalujong, Filippiny: Aziatskij bank razvitija, 2014. 98 p.
 10. *Uzbekistan. Obnovlennaja gendernaja ocenka po strane* [Uzbekistan. Updated gender assessment for the country] Mandalujong, Filippiny: Aziatskij bank razvitija, 2018. 110 p.
 11. *Uroven' jekonomicheskij aktivnosti naselenija, %* [The level of economic activity of the population, %] *Agentstvo statistiki pri prezidente respubliki Uzbekistan* [Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan]. Available at: <https://gender.stat.uz/ru/osnovnye-pokazateli/trud> (accessed: 09.04.2024).

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 09.10.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 09.10.2024; accepted for publication 02.12.2024.

ОБ АВТОРЕ

Акимцева Александра Александровна — аспирант кафедры истории стран ближнего зарубежья ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; sunny.bychek@mail.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Alexandra A. Akimtseva — postgraduate Student, Department of History of the Near Abroad Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; sunny.bychek@mail.ru.

DOI: 10. 55959/MSU0320-8095-13-68-4-6

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КИТАЙСКО-СОВЕТСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1931–1932 ГОДАХ: ПРОЦЕСС И УСЛОВИЯ

Т. Лю

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; 2064543989@qq.com*

Аннотация: Данная статья основана на существующих исследованиях и опубликованных архивах и, систематизируя эту информацию, стремится как можно полнее отразить процесс принятия решения о восстановлении дипломатических отношений между Китаем и СССР в 1932 году. Основное внимание уделено анализу с точки зрения нанкинского правительства: рассмотрено концептуальное развитие и выбор интересов китайской и советской сторон в вопросах китайско-советских отношений и взаимодействия с Японией в этот период. Советско-китайские дипломатические отношения после 1931 года прошли относительно сложный процесс восстановления. В силу широко распространенных противоречий между Китаем и СССР, нанкинское правительство недоверчиво относилось к развитию отношений с СССР. В то же время, столкнувшись с беспорядками за пределами дальневосточной границы, СССР из осторожности и «недоверия к нанкинскому правительству» также предпринял ряд действий, которые расценивались как «развитие японо-советских отношений». Под растущим давлением Китай, наконец, решил начать переговоры с СССР о безоговорочном восстановлении дипломатических отношений, чтобы не допустить слишком близкого сближения СССР с Японией. Тот факт, что СССР постепенно стал рассматривать Японию как фактор нестабильности, также создал условия для восстановления советско-китайских дипломатических отношений и их дальнейшего развития.

Ключевые слова: китайско-советские отношения, японо-советские отношения, китайско-японские отношения, японо-китайская война, Маньчжоу-Го

Для цитирования: Лю Т. Восстановление китайско-советских дипломатических отношений в 1931–1932 годах: процесс и условия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 81–94. DOI: 10. 55959/MSU0320-8095-13-68-4-6

RESTORATION OF SINO-SOVIET DIPLOMATIC RELATIONS IN 1931–1932: PROCESS AND CONDITIONS

Tianpeng Liu

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 2064543989@qq.com

Abstract: This article is based on existing research and published archives and, by systematizing this information, seeks to reflect as fully as possible the process of decision-making on the restoration of diplomatic relations between China and the USSR in 1932. The main focus is on the analysis from the perspective of the Nanking government: the conceptual development and choice of interests of the Chinese and Soviet sides in the issues of Sino-Soviet relations and interaction with Japan during this period are examined. Soviet-Chinese diplomatic relations after 1931 underwent a relatively difficult process of reconstruction. Much of the Chinese and Russian literature provides limited analysis of this topic with simplistic conclusions. Due to widespread contradictions between China and the USSR, the Nanjing government was mistrustful of developing relations with the Soviet Union. At the same time, faced with unrest beyond the Far Eastern border, the USSR, out of caution and “distrust of the Nanking government,” also took a series of actions that were seen as “developing Japan-Soviet relations.” Under increasing pressure, China finally decided to start negotiations with the USSR to unconditionally restore diplomatic relations to prevent the Soviet Union from getting too close to Japan. The fact that the USSR gradually began to view Japan as a factor of instability also created conditions for the restoration of Soviet-Chinese diplomatic relations and their further development.

Keywords: Sino-Soviet relations, Japan-Soviet relations, Sino-Japanese relations, Japan-China war, Manchukuo

For citation: Liu T. Restoration of Sino-Soviet diplomatic relations in 1931–1932: Process and conditions. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2024, Vol. 68, No. 4, pp. 81–94. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-6 (In Russ.)

Процесс восстановления советско-китайских дипломатических отношений после 1931 года неоднократно упоминался в соответствующих исследованиях, проведенных в Китае и России. Но большинство этих исследований не ставят своей целью конкретное изучение процесса восстановления. В связи с чем по этому вопросу авторы работ делали простые выводы. Например, восстановление дипломатических отношений в этот период рассматривается с позиции того, что «обе стороны стремятся объединиться против Японии», или Япония рассматривается как фактор, способствующий или препятствующий восстановлению дипломатических отношений между двумя сторонами. Дальнейшие исследования по этому вопросу будут

полезны для лучшего понимания того, как Китай и СССР регулировали отношения между собой и с Японией, а также для анализа развития и изменения их концепций под влиянием внутренней и международной среды в 1930-е годы.

1. Первоначальная позиция и видение Нанкинского правительства

После 1927 года, когда отношения между Китаем и СССР стремительно ухудшились из-за ряда событий, включая конфликт КВЖД, обе стороны в итоге разорвали дипломатические отношения. К 1931 году большинство конфликтов между двумя сторонами было связано с вопросом КВЖД и принадлежности Внешней Монголии, а также с вооруженной борьбой КПК, которая, по мнению нанкинского правительства, полностью находилась под руководством СССР¹.

С началом японского наступления на северо-восточный Китай 18 сентября 1931 года в Гоминьдане стали раздаваться голоса, выступавшие за разрядку между Китаем и СССР. На 290-м политическом совещании ЦИК Гоминьдана, состоявшемся 23 сентября 1931 года, через пять дней после начала нападения Японии, некоторые утверждали, что интересы СССР на Дальнем Востоке в то время находились в противоречии с Японией. Таким образом, дипломатические отношения с СССР теперь могли быть восстановлены². Подобные предложения вскоре приобрели определенное влияние внутри партии Гоминьдан, которая считала, что Китай и СССР должны восстановить дипломатические отношения и совместно бороться против Японии.

Однако в то время такая концепция не оказала влияния на принятие решений нанкинским правительством. 30 сентября специальная дипломатическая комиссия Центральной политической конференции Гоминьдана, срочно сформированная нанкинским правительством для решения северо-восточной проблемы, провела свое первое заседание. Из дискуссий на конференции стало ясно, что в нанкинском правительстве по-прежнему преобладала точка зрения противников возобновления дипломатических отношений с СССР и, в частности, против «объединения усилий с СССР». На основании выступлений участников и итогов заседания председатель комиссии Дай Цзитао,

¹ Хэ Ханьвэнь. Чжуньэ Вай Цзяо Ши [Дипломатическая история Китая и России], Шанхай: Чжунхуа Шуцзюй, 1935 г. С. 422–423.

² Лю Вэйкай. Го Минь Чжэн Фу Чу Ли Цзю И Ба Ши Бянь Чжи Чжунъяо Вэнь Сянь [Важные документы о действиях национального правительства в связи с инцидентом 18 сентября]. Тайбэй: Цзинь Дай Чжун Го Чу Бань Шэ, 1992 г. С. 181–182.

заявил, что дипломатические отношения с СССР не могут быть возобновлены немедленно. Он отметил, что в случае сближения с СССР есть риск утраты поддержки со стороны Великобритании и США, а также того, что это может вызвать недовольство Японии, поэтому важно сохранить возможность вмешательства Лиги Наций в конфликт между Японией и Китаем. В то же время Китай должен сохранять позицию по вопросам территориального суверенитета Внешней Монголии и КВЖД, а также придерживаться принципа «противостояния любой поддержке КПК со стороны СССР и Коминтерна»³. По мнению правительства Нанкина, обращение к Лиге Наций было самым надежным выходом из затруднительного положения на тот момент, и в декабре 1931 года Лига Наций решила направить исследовательскую миссию в северо-восточный регион Китая. 10 января 1932 года Чан Кайши в своей телеграмме Хэ Инцину заявил, что после возобновления дипломатических отношений с СССР великие державы вместо того, чтобы сочувствовать Китаю, придут на помощь Японии. Поэтому до решения проблемы Северо-Востока поспешное возобновление контактов с СССР поставит под угрозу будущее всей страны⁴.

2. Осторожная позиция СССР после инцидента 18 сентября и влияние этой позиции на нанкинское правительство

В этот период СССР находился в процессе выполнения своего первого пятилетнего плана. События 18 сентября 1931 года вызвали напряженность в СССР, поэтому вечером 19 и 22 сентября советское правительство вызывало посла Японии в СССР Хироту, чтобы выразить «глубокое беспокойство» СССР по поводу ситуации в северо-восточном Китае и потребовать от японской стороны скорейшего объяснения и разъяснения⁵, в связи с чем Сталин обратился к советской прессе с просьбой решительно высказаться против японской оккупации северо-восточного Китая⁶. Однако, СССР, исходя из собственной ситуации, не стал сразу же занимать позицию Китая

³ Там же. С. 1–8.

⁴ Цзян Цзе Ши Чжи Хэ Ин Цинь Чжу Пэй Дэ Дэн Дянь [Телеграмма Чан Кайши Хэ Инцину, Чжу Пэйдэ и другим] (10 января 1932 г.) // Го Ши Гуань (Академия истории), Архив президента Чан Кайши, 002-020200-00014-040.

⁵ Записи беседы заметителя НКВД СССР с послом Японии в СССР Хирота (19.09.1931) // Документы внешней политики СССР. Т. XIV. 1 января — 31 декабря 1931 г., М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1968. С. 529–532.

⁶ Телеграмма И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову (23 сентября 1931 г.) // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 76. Л. 76–76об.

на государственном уровне, а приложил все усилия, чтобы предотвратить любой конфликт с Японией. С конца 1931 года СССР начал делать Японии предложения о заключении пакта о ненападении⁷, и на какое-то время согласился с тем, чтобы Япония использовала КВЖД для перевозки войск⁸. К марту 1932 года СССР публично согласился на просьбу маньчжурской стороны «заменить первоначальный флаг КВЖД на флаг Маньчжоу-Го и советский флаг», что, по мнению японцев, «фактически означало признание Маньчжоу-Го СССР»⁹. В июне 1932 года, столкнувшись с предложением китайской стороны «подписать пакт о ненападении», Сталин согласился с тем, что «было бы разумно избежать этого сейчас»¹⁰. Коминтерн, напротив, демонстрировал свою традиционную враждебность и недоверие к нанкинскому правительству, считая, что «свержение Гоминьдана является необходимым условием для победы революционной войны Китая против империализма»¹¹. Во время нападения японцев на Шанхай в конце января 1932 года Коминтерн рассматривал его как «ситуацию, подобную Октябрьской революции, как прекрасную возможность для КПК свергнуть гоминьдановский режим». С другой стороны, СССР также продолжал активно призывать к «оппозиции японскому империализму» и «вооруженной защите СССР от имени Коминтерна из заботы о своей собственной безопасности»¹². Под этим влиянием КПК в то время начала громко призывать китайских

⁷ Ниссо фукасиндзёяку тэйкэцу мондай надо ни цуйте [Министерство иностранных дел. По вопросу заключения пакта о ненападении между Японией и СССР и др.] // Ниппон гайко бунсё [Японские дипломатические документы], Сёва II, часть 2, том 1: 1996. С. 390–395.

⁸ Первый отдел, Бюро по делам Европы и Азии, Министерство иностранных дел, изд.: Ниссо кошо-ши [История переговоров между Японией и СССР], Гэннандо Сетэн, 1969 г. С. 233.

⁹ Дзай Харубин Охаси сорёдзи ёри Ёосидзава гаймудаидзин атэ [Министерство иностранных дел Японии. Телеграмма генерального консула Охаси в Харбине министру иностранных дел Есидзава] (24 марта 1932 г.) // Ниппон гайко бунсё [Японские дипломатические документы]: Маньчжурский инцидент (декабрь 1931 — октябрь 1932 г.). Т. 2. Книга 1. С. 359.

¹⁰ Из протокола № 104 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) (16 июня 1932 г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 187.

¹¹ Чжоу Вэньци: Гун Чань Го Цзи Су Лянь Хэ Чжун Го Гун Чань Дан Гуань Си Бянь Нянь Ши [Хроника отношений между Коминтерном, СССР и КПК], Хубэй: Ху Бэй Жэнь Минь Чу Бань Шэ, 1993 г. С. 224.

¹² Ян Куйсонг. Чжун Го Гэ Мин Дэ Цэ Люэ Цзай Го Цзи Бэй Цзин Ся Дэ Янь Бянь [Эволюция стратегии китайской революции в международном контексте]. Пекин: Чжун Гун Чжунъян Дан Сяо Чу Бань Шэ, 1992. С. 274.

солдат и крестьян в регионе «восстать против своих начальников и помещиков» и вести революционную войну против японских империалистов и Гоминьдана¹³.

Эти настроения вскоре повлияли на дальнейшее развитие китайской идеи восстановления дипломатических отношений с СССР. Нанкинское правительство пришло к выводу, что оно сталкивается с враждебностью со стороны Японии, КПК и стоящего за КПК СССР. СССР не только неоднократно уклонялся от предложения подписать китайско-советский пакт о ненападении, но и поддерживал разрушительные действия КПК за кулисами. Затем саботаж со стороны КПК стал главным препятствием для организации и проведения правительством военного сопротивления и политического посредничества во время нападения японцев на Шанхай. Правительство Нанкина считает, что раскол в Китае, созданный КПК и стоящими за ней СССР и Коминтерном, является первопричиной трудностей в противостоянии всем внешним угрозам. В июне Чан Кайши еще больше подчеркнул мысль о том, что «для противостояния внешней агрессии, мы должны сначала умиротворить внутренние районы». Самая главная проблема, которую необходимо решить в первую очередь, — внутренняя (вооруженная революция в КПК), а также то, что «поведение КПК было исключительно по указке СССР, естественно, не должна была возобновляться»¹⁴. В этой обстановке многие высокопоставленные лица в Нанкинском правительстве продолжали питать иллюзии, считая, что в военных операциях Японии против Китая доминируют радикальные элементы в армии, и что эти экстремистски настроенные японские офицеры «пытаются создать фашистскую организацию или партию для подрыва партийной политики в Японии»¹⁵. Они верили, что японское правительство не станет предпринимать крайних мер против Китая, если китайское правительство сможет должным образом вести переговоры и вовремя остановить эскалацию ситуации. Судя по последующим действиям нанкинского правительства, эта точка зрения, кажущаяся сегодня совершенно неточной, в определенной степени повлияла на последующие решения нанкинского правительства в урегулировании китайско-японского конфликта, и поэтому появилась надежда, что

¹³ Чжун Го Гун Чань Дан Чжунъян Вэй Шан Хай Ши Бянь Ди Эр Цы Сюань Янь [Вторая декларация КПК в связи с Шанхайским инцидентом]. <http://www.71.cn/2011/0930/630866.shtml>

¹⁴ Цинь Сяои: Цзун Тун Цзян Гун Сы Сянъянь Лунь Цзун Цзи [Мысли и высказывания президента Чан Кайши], том 10, Исторический комитет Гоминьдана, 1984. С. 620–626.

¹⁵ Там же. С. 574.

«стабильная фракция» японского правительства сыграет свою роль, и что «фашизм не сможет в конечном итоге преуспеть в Японии»¹⁶.

3. Попытки правительства Нанкина вести переговоры с Японией

Под влиянием этих факторов нанкинское правительство стало стремиться к улучшению отношений с Японией, пытаясь достичь соглашения с ней через «совместное противодействие коммунистам» и неоднократно увязывая в своих переговорах с японским правительством решение вопроса о Маньчжоу-го с «совместным противодействием коммунистам». Из японских документов следует, что, начиная с июня и июля, высшие военные и политические эшелоны Гоминьдана, в том числе Ли Цзунжэнь, стали чаще контактировать с Японией, заявляя, что если китайско-японский конфликт не будет урегулирован в ближайшее время, то «коммунисты воспользуются состоянием хаоса для захвата власти, а Россия будет напрямую управлять Китаем»¹⁷. «Есть надежда, что вместо того, чтобы заставлять китайских солдат переходить на сторону СССР, китайская армия сможет присоединиться к Японии в борьбе с коммунистами»¹⁸. К августу, заметив задержку с ответом на подобные обращения, правительство Нанкина решило отправить кого-нибудь непосредственно в Японию. Цзян Цзобинь, отправившийся в Японию по приказу Чан Кайши и отвечавший за прямые контакты с японским правительством, также неоднократно заявлял японской стороне, что промедление в решении вопроса о Маньчжоу-го приведет к продолжению китайско-японского конфликта. Также он заявлял, что если Япония открыто признает легитимность Маньчжоу-го, то единственным результатом будет предоставление коммунистам и Советам возможности контролировать суверенитет Китая¹⁹.

Однако вскоре японское правительство отреагировало на это негативно: 25 августа государственный министр Японии Ясуя Утида

¹⁶ Там же. С. 574.

¹⁷ Дзай Хонкон сорёдзи дайри ёри Утида гаймудайдзин атэ [Телеграмма исполняющего обязанности генерального консула в Гонконге министру иностранных дел Учиде] (18 июля 1932 г.)// Ниппон гаикобуншо[Японские дипломатические документы]: Маньчжурский инцидент (декабрь 1931 — октябрь 1932 г.). Т. 2. Книга 2. С. 772–773.

¹⁸ Дзай Кантон Ёсида сорёдзи дайри ёри Утида гаймудайдзин атэ [Телеграмма министру иностранных дел Учиде от исполняющего обязанности генерального консула Есиды в Гуандуне] (16 июля 1932 г.) // Там же. С. 768–770.

¹⁹ Пекинский нормальный университет, Шанхайский муниципальный архив: Цзян Цзо Бинь Жи Цзи [Дневник Цзян Цзобиня]. Цзянсу: Цзян Су Гу Цзи Чу Бань Шэ, 1990. С. 455–459.

выступил в парламенте с речью, в которой заявил, что «ради мира в Восточной Азии будут предприняты все усилия, чтобы сохранить независимость Маньчжурии»²⁰. 27 августа Центральная политическая конференция Гоминьдана вновь пошла на компромисс, передав Японии обращение нанкинское правительства, «надеясь, что по крайней мере статус-кво в регионе удастся сохранить»²¹. Но и это обращение было проигнорировано. Впоследствии 15 сентября Япония официально признала Маньчжоу-Го. В этот момент нанкинское правительство, со своей стороны, потерпело полное поражение в стремлении к китайско-японскому примирению на данном этапе.

4. Окончательное решение Нанкинского правительства и окончательное восстановление китайско-советских дипломатических отношений

При таких обстоятельствах, с одной стороны, в Гоминьдане постепенно исчезли иллюзии относительно возможности полагаться на переговоры с японским правительством для решения насущной дилеммы, и они начали осознавать, что «текущее затруднительное положение можно разрешить только силой»²². С другой стороны, аргумент в пользу восстановления отношений с СССР был вновь озвучен и получил большую поддержку. Следует отметить, что это изменение было связано и с позицией советской стороны, которая всячески старалась избежать конфликта с Японией: 23 сентября, через неделю после объявления о признании Японией Маньчжоу-Го, СССР также согласился на присутствие консула Маньчжоу-Го в Москве, а на следующий день официально заключил с Японией соглашение об экспорте мазута в Японию на последующие пять лет, что было оценено японской стороной как «важный этап в развитии торговых отношений между СССР и Японией»²³.

Тот факт, что «СССР стремительно развивает отношения с Японией и марионеточной Маньчжоу-Го», несомненно, оказывали давление на нанкинское правительство. Теперь СССР выглядел так, будто он полностью потворствовал всему, чего хотела Япония. 27 сентября

²⁰ Кокумудайдзин но эндзэцу [[Выступление государственного министра]. <https://worldjpn.net/documents/texts/fam/19320825.SXJ.html>

²¹ Цинь Сяои: Цзун Тун Цзян Гун Сы Сянъянь Лунь Цзун Цзи [Мысли и высказывания президента Чан Кайши], том 10, Чжун Го Го Минь Дан Чжунъян Вэй Юань Хуэй Дан Ши Хуэй, 1984. С. 802–803.

²² Го Минь Дан Чжунъян Чжи Син Вэй Юань Хуэй Гао Го Жэнь Шу [Письмо Центрального исполнительного комитета Гоминьдана народу Китая] // газета «Та Кун Пао», 18 сентября 1932 г.

²³ О продаже нефти в Японию // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 96.

министр иностранных дел Ло Вэньган направил Чан Кайши телеграмму, в которой говорилось, что в Японии ходят слухи о том, что «СССР планирует подписать трехсторонний пакт о ненападении с Японией и Маньчжоу-го», и поэтому «дипломатические отношения с СССР должны быть возобновлены как можно скорее и без каких-либо условий»²⁴. 2 октября миссия Лиги Наций в северо-восточном районе Китая опубликовала свой отчет, в котором в разделе «условия урегулирования» было написано, что «интересы СССР в этом районе также не должны игнорироваться, иначе никакое урегулирование не будет устойчивым»²⁵. С другой стороны, это стало сигналом для нанкинского правительства, которое «боялось потерять международную симпатию из-за своих отношений с СССР», что Лига Наций не сможет игнорировать влияние СССР в этом вопросе. Можно сказать, что с этого момента нанкинское правительство начало подготовку к восстановлению дипломатических отношений с СССР несмотря на то, что до сих пор существовал спор с СССР по вопросу суверенитета и сохранялась идеологическая антипатия к нему. 5 октября на 326-м заседании Политической конференции Центрального комитета Гоминьдана было принято решение о «безоговорочном восстановлении дипломатических отношений с СССР»²⁶. 12 декабря 1932 года были официально восстановлены дипломатические отношения между Китаем и СССР.

С другой стороны, осторожность, которую проявляла советская сторона, в определенной степени создавала условия для возобновления китайско-советских дипломатических отношений. Основная идея СССР заключалась в том, чтобы избежать участия в конфликте, который привел бы к «империалистической солидарности»²⁷. В основном СССР придерживалась позиции невмешательства в действия Японии на северо-востоке Китая и намеревалась избежать военного конфликта путем развития отношений с Японией, а также придерживалась позиции «ни формального признания, ни явного противостояния» Маньчжоу-Го. Однако советские просьбы о заключении пакта о ненападении неоднократно отклонялись

²⁴ Ло Вэнь Гань Чжи Цзян Цзе Ши Дянь [Телеграмма Луо Вэньгана Чан Кайши] (27 сентября 1932 г.) // Го Ши Гуань [Академия истории], Архив президента Чан Кайши, 002-090400-00006-450

²⁵ Situation in Manchuria: Report of the Lytton Commission of Inquiry. Series of league of Nations Publications. 1932.VII.12. Geneva: League of Nations, 1932. P. 129–130. <https://hdl.loc.gov/loc.wdl/wdl.11601>

²⁶ Ван Янцин, ред.: Шао Юань Чун Жи Цзи [Дневник Шао Юаньчжуна]. Шанхай: Шан Хай Жэнь Минь Чу Бань Шэ, 1990. С. 914.

²⁷ Телеграмма И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову (23 сентября 1931 г.) // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 76. Л. 76–76об.

Японией, а экспансионистские намерения Японии становились все более очевидными. Эта неопределенность постепенно вынуждала СССР чувствовать, что «вся политика Японии и ее отказ от пактов о ненападении указывали на возможность распространения агрессии на СССР»²⁸. Первая пятилетка закончилась в конце 1932 года, и Сталин также отметил, что отказ Японии подписать с СССР пакт о ненападении, а также споры на Дальнем Востоке потребовали немедленной реорганизации ряда заводов для производства современного оборонного оружия²⁹. В 1933–1934 годах Коминтерн также начал использовать пропагандистский уровень, чтобы подтолкнуть КПК к объединению усилий с нанкинским правительством против Японии. Постепенное усиление настороженности СССР к Японии также стало одним из факторов для возобновления дипломатических отношений между Китаем и СССР.

Заключение

Изменения в китайско-советских отношениях после 1931 года начались с идеи «восстановления дипломатии с СССР», сформировавшейся внутри нанкинского правительства в 1931 году. При этом следует отметить, что намерения обеих сторон в этот период, особенно Китая, точно не заключались в том, чтобы «объединить силы с СССР для борьбы против Японии». Для Китая это изменение стало компромиссом, заключенным под давлением. Нанкинское правительство, которое по ряду причин было враждебно настроено к СССР и в то же время находилось в ловушке собственной концепции «возможных негативных последствий близости с СССР», надеялось разрешить свою дилемму путем развития отношений с Японией. Лишь после того, как Япония предприняла дальнейшие действия, нанкинское правительство стало сосредотачиваться на том, чтобы «помешать СССР продолжать развивать отношения с Японией и Маньчжурией» и возобновило дипломатию с СССР, рассматривая Японию и СССР как двух своих врагов с противоречивыми интересами. «Если мы не можем достичь соглашения с одной стороной, мы должны выбрать другую сторону, чтобы сохранить баланс»³⁰. На этой основе вопросы

²⁸ Телеграмма НКВД СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Турции Г.А. Астахову (25.12.1932) // Документы внешней политики СССР. Т. XV. 1 января — 31 декабря 1932 г. М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1969. С. 702–703.

²⁹ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 180.

³⁰ Чжуньэ Хуэй Фу Бан Цзяо [Китай и Россия возобновляют дипломатические отношения] // газета «Чжунъян Жи Бао, 14 декабря 1932 г.

суверенитета и гражданской войны остались нерешенными, а значит, противостояние с СССР продолжалось.

Для СССР главной задачей в это время было не стать вовлеченным в войну. Следует отметить, что Коминтерн был еще одним способом донести свой голос до внешнего мира в дополнение к обычным дипломатическим каналам, и обращения или заявления Коминтерна также часто использовались СССР для достижения своих дипломатических целей. Использование этих двух средств обычно четко координируется³¹. Из обращения Коминтерна следует, что к 1932 году СССР не доверял нанкинскому правительству ни по соображениям безопасности, ни по идеологическим соображениям. В то же время призывы к «вооруженной обороне СССР» и «противодействию японскому империализму» свидетельствовали о том, что СССР в полной мере ощущал угрозу со стороны Японии. В дальнейшем эта бдительность в отношении Японии стала развиваться, объективно создавая начальные условия для последующего восстановления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом и развития отношений между двумя странами.

Влияние Японии на китайско-советские отношения до 1932 года зависело от отношения Китая и СССР к Японии, а также от оценки китайской и советской стороной степени угрозы, которую Япония представляла для их собственной национальной безопасности в сложившихся обстоятельствах. Когда СССР еще надеялся на возможность временного мира с Японией, а китайская сторона продолжала считать СССР и КПК такими же опасными врагами, как и Японию, это объективно сдерживало развитие китайско-советских отношений. А после 1932 года, Китай, признав Маньчжоу-Го и отказавшись подписывать пакт о ненападении с СССР, стал проявлять нетерпимость к немедленному подрыву своих интересов безопасности, как и СССР. В этот момент влияние Японии на китайско-советские отношения стало меняться и постепенно превратилось в важнейший фактор, определяющий дружественные отношения этих стран в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Янцин, ред. Шао Юань Чун Жи Цзи [Дневник Шао Юаньчжуна]. Шанхай: Шан Хай Жэнь Минь Чу Бань Шэ, 1990. 1270 с. (На китайском языке)
2. Вторая декларация КПК в связи с Шанхайским инцидентом. URL: <http://www.71.cn/2011/0930/630866.shtml> (дата обращения: 31.10.2023) (На китайском языке)

³¹ Сюэ Сяньтянь. Минь Го Ши Ци Чжун Су Гуань Си Ши 1917–1949 [История советско-китайских отношений в период Китайской Республики 1917–1949 гг.] Часть 1. Пекин: Чжун Гун Дан Ши Чу Бань Шэ, 2009. С. 2–3.

3. Газета «Чжунъян Жи Бао». 14 декабря 1932 г. (На китайском языке)
4. Газета «Та Кун Пао». 18 сентября 1932 г. (На китайском языке)
5. Гаймусё оа-кёку дайикка [Первый отдел, Бюро по делам Европы и Азии, Министерство иностранных дел]. Ниссо косё-си [История переговоров между Японией и СССР], Гэннандо Сётэн, 1969 г. 567 с. (На японском языке)
6. Гаимусё [Министерство иностранных дел]. Ниппон гайкобунсё [Японские дипломатические документы] Маньчжурский инцидент (декабрь 1931 — октябрь 1932 г.), Т. 2, Книга 1. 989 с. (На японском языке)
7. Гаимусё [Министерство иностранных дел]. Ниппон гайкобунсё [Японские дипломатические документы] Маньчжурский инцидент (декабрь 1931 — октябрь 1932 г.), Т. 2, Книга 2. 826 с. (На японском языке)
8. Гаимусё [Министерство иностранных дел]. Ниппон гайкобунсё [Японские дипломатические документы], Сёва II, часть 2, том 1: 1996г. 561с (На японском языке)
9. Го Ши Гуань [Академия истории], Архив президента Чан Кайши, 002-020200-00014-040. (На китайском языке)
10. Го Ши Гуань [Академия истории], Архив президента Чан Кайши, 002-090400-00006-450 (На китайском языке)
11. Кокумудайдзин но эндзэцу [Выступление государственного министра] (25 августа 1932 г.). <https://worldjpn.net/documents/texts/fam/19320825.SXJ.html> (дата обращения: 20. 4. 2024) (На японском языке)
12. *Лю Вэйкай*. Го Минь Чжэн Фу Чу Ли Цзю И Ба Ши Бянь Чжи Чжунъяо Вэнь Сянь [Важные документы о действиях национального правительства в связи с инцидентом 18 сентября]. Тайбэй: Цзинь Дай Чжун Го Чу Бань Шэ, 1992 г. 724 с. (На китайском языке)
13. М-во иностр. дел СССР. Документы внешней политики СССР. Т. XIV. 1 января — 31 декабря 1931 г. М.: Политиздат, 1968. 876 с.
14. М-во иностр. дел СССР. Документы внешней политики СССР. Т. XV. 1 января — 31 декабря 1932 г. М.: Политиздат, 1969. 869 с.
15. Пекинский нормальный университет, Шанхайский муниципальный архив: Цзян Цзо Бинь Жи Цзи [Дневник Цзян Цзобиня]. Цзянсу: Цзян Су Гу Цзи Чу Бань Шэ, 1990. 504 с. (На китайском языке)
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГА-СПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 12.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13.
18. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 76.
19. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. 423 с.
20. *Союз Сяньтянь*. Минь Го Ши Ци Чжун Су Гуань Си Ши: 1917–1949 [История советско-китайских отношений в период Китайской Республики: 1917–1949] Часть 1. Пекин: Чжун Гун Дан Ши Чу Бань Шэ, 2009. 272 с. (На китайском языке)
21. *Хэ Ханьвэнь*. Чжунхэ Вай Цзяо Ши [Дипломатическая история Китая и России], Шанхай: Чжунхуа Шуцзюй, 1935 г. 490 с. (На китайском языке)
22. Цинь Сяои: Цзун Тун Цзян Гун Сы Сяньянь Лунь Цзун Цзи [Мысли и высказывания президента Чан Кайши], том 10, Чжун Го Го Минь Дан Чжунъян Вэй Юань Хуэй Дан Ши Хуэй, 1984. 686 с. (На китайском языке)
23. Чжоу Вэньци: Гун Чань Го Цзи Су Лянь Хэ Чжун Го Гун Чань Дан Гуань Си Бянь Нянь Ши [Хроника отношений между Коминтерном, СССР и КПК], Хубэй: Хубэй Жэньминь Чубаньшэ, 1993. 702 с. (На китайском языке)
24. *Ян Куайсун*. Чжун Го Гэ Мин Дэ Цэ Люэ Цзай Го Цзи Бэй Цзин Ся Дэ Янь Бянь [Эволюция стратегии китайской революции в международном контексте].

- Пекин: Чжун Гун Чжунъян Дан Сяо Чу Бань Шэ, 1992. 449 с. (На китайском языке)
25. Situation in Manchuria: Report of the Lytton Commission of Inquiry. Series of league of Nations Publications. 1932. VII. 12. Geneva: League of Nations, 1932. 148p. <https://hdl.loc.gov/loc.wdl/wdl.11601> (дата обращения: 04.10.2024)

REFERENCES

1. Wang Yangqing, ed. Shao Yuan Chong Zhi Ji [Diary of Shao Yuanzhong]. Shanghai: Shang Hai Ren Ming Chu Ban She, 1990. 1270 p. (In Chin.).
2. The CPC's second declaration on the Shanghai Incident. URL: <http://www.cn/2011/0930/630866.shtml>(date of access: 31. 10. 2023). (In Chin.)
3. Newspaper "Zhongyang Zhi Bao", December 14, 1932. (In Chin.)
4. Ta Kung Pao Newspaper, September 18, 1932. (In Chin.)
5. Gaimusho oa-kyoku daiikka [First Division, Bureau of European and Asian Affairs, Ministry of Foreign Affairs]. Nisso kosho-shi [History of Negotiations between Japan and the USSR], Gennando Shoten, 1969. 567 p. (In Japanese)
6. Gaimusho [Ministry of Foreign Affairs]. Nippon gaikoubunsho [Japanese diplomatic documents] Manchurian Incident (December 1931-October 1932), Vol. 2, Book 1. 989 p. (In Japanese).
7. Gaimusho [Ministry of Foreign Affairs]. Nippon gaikoubunsho [Japanese diplomatic documents] Manchurian Incident (December 1931-October 1932), Vol. 2, Book 2. 826 p. (In Japanese).
8. Gaimusho [Ministry of Foreign Affairs]. Nippon gaikoubunsho [Japanese diplomatic documents], Shōwa II, part 2, vol. 1: 1996. 561 p. (In Japanese).
9. Guo Shi Guan [Academy of History], Archives of President Chiang Kaishi, 002-020200-00014-040. (In Chinese).
10. Guo Shi Guan [Academy of History], Archives of President Chiang Kai-shek, 002-090400-00006-450 (In Chinese).
11. Kokumudaiyin no enzetsu [State Minister's Speech] (August 25, 1932). <https://worldjpn.net/documents/texts/fam/19320825.SXJ.html>(accessed: 20. 4. 2024) (In Japanese)
12. Liu Weikai. Guo Min Zheng Fu Chu Li Ju Yi Ba Shi Bian Zhi Zhongyao Wen Xian [Important documents on the actions of the national government in the September 18 incident]. Taipei: Jin Dai Zhong Guo Chu Ban She, 1992. 724 p. (In Chinese).
13. Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Documents of Foreign Policy of the USSR. VOL. XIV. January 1–31 December 1931. M.: Politizdat, 1968. 876 p.
14. Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Documents of the Foreign Policy of the USSR. VOL. XV. January 1–31 December 1932. M.: Politizdat, 1969. 869 p.
15. Peking Normal University, Shanghai Municipal Archives: Jiang Zuo Bin Zhi Ji [Diary of Jiang Zobin]. Jiangsu: Jiang Su Gu Ji Chu Ban She, 1990. 504 p. (In Chinese).
16. Rossiiskii gosudarstvennii arhiv socialno politicheskoi istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 17. Op. 162. D. 12.
17. RGASPI. F. 17. O p. 162. D. 13.
18. RGASPI. F. 558. O p. 11. D. 76.
19. Stalin I. V. Stalin I. V. Cochineniya [Stalin I. V. Works.]. Vol. 13. Moscow. Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literaturi 1951. 423p20. Xue Xiantian. Min Guo Shi Qi Zhong Su Guan Xi Shi: 1917–1949 [History of Soviet-Chinese relations during the Republic of China: 1917–1949] Part 1. Beijing: Zhong Gong Dan Shi Chu Ban She, 2009. 272 p. (In Chinese).
21. He Hanwen. Zhongye Wai Jiao Shi [Diplomatic History of China and Russia], Shanghai: Zhonghua Shuju, 1935. 490 p. (In Chinese).

22. Qin Xiaoyi: Zong Tong Jiang Gong Gong Xi Xiangyan Lun Zong Ji [Thoughts and Sayings of President Chiang Kai-shek], Vol. 10, Zhong Guo Guo Min Dan Zhongyang Wei Yuan Hui Dan Shi Hui, 1984. 686 p. (In Chinese).
23. Zhou Wenqi: Gong Chan Guo Ji Su Lian He Zhong Guo Gong Chan Dan Guan Xi Bian Nian Shi [Chronicle of relations between the Comintern, the USSR and the CCP], Hubei: HuBei RenMin ChuBanShe, 1993. 702 p. (In Chinese).
24. Yang Kuisong. Zhong Guo Ge Ming De Qie Liue Zai Guo Ji Bei Jing Xia De Yan Bian [Evolution of the strategy of Chinese revolution in the international context]. Beijing: Zhong Gong Zhongyang Dan Xiao Chu Ban She, 1992. 449 p. (In Chinese)
25. Situation in Manchuria: Report of the Lytton Commission of Inquiry. Series of league of Nations Publications. 1932. VII. 12. Geneva: League of Nations, 1932. 148 p. <https://hdl.loc.gov/loc.wdl/wdl.11601> (accessed: 04.10.2024).

Статья поступила в редакцию 05.10.2024; одобрена после рецензирования 29.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 05.10.2024; approved after reviewing 29.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

ОБ АВТОРЕ

Лю Тяньпэн — аспирант кафедры истории Китая, Институт стран Азии и Африки, МГУ имени М.В. Ломоносова; 2064543989@qq.com.

ABOUT THE AUTHOR

Liu Tianpeng — Postgraduate Student, Department of Chinese History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; 2064543989@qq.com.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-7

ВТОРИЧНЫЕ АКТАНТЫ В ЯПОНСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ: ПАДЕЖНОЕ ЧЕРЕДОВАНИЕ И МЕНА АГЕНТИВНОГО СТАТУСА (ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

У.П. Стрижак

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия; ustrizhak@hse.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются вторичные актанты японского высказывания с точки зрения степени выраженности у них прототипических агентивных характеристик: целенаправленности, вовлеченности, способности осуществлять контроль, индивидуализированности и т.д. Материалом исследования послужил материал авторского параллельного русско-японского корпуса художественных произведений. Основное внимание уделяется падежному варьированию в оформлении вторичных актантов, т.к. случаи падежного чередования при оформлении высокоагентивных и низкоагентивных актантов демонстрируют значимость учета пропозициональной установки и прототипических агентивных признаков. В результате комплексного изучения агентивного потенциала вторичных актантов подтверждается, что процессы актантно-предикатного взаимовоздействия во многом определяются семантическими признаками не только главных, но и периферийных участников ситуации.

Ключевые слова: агентивность; вторичные актанты; грамматическая семантика, японский синтаксис; субъектно-предикатные отношения; параллельный корпус

Для цитирования: Стрижак У.П. Вторичные актанты в японском предложении: падежное чередование и мена агентивного статуса (опыт корпусного исследования) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 95–106. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-7

PERIPHERAL ACTANTS IN THE JAPANESE SENTENCE: CASE ALTERNATION AND CHANGE OF AGENTIVE STATUS (EXPERIENCE IN CORPUS STUDY)

Uliana P. Strizhak

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
ustrizhak@hse.ru

Abstract: The article examines the peripheral actants in Japanese utterance on the degree of expression of their prototypical agentive characteristics: volition, affectedness, ability to control, individuality, etc. The research was based on the material of author's parallel Russian-Japanese fiction corpus. While analyzing cases of permutative voice in Japanese it is revealed that cases of anthropo-oriented impact of an inanimate subject are characterized by a focus shift from a human as a causation object and bringing him to the syntactic periphery with the raising of a means/instruments or somatics to an object position. A specific type of syntactic transformation is revealed: the movement of the possessor from the original dative to the attributive non-agentive position in possessive constructions, which contributes to the proof of the theoretical thesis about the restriction of the dative coding of the external possessor in Japanese. Special attention is paid to case variation of peripheral actants because case alternation in the design of high-agent and low-agent actants also demonstrate the importance of the propositional level of utterance and prototypical agential features. As a result of a complex study of the agential potential of peripheral actants it is confirmed that the processes of actant-predicate interaction are largely determined by the semantic features of not only the core, but also of the peripheral syntactic and semantic participants.

Keywords: agentivity; peripheral actants; grammatical semantics, Japanese syntax; subject-predicate relations; parallel corpora

For citation: Strizhak U.P. Peripheral actants in the Japanese sentence: Case alternation and change of agentive status (experience in corpus study). *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2024, Vol. 68, No. 4, pp. 95–106. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-7 (In Russ.)

Данная работа является продолжением исследования агентивного потенциала вторичных актантов в японском языке. В предыдущей работе¹ были рассмотрены случаи взаимодействия вторичных актантов с центральными аргументами высказывания — поднятие периферийных актантов в более высокую синтаксическую позицию с одновременным перемещением первого и/или второго актанта

¹ Стрижак У.П. Агентивный потенциал вторичных актантов в японском предложении (опыт корпусного исследования) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 1. С. 117–134. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-1-9

в сторону синтаксической периферии. Было обнаружено, что в рамках данного явления, обозначаемого в лингвистике² как особый вид залога — *пермутатив*, повышается вовлеченность и значимость вторичного актанта (Адресата³, Места, Инструмента, Средства и т.д.), а исходный субъект выводится на синтаксическую периферию. В указанной работе также был рассмотрен частный случай пермутатива — возвышение *обладаемого* как вторичного актанта по-сесивных конструкций с одновременным понижением *посессора*, что тоже приводит к изменению агентивного статуса соответствующих участников ситуаций. Таким образом, вторичные актанты определенно вносят вклад в общую агентивность высказывания, поэтому их потенциал воздействия на другие элементы аргументной структуры требует пристального рассмотрения. Такая проблема ставится в японистике впервые, а именно: в работе будет проанализировано языковое поведение вторичных актантов японского высказывания в их взаимодействии с предикативным ядром предложения с точки зрения степени выраженности у них агентивных признаков.

Понятие «вторичные актанты» в данном исследовании понимается широко как включающее всех участников ситуации, выходящих за пределы субъектно-объектного взаимодействия, а именно: согласно традиции Ленинградской типологической школы мы относим позиции подлежащего и прямого дополнения к первому и второму рангам, а все остальные типы управляемых глаголом позиций объединяем в третью группу, неоднородную по своему семантическому заполнению (обстоятельственные, инструментальные и др.). Основным объектом данного исследования являются прямые и косвенные дополнения, типичным способом оформления для которых является дативное, что обуславливает их грамматическую полисемичность. В.М. Алпатов определяет такие актанты, оформленные дативно с помощью падежного показателя *ни*, как промежуточные, находящиеся на стыке первичных и вторичных актантов⁴, и в данной работе мы также будем рассматривать косвенное дополнение в дативном оформлении как актант с промежуточным синтаксическим статусом, в том числе, в силу многофункциональности падежного показателя *ни* в японском языке, оформляющего как вторичных, так и главных участников ситуации.

² Мельчук И.А. Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / Отв. ред. В.С. Храковский. М.: Знак, 2004. С. 286–314.

³ В данной работе названия семантических ролей даются с заглавной буквы.

⁴ Алпатов В.М. Падежное варьирование в японском языке // Rhema. Рема. 2014. №1. С. 15–16.

Итак, в данной работе будет проанализирована вариативность падежного оформления косвенных дополнений в японском высказывании с точки зрения их агентивного статуса. Теоретические положения работы будут проверены на материале авторского параллельного корпуса русско-японских художественных произведений, в котором задокументированы тексты 39-ти произведений XIX-XIX вв.; каждому исходному предложению соответствует от одного до пяти переводов на японский язык, выполненных в хронологическом диапазоне от 1914 до 2018 г., в котором представлены 3014 обработанных единиц (пара «исходный текст + перевод»), представляющие собой полные предложения или их отрывки, репрезентирующие всех основных участников ситуации, релевантных для описания агентивности. Выборка сбалансирована по хронологическим критериям принципом простого пропорционального квотирования: исходные предложения были отобраны в соотношении 1477 единиц (XIX в.): 1537 единиц (XX-XXI вв.); временные рамки переводных текстов также представлены примерно пополам по критерию современности: 1538 единиц, переведенных до 2000 г. включительно, и 1476 единиц, датирующихся XXI в. перевода. Метаданные содержат результаты синтаксического анализа: каждая корпусная единица сопровождается дополнительной лингвистической информацией о синтаксических ролях главных и некоторых периферийных актантов, типах предиката (как в исходном, так и в переводном предложениях), способе грамматической трансформации исходной структуры, а также элементы метаразметки (приписанные атрибуты: сведения об авторе, переводчике и тексте). Приводимые в работе корпусные примеры падежного оформления были интерпретированы информантами-носителями языка⁵.

Изучение падежного варьирования в оформлении косвенных дополнений предполагает, прежде всего, рассмотрение падежных показателей *ни* (в локативном, причинном и других значениях), *дэ* (в инструментальном и причинном значениях) и *кара* (в аблативном значении, пересекающемся с причинным) в контексте агентивности, а также случаи их пересечения или взаимозамены с прямыми дополнениями. Показатель *ни* часто фиксирует вторичные син-

⁵ В ходе полевого исследования автора в 2019 г. была проведена серия глубинных интервью общей продолжительностью 14,5 часов с шестью японскими ведущими славистами-переводчиками русской литературы: Иноуэ Юкиёси, Камэяма Икуо, Като Юри, Мотидзуки Тэцуо, Нумано Кёко, Нумано Мицуёси. В ходе интервью информанты комментировали примеры из авторского параллельного русско-японского корпуса с точки зрения особенностей их синтаксической структуры и степени агентивности японского высказывания.

таксические позиции; при этом дативно оформленный актант, как промежуточный (или первый из вторичных), остается значимым и, пусть факультативно, но необходимым элементом высказывания — например, Адресат в качестве аргумента трехвалентного глагола. Инструментальный показатель *дэ* перемещает неглавного участника событий еще дальше на периферию, а с точки зрения агентивности — еще больше увеличивает дистанцию между партиципантами и «растягивает» воздействие, тем самым ослабляя его. А. Вежбицкая также указывает⁶, что для творительного падежа существенно то, что «он указывает на периферийную и подчиненную роль этих предметов в действии»⁷.

Научная литература по падежному оформлению в японском языке достаточно обширна, в том числе, в японском языкознании⁸, и в задачи данного исследования не входит подробный анализ данного языкового явления; здесь будут затронуты лишь вопросы семантики падежа в связи с агентивностью, на конкретном корпусном материале. В.М. Алпатов в обобщающем описании падежного варьирования в японском языке подчеркивает, что «соотношения между падежными послелогом и выражаемыми ими синтаксическими и/или несинтаксическими значениями в японском языке большей частью не являются взаимно однозначными: возможно варьирование различных типов»⁹, что обусловлено как формальными требованиями (ограничения на сочетаемость), находящимися за пределами данной работы, так и семантическими (нацеленность, контролируемость и т.д.). Последние являются релевантными для настоящего исследования, т.к. они являются одними из ключевых агентивных признаков. В данной работе в соответствии с поставленной целью исследования рассмотрим некоторые примеры чередования в оформлении косвен-

⁶ Вежбицкая А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985. С. 319–321.

⁷ Там же. С. 319.

⁸ См., например, работы *Kishimoto Hideki*. Case Marking. Handbook of Japanese Syntax / Ed. M. Shibatani, S. Miyagawa, H. Noda). Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. Р. 447–495; *Сугимур Ясуси*. Имэ:дзи дэ осиеру нихонго-но какудзэси то ко:бун [Обучение японским падежным частицам и синтаксису с помощью изображений] // Гэнго бунка ронсю:. Нагоя дайгаку дайгакуин кокусай гэнго бунка кэнкю:ка рон. 2005. 27(1). С. 49–62; *Сугай Кадзуми*. Какудзэси «ни»-но то:ицутэки бунэки-ни мукэта нинти гэнгогакутэки апури:ти [Когнитивно-лингвистический подход к системному анализу падежной частицы *ни*] // Сэкай-но нихонго кё:ику. 2007. №17. С. 113–135; *Морияма Син*. Нинти гогакутэки кантэн кара нихонго какудзэси но сю:току то кё:ику [Усвоение японских падежных частиц и их обучение с точки зрения когнитивной лингвистики] // Ро: нантё: кё:ику кэнкю:кай кайхо:. 2010. №25. С. 38–47; и др.

⁹ Алпатов В.М. Падежное варьирование в японском языке // Rhema. Рема. 2014. №1. С. 16.

ных дополнений, затрагивающего их агентивный статус. Так, И.В. Головинин приводит примеры перемещения фокуса внимания при чередовании локативных *ни* и *дэ* в предложении *гэнкан-ни/-дэ мацу* ‘ждать в прихожей’: дативное оформление акцентирует состояние субъекта, а показатель *дэ* фокусирует внимание на локативном компоненте¹⁰; с точки зрения уровня агентивности можно утверждать, что в первом случае усиливаются признаки нацеленности и контролируемости ситуации, а второй вариант уменьшает выраженность присутствия действующего лица как субъекта волеизъявления. То же в описании ситуации становления/превращения *ни/то нару*: показатель *ни*, в отличие от *то*, указывающего на случайность превращения, обозначает целенаправленное и окончательное превращение¹¹; тем самым усиливается роль субъекта и его вовлеченность в процесс, что тоже, как было подчеркнуто в предыдущих разделах работы, является одним из значимых агентивных признаков. При чередовании причинно-аблативных *дэ* и *кара* также проявляется разница в степени задействия субъекта в процессы, выраженные предикатом; например, в *дэ/кара вакару* ‘понять на основании/из’: при обозначении неотчуждаемой связи с источником, близости референта или его принадлежности субъекту предпочтение отдается показателю *дэ*; абстрактные, универсальные источники информации оформляются с помощью показателя *кара*, который фиксирует большую дистанцию между участниками ситуации.

В параллельном корпусе было обнаружено достаточное количество вхождений, демонстрирующих вариативность в распределении периферийных актантных ролей в переводных предложениях. Проследим, как меняется семантическая роль исходного неодушевленного каузатора, и насколько сильно в результате ослабевают его агентивные признаки:

(1) Слова кондуктора разбудили его.

а. *котоба дэ варэ ни каэри* [AK1]¹²

слова INSTR я DAT вернулся
‘из-за слов пришел в себя’

б. *котоба ни хатто ситэ* [AK2]

слова DAT вспомнил
‘из-за слов вспомнил’

¹⁰ Головинин И.В. Грамматика современного японского языка. М.: Изд-во МГУ. 1986. С. 242.

¹¹ Там же. С. 241.

¹² Источники примеров из авторского корпуса обозначены сокращениями в квадратных скобках; список источников с расшифровкой и указанием переводчика приводится в конце работы. Варианты перевода обозначены соответствующей нумерацией.

в. *котоба ни сё:ки ни модосарэ* [АК3]

слова DAT сознание DAT был возвращен
'из-за слов был возвращен в сознание'

г. *котоба ни варэ ни каэтта*

слова DAT я DAT вернулся
'из-за слов пришел в себя' [АК4]

(2) Самого его тоже какая-то сила влекла к ним.

а. *наника но тикара ни хикарэтэ онна но хо: э обикийсэ-
рарэру* [ДСС1]

что-то GEN сила DAT затянут женщина GEN сторона DIR заманен
'какой-то силой (участник) был притянут и к женщинам заманен'

б. *наника но тикара дэ онна но хо: э то хикийсэ-
рарэру* [ДСС2]

что-то GEN сила INSTR женщина GEN сторона DIR COM притянут
'какой-то силой (инструмент) был притянут'

В примерах (1) и (2) наблюдается вариативность как в выборе грамматической формы предиката — действительный и страдательный залого, так и в выборе падежного показателя. При том, что глагольное управление во многом зависит от семантики предиката, в (1) идентичность связки «предикат + Цель» *варэ ни каэру*, тем не менее, допускает разное падежное оформление причины в (1a) и (1г), что говорит о разном восприятии этой ситуации: сниженной роли 'слов' как причины для пробуждения в первом случае и их тесной связи с «приходом в себя» во втором. Когнитивная природа расхождений в примерах (3) и (4) примерно такая же:

(3) Надежда на счастье кружила ее голову.

а. *ко:фуку но ёгэн ни атама га куракура сита* [МиМ1]

счастье GEN предсказания DAT голова NOM кружилась
'из-за предсказаний о счастье кружилась голова'

б. *ко:фуку э но китай дэ мэкурумэку ё:на кандзи га сита* [МиМ2]

счастье DIR GEN надежда INSTR головокружительное чувство NOM ощущала

'из-за надежды на счастье чувствовала головокружение'

в. *ко:фуку э но китай ни атама га куракура сита* [МиМ3]

счастье DIR GEN надежда DAT голова NOM кружилась
'из-за надежды на счастье кружилась голова'

(4) <Да, у меня есть деньги, но ведь я артистка;> одни туалеты разорили совсем.

а. *исё:дай дакэ дэ синдай кагири ситимау* [Ч1]

костюмы лишь INSTR состояние ушло

'одних расходов на костюмы достаточно, чтобы закончились деньги'

- б. *исё:дай ни дзэмбу кизтэ симау* [Ч2]
 костюмы DAT все <деньги> исчезают
 ‘всё уходит на затраты на костюмы’
- в. *исё:дай дакэ дэ суккаракан* [Ч3]
 костюмы лишь INSTR пусто

‘расходы на костюмы — и всё, пустой <кошелек>’

Японские эксперты объясняют такие расхождения следующим образом: дативный показатель *ни* указывает на близость и определенность соответствующего актанта, поэтому в вариантах с *ни* слова являются конкретной причиной и влияют на пробуждение в (1), влечение в (2), головокружение в (3), разорение в (4) довольно сильно; *дэ* в этих примерах за счет своей вторичности снижает степень смыслового наполнения актантов: ситуация происходит как бы сама по себе, тем самым подчеркивается более естественное развитие событий и относительно малая вовлеченность субъекта. Такая же разница подчеркивается и в следующей паре примеров:

(5) Опять оледенил его нестерпимый озноб

- а. *Мата коразё: мо най окан ни карада га хисё: ни натта* [ПиН1]
 опять нестерпимый озноб DAT тело NOM охладилося
 ‘опять из-за нестерпимого озноба тело охладилося’
- б. *футатаби тазгатай окан дэ карада га коорицуки* [ПиН2]
 опять нестерпимый озноб INSTR тело NOM оледенело
 ‘опять из-за нестерпимого озноба тело оледенело’

Таким образом, примеры (1)–(5) проиллюстрировали вышеизложенные теоретические положения о разной значимости дативного и инструментального показателей.

Аблативное оформление «уводит» актант еще дальше от фокуса воздействия. В данном случае мы также имеем дело с влиянием агентивного признака вовлеченности; рассмотрим следующий пример:

(6) Тревога не покидала директора.

- а. *мунэсаваги ва сихайся но мото о саранакатта* [МиМ1]
 тревога TOP директор GEN основа ACC не покидала
 ‘тревога не покидала директора’
- б. *мунэсаваги ва сихайся кара саранакатта* [МиМ2, МиМ3]
 тревога TOP директор ABL не покидала
 ‘тревога не покидала *от директора’

Видно, что в (6) также наблюдается различие в оформлении одного и того же актанта при одинаковом предикате *сару* ‘покидать’. В результате за счет мены синтаксического оформления актанта ‘директор’ с аккузативного на аблативное и соответствующего понижения семантической роли (Объект → Источник) в (6б) obrazовавшееся большее синтаксическое расстояние от ‘тревоги’ до

‘человека’ растягивает воздействие, ослабляя его. В (ба) похожую функцию увеличения синтаксического расстояния выполняет вводимый дополнительно послелог *но мото* ‘под, у’.

Отдельного рассмотрения заслуживает падежное варьирование в оформлении процессов движения в японском языке, а именно: разница в объектном (высокоагентивном) и аблативном (низкоагентивном) кодировании источника движения/падения/отделения. В японском языке встречаются случаи как падежного чередования (при наличии альтернативы) оформления одной и той же связки «предикат + локативный объект», так и запрета на аккузатив или аблатив — оба случая обусловлены разной пропозициональной нагрузкой высказывания. Например, выражение *минато-о/-кара ханарэру*¹³ ‘покидать порт’ может быть оформлено аблативно при кратковременной швартовке, которая не предполагает плотного контакта с данным пространственным ориентиром; аккузатив же требует хотя бы частичной задействованности: захода на территорию порта или долговременной стоянки, что повышает уровень вовлеченности корабля/команды в ситуацию. Еще один агентивный признак, значимый для выбора падежного показателя при описании процессов движения — контролируемость ситуации. Так, при утере (или изначальном отсутствии) контроля падежное оформление локативного актанта меняется с аккузативного на аблативное, снижая тем самым общую агентивность высказывания. Например, в выражении *ума о*/кара отиру* ‘падать с лошади’: падение человека может быть оформлено только аблативным показателем *кара*, так как намеренность действия здесь исключается; вариант аккузативного оформления **ума о отиру* когнитивно некорректен, в отличие от допустимого *ума кара отиру*, обозначающего ‘лошадь’ лишь как исходную точку падения, что подчеркивается и непереходностью предиката. Эти и другие варианты семантической обусловленности объектного понимания актантов японских глаголов движения и их соответствующего синтаксического оформления подробно рассматривает У.П. Стрижак¹⁴, детально анализируя актантную структуру японских глаголов движения в связи с агентивными признаками участников процессов движения.

¹³ Языковые примеры, если не указана ссылка на источник из авторского параллельного корпуса, взяты из веб-корпуса Tsukuba (TWC), разработанного совместно Национальным институтом японского языка и лингвистики (NINJAL) и Институтом языка Лаго: NINJAL-LWP for Tsukuba Web Corpus <https://nlb.ninjal.ac.jp>

¹⁴ Стрижак У.П. Движение в японском языке: объектное понимание глагольных аргументов // Урало-алтайские исследования. 2023. № 2(49). С. 76–95. DOI: 10.37892/2500-2902-2023-49-1-76-95.

Показательно падежное чередование, обнаруженное в некоторых корпусных примерах, обусловленное расщеплением исходного предиката: в следующем примере. При сохранении исходной синтаксической позиции субъекта падежное оформление прямого дополнения (отец) меняется за счет вывода главной глагольной семы в отдельный, дополнительный актанта; такая трансформация также значима для различных способов выражения агентивности:

(7) Любовь его к ней делала его <отца> проницательным.

а. *йаидзё: га тити о сэнриган ни ситэ иру* [AK3]

любовь NOM отец ACC проницательность DAT делать

‘любовь делает отца проницательным’

б. *айдзё: га тити ни до:сацурёку о атаэтэ иру* [AK1, AK2]

любовь NOM отец DAT проницательность ACC дает

‘любовь дает отцу проницательность’

в. *айдзё: га титиоа но до:сацурёку ни мусубицуитэ иру*

любовь NOM отец GEN проницательность DAT связана

‘любовь связана с отцовской проницательностью’ [AK4]

В варианте (7а) отец остается прямым объектом с полным сохранением каузативной силы актанта ‘любовь’; второй вариант перевода смещает фокус внимания с ‘отца’ на ‘проницательность’ за счет его дативного оформления. Как видно, ‘любовь’ везде остается главным действующим лицом, но в (7б) и (7в) налицо снижение актантного статуса человека, что, как и в примерах выше, выводит его на периферию высказывания и смягчает прямое воздействие. Самый показательный случай с точки зрения снижения общей агентивности наблюдается в (7в): с целью сокращения числа действующих лиц происходит атрибутивное переоформление актанта ‘отец’, что грамматически нивелирует его участие в процессе, лишая прямой синтаксической связи с предикатом. В результате данный вид трансформации также приводит к снижению общей агентивности высказывания.

Таким образом, результаты комплексного изучения агентивного статуса прямых и косвенных дополнений как вторичных актантов показали, что процессы актантно-предикатного взаимовоздействия во многом определяются семантическими признаками не только главных, но и периферийных участников ситуации. Анализ параллельного русско-японского корпуса художественных произведений подтвердил, что при передаче на японский язык исходных высоко-агентивных предложений с участием неодушевленных каузаторов происходит грамматическая трансформация, понижающая субъекта в синтаксическом ранге на одну или несколько позиций. Результаты анализа случаев падежного чередования также показали значимость

учета пропозициональной установки и агентивных признаков вовлеченности, одушевленности, индивидуализированности и др. Дальнейшие исследования в этом направлении будут направлены на расширение спектра рассматриваемых падежных показателей, включая отглагольные послелогии, а также на разработку шкалы агентивности для вторичных актантов японского высказывания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- [АК1] Анна Каренина, Л.Н. Толстой. Пер. Х. Кимура, 1961.
- [АК2] Анна Каренина, Л.Н. Толстой. Пер. Д. Китамикадо, 1979.
- [АК3] Анна Каренина, Л.Н. Толстой. Пер. Т. Накамура, 1989.
- [АК4] Анна Каренина, Л.Н. Толстой. Пер. Т. Мотидзуки, 2008.
- [ДСС1] Дама с собачкой, А.П. Чехов. Пер. К. Дзиндзай, 1933.
- [ДСС2] Дама с собачкой, А.П. Чехов. Пер. Ю. Мапусита, 2009.
- [МиМ1] Мастер и Маргарита. М.А. Булгаков. Пер. А. Хоки, 2000.
- [МиМ2] Мастер и Маргарита. М.А. Булгаков. Пер. Т. Наката, 2006.
- [МиМ3] Мастер и Маргарита. М.А. Булгаков. Пер. Т. Мидзуно, 2008.
- [ПиН1] Преступление и наказание. Ф.М. Достоевский. Пер. Н. Китагаки, 1967.
- [ПиН2] Преступление и наказание. Ф.М. Достоевский. Пер. И. Камэяма, 2009.
- [Ч1] Чайка, А.П. Чехов. Пер. К. Дзиндзай, 1957.
- [Ч2] Чайка, А.П. Чехов. Пер. М. Ура, 2010.
- [Ч3] Чайка, А.П. Чехов. Пер. М. Нумано, 2012.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алпатов В.М.* Падежное варьирование в японском языке // *Rhema*. Рема. 2014. №1. С. 14–33.
2. *Везжицкая А.* Дело о поверхностном падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XV. М., 1985. С. 303–341.
3. *Головин И.В.* Грамматика современного японского языка. М.: Изд-во МГУ. 1986. 316 с.
4. *Мельчук И.А.* Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / Отв. ред. Храковский В.С. М.: Знак, 2004. С. 286–314.
5. *Стрижак У.П.* Движение в японском языке: объектное понимание глагольных аргументов // *Урало-алтайские исследования*. 2023. № 2(49). С. 76–95. DOI: 10.37892/2500-2902-2023-49-1-76-95.
6. *Kishimoto Hideki.* Case Marking // *Handbook of Japanese Syntax* / Ed. M. Shibatani, S. Miyagawa, H. Noda). Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. P. 447–495.
7. *Морияма Син.* Нинти гогакутэки кантэн кара нихонго какудзэси но сю:току то кё:ику [Усвоение японских падежных частиц и их обучение с точки зрения когнитивной лингвистики] // *Ро: нантё: кё:ику кэнкю:кай кайхо:.* 2010. № 25. С. 38–47.
8. *Сугай Кадзуми.* Какудзэси «ни»-но то:ицутэки бунсэки-ни мукэта нинти гэнго-гакутэки апури:ти [Когнитивно-лингвистический подход к системному анализу падежной частицы «ни»] // *Сэкай но нихонго кё:ику*. 2007. №17. С. 113–135.
9. *Сугимура Ясуси.* Имэ:дзи дэ осиэру нихонго-но какудзэси то ко:бун [Обучение японским падежным частицам и синтаксису с помощью изображений] // *Гэнго бунка ронсю:.* Нагая дайгаку дайгакуин кокусай гэнго бунка кэнкю:ка рон. 2005. 27(1). С. 49–62.

REFERENCES

1. Alpatov V.M. *Padezhnoe var'irovanie v yaponskom yazyke* [Case variation in Japanese] *Rhema. Rema*. 2014. No. 1, pp. 14–33. (In Russ.)
2. Vezhbitskaya A. *Delo o poverhnostnom padezhe* [The case of the superficial case] *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. XV. M., 1985, pp. 303–341. (In Russ.)
3. Golovnin I.V. *Grammatika sovremennogo yaponskogo yazyka*. [Grammar of modern Japanese] M.: Izd-vo MGU. 1986. 316 p. (In Russ.)
4. Mel'chuk I.A. *Opredelenie kategorii zaloga i ischislenie vozmozhnykh zalogov: 30 let spustya* [The definition of voice and calculation of possible voices: 30 years later] *40 let Sankt-Peterburgskoj tipologicheskoy shkole / Otv. red. Hrakovskij V.S.* M.: Znack, 2004, pp. 286–314. (In Russ.)
5. Strizhak U.P. *Dvizhenie v yaponskom yazyke: ob'ektnoe ponimanie glagol'nykh argumentov* [Movement in Japanese: object understanding of verb arguments] *Uralo-altajskie issledovaniya*. 2023. No. 2(49), pp. 76–95. DOI: 10.37892/2500-2902-2023-49-1-76-95. (In Russ.)
6. Kishimoto Hideki. *Case Marking*. Handbook of Japanese Syntax / Ed. M. Shibatani, S. Miyagawa, H. Noda). Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. P. 447–495.
7. Moriyama Sin. *Ninti gogakuteki kanten kara nihongo kakudzyosi no syu:toku to kyo:iku* [Assimilation of Japanese case particles and their training from the point of view of cognitive linguistics] *Ro: nantyo: kyo:iku kenkyu:kaj kajho:*. 2010. No. 25, pp. 38–47. (In Japanese)
8. Sugaj Kadzumi. *Kakudzyosi «ni»-no to:icuteki bunseki-ni muketa ninti gengogakuteki apuro:ti* [Cognitive-linguistic approach to the systemic analysis of the case particle *ni*] *Sekaj no nihongo kyo:iku*. 2007. No. 17, pp. 113–135. (In Japanese)
9. Sugimura Yasu. *Ime:dzi de osieru nihongo-no kakudzyosi to ko:bun* [teaching Japanese case particles and syntax using pictures] *Gengo bunka ronsyu:*. Nagoya daigaku daigakuin kokusaj gengo bunka kenkyu:ka ron. 2005. No. 27(1), pp. 49–62. (In Japanese)

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 07.08.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 25.03.2024; approved after reviewing 07.08.2024; accepted for publication 02.12.2024.

ОБ АВТОРЕ

Стрижак Ульяна Петровна — кандидат педагогических наук, доцент, академический руководитель образовательной программы «Востоковедение» Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; ustrizhak@hse.ru

ABOUT THE AUTHOR

Uliana P. Strizhak — Candidate of Sciences (Japanese Pedagogics), Associate Professor, Academic Supervisor of Oriental Studies Program, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics; ustrizhak@hse.ru

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-8

СОВРЕМЕННЫЙ ИВРИТ В РЕТРОСПЕКТИВЕ: МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

М.А. Горбачева

*Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия;
gorba4ewa.marg@yandex.ru*

Аннотация: История современного иврита ведет свой отсчет с XIX века, когда Элиезер Бен-Йегуда задался целью изменить статус «спящего»¹ с III в. еврейского языка. Этот процесс получил название «возрождение иврита»². К сохранившейся в традиционной литературе основе были добавлены некоторые нововведения, характерные для славянской и германской языковым группам. Однако говорить об окончательном оформлении литературной нормы еще не приходилось. Иврит продолжал развиваться в период первых волн еврейских переселений из Европы в Эрец-Исраэль, впитывая региональные особенности переселенцев. Изменения в нем происходят и до сих пор. Модернизационные процессы в израильском обществе откладывают свой отпечаток на иврит. Язык пересматривает нормы, не актуальные для современного дискурса, приобретает неологизмы и сленг, отбрасывает безнадежно устаревшие элементы. Для стабилизации и кодификации постоянного развития были созданы специальные институты. Казалось бы, что они и должны стать подспорьем в вопросах изучения современного иврита, ведь именно на их постановления ориентирована вся учебная и методическая литература. Однако роль подобных организаций весьма неоднозначна. На практике они зачастую не решают спорные вопросы сопоставления литературной нормы и разговорного статуса, а оставляют их открытыми. Это ставит преподающего и изучающего современный иврит перед нравственным выбором: придерживаться изучения сухих правил или же иногда в ущерб им отдать предпочтение живому неформальному языку. Для иврита данная проблема носит характер экзистенциального вопроса, заложенного еще в период первых волн еврейских переселений на рубеже XIX–XX веков, и не имеющего однозначного ответа.

¹ Полян А.Л. Иврит III–XIX вв. н.э. как «спящий язык»//Вопросы языкознания. 2014. №5.

² Термин «возрождение языка» в 1986 году ввел Хаим Рабин. Под ним понимается — повторное приобретение языком функциональных сфер.

Ключевые слова: современный иврит, Израиль, неологизмы, феминитивы, Академия языка иврит

Для цитирования: Горбачева М.А. Современный иврит в ретроспективе: между литературной нормой и реальностью // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 107–116. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-8

MODERN HEBREW IN RETROSPECT: BETWEEN THE LITERARY NORM AND REALITY

Margarita A. Gorbacheva

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; gorbacheva.marg@yandex.ru

Abstract: The history of modern Hebrew started in the 19th century, when Eliezer Ben-Yehuda set out to bring back the sleeping since the third century Hebrew language. This process was called the “revival of Hebrew”. Some innovations characteristic of the Slavic and Germanic language groups were added to the basis, that was preserved in traditional literature. However, we have not yet had to talk about the final design of the literary norm. Hebrew continued develop during the first waves of Jewish migrations from Europe to Eretz Israel, absorbing the regional characteristics of the settlers. Changes are still taking place in it. Modernization processes in Israeli society are leaving their mark on Hebrew. Language revises norms that are not relevant to modern discourse, acquires neologisms and slang, discards hopelessly outdated elements. Special institutions have been established to stabilize and codify continuous development. It would seem that they should become an aid in teaching modern Hebrew, because all educational and methodological literature is focused on their rulings. However, the role of such organizations is highly controversial. In practice, they often do not solve the controversial issues of comparing literary norms and conversational status, but leave them open. This puts the teacher of modern Hebrew in front of a moral choice: to adhere to the study of dry rules or sometimes to the detriment of them to give preference to a lively informal language. For Hebrew, this problem has the character of an existential question, laid down during the first waves of Jewish migrations at the turn of the XIX–XX centuries, and does not have an unambiguous answer. The choice depends on the preferences and views of the teacher.

Keywords: modern Hebrew, Israel, neologisms, feminitives, Hebrew Language Academy

For citation: Gorbacheva M.A. Modern Hebrew in retrospect: Between the Literary Norm and Reality. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2024, Vol. 68, No. 4, pp. 107–116. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-8

Зарождение современного иврита

В начале XX века отечественный лингвист Л.В. Щерба написал: «норма — идеал прошлого»³. Несмотря на некую абстрактность данное определение отражает суть языковой или же литературной нормы в представлении общественности. Норма консервативна и ориентирована на традицию и каноны прошлого. В случае современного иврита дела обстоят несколько сложнее.

В российской историографии уделено внимание особенностям языка иврит с лингвистической точки зрения, а также истории еврейских языков⁴. Более того, есть ряд учебных пособий и учебников иврита⁵. Цель же данной статьи состоит в выявлении основных этапов становлении нормы языка иврит, а также ее противоречивых отношений с меняющимся общественным дискурсом. Филологические и лингвистические примеры служат дополнением к историческому экскурсу.

Возрождение иврита, а именно его возвращение к статусу языка, разговорного и общего для всего еврейства, началось в XIX веке с появлением сионизма⁶, зародившегося в дискурсе еврейства Центральной Европы и подхваченного восточноевропейскими палестинофилами. Сионистская идея развилась на базе традиционных чаяний о Сионе под влиянием антисемитизма⁷. Стоит отметить, что несмотря на разнообразие течений, порой даже конфликтующих, взгляды идеологов сионизма сходились в общем: необходимости создания национального очага⁸ с единым языком, как фактором объединения мирового еврейства. Относительно будущего национального языка для евреев также были споры⁹. В качестве основных вариантов рассматривали иврит из-за его престижа и функции лингва-франка,

³ Щерба Л.В. Очередные проблемы языкознания // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958.

⁴ Ю.Н. Кондракова, Ю.М. Корниенко, Ю.И. Костенко, А.Л. Полян.

⁵ Корниенко Ю.М. Теория языка иврит, 2010; Костенко Ю.И. Учебники иврита для начинающих и продолжающих, 2024; Лерер И.И. Полный курс иврита, 2017; Шор Л.Д., Полян А.Л., Княжицкий И.А. Учебник современного иврита для начинающих, 2014.

⁶ Сионизм — вид еврейского национализма и социально-политическое движение, зародившееся в конце XIX века.

⁷ Авинери Ш. Основные направления в еврейской политической мысли. И. 1983.

⁸ Автор намеренно избегает использования слова государство, так как на раннем этапе складывания сионистской идеологии Еврейское государство — не общий аспект программ всех мыслителей-сионистов.

⁹ Интересно, что главный идейный вдохновитель движения Т. Герцель вовсе видел языковую ситуацию в будущем еврейском государстве, схожей с тем, что есть в Швейцарии: несколько официальных языков (европейских).

которую он выполнял на протяжении веков, и идиш из-за многочисленности носителей¹⁰.

С конца XIX века норма современного разговорного иврита формировалась в несколько этапов и уже непосредственно в Эрец-Исраэль. Впоследствии ряд лингвистов дали обновленной вариации языка название — «израильский иврит»¹¹. Однако очень часто этот термин используется с отрицательным оттенком учеными-реви-зионистами, чтобы подчеркнуть полное отсутствие исторической преемственности официального языка еврейского государства.

В силу исторических обстоятельств процесс формирования протекал быстро и был сосредоточен в основном на практических аспектах. В максимально сжатые сроки еврей должен был заговорить на иврите, как на родном языке. Первые два важнейших этапа становления современного иврита связывают с первыми двумя *алийот*¹² (1882–1903 гг.; 1903–1914 гг.). Многие черты, приобретенные ивритом в это время, стали нормативными.

В 1880-е годы еврейские переселенцы первой волны алии подражали стилистике классических текстов, то есть опирались на традиционную еврейскую литературу (Танах, раввинистическая литература). По сути, этот процесс виделся как «вдыхание духа в кости»¹³. За языковую основу были взяты имеющиеся принципы древнееврейского языка, того языка, который был в употреблении до III века. Соответственно большое внимание уделялось эстетике. Фонетически же переселенцы ориентировались на восточный (сефардский) вариант произношения¹⁴.

Взгляды на иврит переселенцев второй волны несколько отличались. Это отличие прежде всего обуславливалось их мировоззрением. Переезжая, люди ставили перед собой цель навсегда покинуть диаспору, иными словами, порвать с прошлым¹⁵. В этом случае нивелирование или же вовсе полное отрицание значимости

¹⁰ Аспекты постепенно конкретизировались в программах ВСО (Базельская программа 1897 года, Билтморская программа 1942 года), но окончательно были сформулированы и закреплены в Иерусалимской программе 2004 года.

¹¹ Цукерманн Г., Холцман Г. Язык, религия и гражданство // Современный Израиль: Языки, общество, культура. М., 2020.

¹² Алия (ивр. восхождение) — волны еврейской иммиграции из страны исхода в Эрец-Исраэль / Государство Израиль.

¹³ Мораг Ш. Язык и эстетика — современный иврит // Иврит: проблемы современного языкознания. М.; И., 2009. 203.

¹⁴ Бар-Ашер М. О принципах грамматической нормы в деятельности Комитета языка иврит и Академии языка иврит//Иврит: проблемы современного языкознания. М., И.. 2009. 169.

¹⁵ Давид Кенаани. Ха-алия ха-шния ха-оведет вз-яхасах ле-дат у-ле-масорет. Тель-Авив, 1977.

опыта литературы на иврите, созданной до этого периода, были символическим жестом. Однако были и исключения. Пик деятельности Элиезера Бен-Йегуда, переселенца Первой алии, вошедшего в историю как «отец современного иврита», пришелся именно на период второй волны переселений. Но людей подобных Бен-Йегуде были единицы, их вклад существенно не менял общую тенденцию отношения к ивриту в Эрец-Исраэль.

В отличие от Первой алии, переселенцы Второй алии больший акцент делали на функциональность языка, а не на его эстетику. В плане произношения стало заметно влияние идиша и русского, так как много переселенцев прибыли из Восточной Европы. Носители этих языков повлияли на произношение современного иврита, считающееся ныне нормативным. Был упрощен целый ряд фонетических особенностей, не свойственных ашкеназскому произношению¹⁶.

Регулирование нормы современного иврита

К моменту создания Государства Израиль некоторая «золотая середина», литературная норма, принятая в переселенческом обществе, уже устоялась. С помощью старожил первых двух алийот, среди которых некоторые уже работали учителями, преподавателями, чиновниками, стихийно сформированная традиция современного иврита передавалась последующим поколениям и прибывающим переселенцам. Однако норма еще не исходила из официальных постановлений какого-либо учреждения. Оно появилось только в 1953 году¹⁷.

С момента появления Академии языка иврит сам ее статус призывает нас воспринимать эту институцию как наиболее авторитетную справочную по спорным и затруднительным вопросам языка. И по сей день именно Академия задает основной вектор для всех издаваемых учебных материалов и учебных программ по современному ивриту. Тем не менее, на практике с ее функцией и ролью все не так однозначно. Представление об Академии, как о единственной носительнице правильного иврита, к которому все должны стремиться, или же как о «консервативной языковой полиции», не прощающей ошибок, не верно, и является своеобразным мифом. Разговорный язык не статичен, он развивается в зависимости от повестки

¹⁶ Например, произносимый алеф, фарингальные согласные, интонационные особенности и т.д.

¹⁷ Прообразом для Академии языка иврит стал «Комитет по языку иврит», основанный еще в 1890 г. Элиезером Бен-Йегудой. Но только в 1953 г. Академия законодательно учреждена в Кнессете.

и тенденций. Общественное мнение требует считаться и с этой особенностью. Более того, Академия внимательно рассматривает требования общества и их целесообразность и зачастую дает положительную реакцию, придавая модернизации нормативный статус.

Несмотря на то, что именно за организацией остается право на официальное признание того или иного нововведения нормой, ее основная цель и задача — служить языку и его истинным хозяевам, носителям, направляя иврит в соответствии с его природными потребностями и особенностями. Это можно увидеть, рассматривая некоторые примеры взаимодействия Академии и общества.

Иными словами, в роли Академии языка иврит присутствует двойственность. По мнению израильского филолога Ронит Гадиш, широко распространено мифическое представление об институции, как о единственной законной «хозяйке и распорядительнице» языка¹⁸. В реальности же это не так. Академия не настолько тоталитарна. Более того, Академию даже нельзя назвать консервативной, хотя бы потому что она «служит языку в котором возможно все¹⁹».

«Вседозволенность» иврита предлагается рассмотреть на трех аспектах: неологизмы, род и эстетика.

Неологизмы. Выше говорилось об истории становления современного иврита, языка, возрожденного не только из основ языка Священного Писания, но также включившего некоторые черты славянских, германских языков и родственных семитских. Уже сам этот процесс может считаться модернизацией. Неудивительно, что абсолютно новые, не привычные элементы все продолжают проникать в ткань разговорного языка и успешно в нем остаются. Их появление зависит от изменений состояния общества, развития научно-технического прогресса и еще многих факторов. Иногда вовсе сама наша реальность вынуждает изобретать новые слова, неологизмы.

Кто же изобретает неологизмы в иврите? Право на окончательное введение неологизма в языковую норму остается, конечно же, за Академией языка иврит. Для разработки и «легитимации» неологизмов существуют две комиссии, но существует так же широко распространенная практика, когда любой желающий может представить свое предложение на суд Академии. Примеров этому много, точно так же, как и много примеров неологизмов, изобретенных самой Академией. Однако проблема неологизмов в иврите заключается в другом. Не каждому неологизму суждено стать действительно используемым.

¹⁸ Гадиш Р. Академия языка иврит и общество, говорящее на иврите // Иврит: проблемы современного языкознания. С. 228.

¹⁹ Там же. С. 236.

Его успех зависит от воли случая и общественного признания. Иногда случайно изобретенное носителем слово моментально приживается в языке, широко используется публикой и имеет абсолютный успех как, например, слово *мигдар* (гендер), удивительно созвучное с его переводом в английском языке, и более того, значение корня²⁰ которого отражает суть слова *гендер*. Иногда же слово, введенное когда-то самой Академией, входит в употребление по прошествии многих лет, как например *мейда* (информация). Уже на данных примерах заметно, что Академия не так всемогуща и авторитарна, как некоторые представляют, а достаточно демократична. Академии не подвластно заранее установить судьбу того или иного нововведения, и тем более принудить носителей активно использовать его.

Род. На фоне набирающего в современном мире обороты феминистского дискурса особенно остро стоит вопрос про статус женского рода в иврите. Так называемые феминитивы, суффиксы и окончания женского рода, которые вполне естественно добавляются к большей части существительных, далеко не новая конструкция в иврите²¹. Например, нет никакой сложности, чтобы в языке передать, что директор того или иного предприятия является женщиной. Для этого существует суффикс — *ит* (*манкаль* — *манкалит*). Или же окончание *-а* показывает, что пост министра занимает женщина (*сар* — *сара*). Спорные моменты, связанные с родом в иврите, проявляются в иных случаях. В Академию обращались с вопросом, какой род использовать по отношению к группе лиц, большинство которой является женщинами. Дело в том, что множественное число в иврите также может быть женского рода и мужского. Женский род множественного числа используется исключительно, если речь идет о группе, в котором все присутствующие женщины. Как только среди них появляется хоть одно лицо мужского пола, род, используемый по отношению к данной группе должен быть изменен на мужской. С требованием пересмотреть данную норму обратилась бывший главный редактор газеты «Давар» Хана Земер.

Вопрос и негодование в профеминистском обществе Израиля вызывают так же императивы, которые в единственном числе бывают в женском и мужском родах, а во множественном числе имеют одну общую форму для всех родов. В учебниках используют наиболее безопасный вариант, а именно множественное число, по типу *китву*

²⁰ Однокоренное слово *мигдар* — *гадэр* переводится как забор, **ограда**. Гендер — то, что в определенном смысле человека ограничивает, **ограждает**.

²¹ Иврит не сталкивается с проблемами, которые в последнее время переживает русский язык, где данные конструкции исторически чужды и находятся только в начале пути до признания их нормой.

(напишите) или *хашилиму* (заполните). Но до сих пор встречаются случаи, когда, обращаясь к публике, используется мужской род. Так, на дорожных знаках указан мужской род *ацор* (остановись). Иронично, что по такой логике Моисеевы заповеди тоже обращены исключительно к мужчине: *ло тирцах*²² (*не убей*). Более того, даже уже упомянутый суффикс *-ит* не во всех ситуациях может выступить спасательным кругом. Например, невозможно использовать слово *раббанит* по отношению к женщине раввину²³, так как исторически этот термин обозначает жену раввина. В вопросе систематизации грамматического рода Академия бессильна, и сама же признает это. Так, на требование редактора Ханы Земер был дан ответ, что «если бы Академия ставила себе цель планирования идеального языка, в нем бы не было рода как грамматической категории вовсе»²⁴.

Последний аспект, который будет рассмотрен, это **эстетика** языка, который прямо связан с попыткой найти «золотую середину» между разговорным ивритом и литературным. Язык построен из *компонентов* и *суперкомпонентов*²⁵. Компоненты — базовые средства, которыми на элементарном уровне располагает всякий говорящий. По сути, это главная составляющая разговорного языка. Суперкомпоненты — дополнительные средства, добавляющие тексту утонченность и точность, то, что приближает язык к тому, что считается литературным, высоким стилем. В случае с изучением современного иврита преподаватель и ученик обязательно сталкиваются с необходимостью балансировать между двумя данными факторами. С одной стороны, как уже упоминалось, разговорная речь складывается в основном из компонентов. И именно разговорный язык и является желаемой целью любого студента, что создает соблазн не углубляться в лингвистические тонкости, а оставаться на базовом уровне. С другой стороны, культурная и грамотная речь невозможна без суперкомпонентов. Представляется, что наиболее целесообразен тот подход к изучению языка, при котором компоненты и суперкомпоненты вступают в синергию. Прежде всего, потому что и в данном случае в иврите нет статики: основы суперкомпонентов меняются от одного исторического периода к другому, словарный запас пополняется и обновляется, некоторые его элементы устаревают, а некоторые повседневные компонентные слова могут перейти

²² Гадииш Р. Академия языка иврит и общество, говорящее на иврите. С. 234.

²³ Традиционно должность раввина может занимать мужчина, но в иудаизме реформистского толка до данной работы допускаются и женщины.

²⁴ Газета «Давар». 22 марта 1993.

²⁵ Мораг Ш. Язык и эстетика — современный иврит // Иврит: проблемы современного языкознания. С. 198.

в область суперкомпонента. К тому же свободное владение суперкомпонентами необходимо, так как они, прививая вкус и чувство нормы, образуют что-то вроде защитной стены от речевых ошибок.

Заключение

Исследуя поэтапно историю становления нормы языка иврит можно проследить ее противоречивые отношения с меняющимся общественным дискурсом. В этом можно усмотреть борьбу двух подходов: борьбу эстетики и быта, заложенную еще еврейскими переселенцами на рубеже XIX–XX веков.

Данный конфликт, заложенный в иврите буквально в момент его «пробуждения», можно охарактеризовать не иначе как экзистенциальный. Разрешение его не может быть однозначным и безоговорочным, а соответственно оставляет за изучающим иврит право выбора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бар-Ашер М. О принципах грамматической нормы в деятельности Комитета языка иврит и Академии языка иврит // Иврит: проблемы современного языкознания. М.; И., 2009.
2. Гадши Р. Академия языка иврит и общество, говорящее на иврите // Иврит: проблемы современного языкознания. М.; И., 2009.
3. Мораг Ш. Язык и эстетика — современный иврит // Иврит: проблемы современного языкознания. М.; И., 2009.
4. Полян А.Л. Иврит III–XIX вв. н.э. как «спящий язык» // Вопросы языкознания. 2014. № 5.
5. Щерба Л.В. Очередные проблемы языкознания // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958.
6. Газета «Давар». 22 марта 1993.
7. Давид Кенаани. Хаалия ха-шния ха-оведет ве-яхаса ла-дат у-ле-масорет. 1977.
8. Современный Израиль: языки, общество, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Е.Э. Носенко-Штейн, Д. Соболев; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020.
9. Авинери Ш. Основные направления в еврейской политической мысли. И., 1983.
10. Корниенко Ю.М., Файн Т.М. Теория языка иврит. М., 2010.

REFERENCES

1. Bar-Asher M. *O printsipakh grammaticheskoy normy v deyatelnosti Komiteta yazyka ivrit i Akademii yazyka ivrit* [On the principles of grammatical norms in the activities of the Committee of the Hebrew Language and the Academy of the Hebrew Language]. Ivrit: problemy sovremennogo yazykoznaniya [Hebrew: Problems of Modern Linguistics]. Moscow, Israel, 2009. (In Russ.)
2. Gadish R. *Akademiya yazyka ivrit i obshchestvo, govoryashcheye na ivrite* [The Academy of the Hebrew Language and the Hebrew-speaking society]. Ivrit: problemy sovremennogo yazykoznaniya [Hebrew: Problems of Modern Linguistics]. Moscow, Israel, 2009. (In Russ.)

3. Morag Sh. *Yazyk i estetika — sovremennyy ivrit* [Language and aesthetics — modern Hebrew]. Ivrit: problemy sovremennogo yazykoznaniya [Hebrew: Problems of Modern Linguistics]. Moscow, Israel, 2009. (In Russ.)
4. Polyan A.L. *Ivrit III-XIX vv. n.e. kak «spyashchiy yazyk»* [Hebrew in the 3rd–19th centuries AD as a “sleeping language”]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics]. 2014. No. 5, pp. XX–XX. (In Russ.)
5. Shcherba L.V. *Ocherednyye problemy yazykoznaniya* [Current problems in linguistics]. *Izbrannyye raboty po yazykoznaniyu i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics]. Leningrad, 1958. (In Russ.)
6. Davar [Davar]. March 22, 1993. (In Hebrew.)
7. Dawid Kena’ani. *Ha’aliyya hasheniya ha’ovedet weyaxasah ladat ulamasoret* [The Second Aliyah and its relationship to religion and tradition]. 1977. (In Hebrew.)
8. *Contemporary Israel: Languages, Society, Culture*. Edited by Elena Nosenko-Stein, Dennis Sobolev; Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow: IOS RAN, 2020.
9. Avinery Sh. *The main directions in Jewish political thought*. Israel, 1983. (In Hebrew.)
10. Kornienko Yu.M., Fain T.M. *Teoriya yazyka ivrit* [The Theory of the Hebrew Language]. Moscow, 2010. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.06.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 26.06.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication 02.12.2024.

ОБ АВТОРЕ

Горбачева Маргарита Алексеевна — аспирант и лаборант-исследователь отдела Израиля и еврейских общин Институт востоковедения РАН; стажер кафедры иудаики ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; gorba4ewa.marg@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Margarita A. Gorbacheva — graduate student and laboratory researcher at Department of Israel and Jewish Communities at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; intern-researcher at Department for Jewish Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; gorba4ewa.marg@yandex.ru

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-9

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО КИТАЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ИЕРОГЛИФИКЕ И ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

А.Д. Бахматова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия; anbabakhmatova@yandex.ru*

Аннотация: Данная статья представляет собой обзор работ, посвященных вопросам иероглифики в китайском и японском языке, классифицированным по основным темам и подходам к исследованию иероглифики, с целью выделения их сходств и различий. В статье описываются разнообразные подходы русскоязычных исследователей к изучению иероглифической системы письма во второй половине XX — начале XXI века. Работы по китаистике и японистике рассматриваемого периода охватывают темы письменности, лексикологии и грамматики, демонстрируя синхронизированный подход к изучению языков и культур обеих стран. Во многом в японистике и синологии можно отметить различное восприятие исследуемых проблем. Отмечается нехватка сравнительных исследований, посвященных сразу обоим языкам и их письменности, так как вышеописанные темы в основном представлены отдельно в работах китаистов и японистов, из чего следует, что несмотря на синхронизацию изучения лингвистических аспектов обоих языков, совместных трудов по сравнению языков в рамках одной работы практически не наблюдается.

Ключевые слова: иероглифика, кандзи, канго, иероглифическая лексика, японистика, синология

Для цитирования: Бахматова А.Д. Основные темы русскоязычных исследований по китайской и японской иероглифике и иероглифической лексике второй половины XX — начала XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 117–125. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-9

MAIN THEMES OF RUSSIAN-LANGUAGE RESEARCH ON CHINESE AND JAPANESE IDEOGRAPHIC LEXICON FROM THE SECOND HALF OF THE 20th TO THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

Anna D. Bakhmatova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; annabakhmatova@yandex.ru

Abstract: This article presents a review of the major scientific researches on the topic of ideograms in the Chinese and the Japanese languages, classified by their main themes and approaches in order to isolate similarities and differences of the approaches. In the paper we describe various approaches of Russian-speaking researchers to the study of ideograms from the second half of the XX to the early XXI century. Works in Sinology and Japanology during this period cover topics including writing, lexicology, and grammar, demonstrating a synchronized approach to studying the languages and cultures in both countries. Different perceptions of the issues under investigation can be noted in Japanology and Sinology. There is a lack of comparative studies simultaneously addressing both languages and their writing systems, as these topics are mostly presented separately in the works of Sinologists and Japanologists, indicating that despite the synchronization of studying linguistic aspects of both languages, joint comparative research within a single work is almost non-existent.

Keywords: ideograms, characters, *kanji*, *kango*, ideographic lexicon, ideographic writing, Japanology, Sinology

For citation: Bakhmatova A.D. Main themes of Russian-language research on Chinese and Japanese ideographic lexicon from the second half of the 20th to the beginning of the 21st century. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2024, Vol. 68, No. 4, pp. 117–125. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-9 (In Russ.)

В синологии и японистике теме иероглифики в частности и письменности в целом посвящено значительное количество работ. Вероятно, такой интерес связан с тем, что иероглифика является принципиально отличной от письменностей тех языков, носители которых переосмыслили и анализировали языки, использующие данный тип письменности.

Многие отечественные исследователи языка и востоковеды в своих работах по-разному определяли иероглифическую письменность и по-своему отвечали на вопросы о ее природе.

Если определять иероглифику в ее современном виде, то в данной статье иероглифической мы называем ту письменность, которая с помощью одного знака изображает какую-либо идею или поня-

тие. Такой знак принято также именовать иероглифом. По словам отечественного китаиста М.В. Софронова, «знак иероглифического письма представляет собой некоторое условное графическое изображение, которое в частном случае может быть изображением самого референта, но не последовательностью слогов и фонем, входящих в состав соответствующей лексической единицы»¹, а отечественный японист А.Н. Соколов, посвятивший множество исследований иероглифической письменности, писал, что «иероглифическое письмо предполагает возможность графического обозначения “чистых мыслей”»², а «иероглифы обозначают на письме слова со стороны их значений, то есть по смыслу, а не по звуку»³.

Под иероглифической лексикой в рамках данной статьи мы будем подразумевать сочетания от одного до четырех иероглифов, передающими единое значение, которое больше, чем сумма отдельных иероглифов, входящих в состав сочетаний. В японской лингвистике такие сочетания иероглифов принято называть *канго* «ханьские знаки», т.к. как иероглифическая письменность и большая часть иероглифической лексики были заимствованы в Японию из Китая.

Среди отечественных работ по китайскому и японскому языкознанию второй половины XX — начала XXI века, имеющих комплексный характер и освещающих широкий спектр вопросов, особенно заметными являются «Япония: язык и культура» В.М. Алпатова⁴ и «Китайский язык и китайская письменность» М.В. Софронова. В обеих работах описываются разные аспекты языка и языкового существования, в том числе и японская и китайская системы письма. В работе М.В. Софронова подробно рассмотрена история становления письменности и ее распространение за границами Китая. В работе В.М. Алпатова основное внимание уделено не самой системе языка, сколько функционированию языка в обществе в диахронии и на современном этапе. В соответствии с основной целью работы, система письменности рассматривается с точки зрения влияния письменности на общество и *vice versa*. Отдельно описывается функционирование иероглифической лексики, поскольку она является, хоть и значимой, но только частью лексической системы, состоящей из трех пластов: собственно японская лексика *ваго*,

¹ Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. С. 445.

² Соколов А.Н. Система письма в Японии: ее история и современное состояние: Дисс. ... канд. филол. наук А. Н. Соколов. М., 1952. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Алпатов В.М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 16.

иероглифическая лексика *канго* и заимствованные слова *гайрайго*. В работе М.В. Сафронова внимание же уделяется формированию фонетических словарей рифм китайского языка. Обе работы освещают вопросы реформ письменности в Китае и Японии соответственно, и отношениям систем письменности и систем образования, что обусловлено значимостью иероглифической письменности в языковом и общественном существовании обеих стран.

Тема иероглифической лексики подробно освещалась А.А. Пашковским в ряде его статей, объединенных в сборнике «Слово в японском языке»⁵, в которых автор описывает типологию сложных японских слов, группирует компоненты лексики и выделяет виды и разряды слов. Центральное понятие в его работе — «корнесложные» слова, то есть слова, образованные от нескольких корней. Под корнем слова принято понимать непроемную основу, являющуюся носителем вещественного значения слова. Такой термин касается не только японского языка, поэтому лингвисты, изучающие китайскую лексику, обычно также выделяют понятия «корней» в китайском языке. Например, В.И. Горелов в работе «Лексикология китайского языка»⁶ выделяет корнесложение, как один из основных способов словообразования в китайском языке наряду с аффиксацией, а также вслед за А.А. Пашковским применяет термин «корнесложные слова» для китайской лексики. Анализируя типы японской лексики, А.А. Пашковский выделяет такое свойство японской лексики, как «эластичность». Под эластичностью подразумевается особенно выраженная возможность японских слов активно взаимодействовать друг с другом, образуя новые понятия. Изучение этого свойства необходимо при освоении японского языка, так как оно позволяет верно соблюдать правила сочетаемости японских слов, которые отличны от других языков мира. В вопросе словосложения А.А. Пашковский и В.И. Горелов подчеркивают различные структуры описываемых языков и отличные принципы формирования слов. А.А. Пашковский акцентирует внимание на агглютинации и комбинации морфем, тогда как В.И. Горелов фокусируется на аналитической природе китайского языка. При этом оба автора рассматривали корнесложение как важнейший способ словообразования. В китайском, как и в японском, он является наиболее распространенным вплоть до нашего времени, когда заимствования становятся основным способом пополнения лексического состава. Оба автора также описывают аффиксацию, как продуктивный способ словообразования в обо-

⁵ Пашковский А.А. Слово в японском языке / Под общ. ред. и с предисл. И.Ф. Вардуля. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2006. С. 50

⁶ Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. С. 15.

их языках, однако в работе В.И. Горелова так же рассматривается фразеология и лексикография китайского языка, в то время как у А.А. Пашковского приводятся сведения по грамматологии и особенностям синтаксического строения японского языка.

Важным аспектом, отличающим иероглифическую лексику от других, принято считать распространенную омонимию. Т.И. Корчагина в своей работе «Омонимия в японском языке»⁷ подробно описывает это явление. Тема омонимии наиболее актуальна для японского языка, так как в языке существует возможность записи слов как знаками хираганы и катаканы, так и иероглифами. В тех случаях, когда иероглифы для записи слов не используются по тем или иным причинам, возникает значительная омонимия, для снятия которой необходим точный контекст. Именно поэтому омонимия служит одной из причин сохранения иероглифики в японском языке по сей день, поскольку без нее лексика бы не обладала достаточной различимостью и вводила бы читающего в заблуждение, вызывая недопонимание при восприятии языковой информации. В китаистике этой проблематике посвящена работа А.А. Хаматовой «Омонимия в современном китайском языке»⁸. Автор характеризует китайский язык как один из самых омонимичных языков в мире, однако поскольку в нем нет иных вариантов записи, кроме иероглифического, а в речи различительную функцию выполняет тональная система (чего в свою очередь нет в японском языке), проблема омонимии в китайском языке не носит ограничительный характер и крайне редко реально влияет на понимание и восприятие.

Относительно природы иероглифического знака и в китаистике, и в японистике было также выдвинуто много гипотез и суждений. Например, советский японист А.Н. Соколов, всесторонне изучая вопросы природы иероглифической письменности, в своей статье «К вопросу об иероглифической письменности»⁹ рассуждал, является ли китайское и японское иероглифическое письмо речевым (то есть отображающим фонетические элементы речи, которые должны быть лишены смыслового значения) или неречевым (в котором знаки выражают понятия и не указывают на особенности произнесения слова). По поводу отнесения иероглифического письма в Китае и Японии к той или иной категории существуют разные мнения. А.Н. Соко-

⁷ Корчагина Т.И. Омонимия в японском языке. М.: АСТ, Восток — Запад, 2005. С. 7.

⁸ Хаматова А.А. Омонимия в современном китайском языке. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. С. 120.

⁹ Соколов А.Н. К вопросу об иероглифической письменности: Японский лингвистический сборник. М.: Восточной литературы, 1959. С. 198.

лов в своей статье «К вопросу об иероглифической письменности» утверждает, что иероглифы и в китайском, и в японском языке являются речевыми знаками, поскольку «иероглифическая письменность фиксирует речь (язык слов), а сами иероглифы ориентируются на слова, названия предметов, а не на сами предметы». В таком случае мы можем сделать вывод о том, что иероглифические знаки в обоих языках скорее ориентируются на фонетический облик слова, а не на конкретное явление или понятие физического мира. Современные исследователи XXI века, например, А.М. Карапетьянц в своей работе «У истоков китайской словесности»¹⁰, тяготеют к тому, чтобы называть иероглифическое письмо семантическим. Это означает, что иероглифические знаки обозначают понятия, а не конкретные слова. В этом нет прямого противоречия с мыслью, высказанной в работе А.Н. Соколова, но более точно отражает природу иероглифического знака, как его воспринимают в Китае.

Еще одна тема, которой и в синологии, и в японистике посвящено значительное количество работ — межъязыковые заимствования. В основном рассматриваются заимствования не в исторической перспективе, а в современном состоянии языка. Уже упомянутый нами выше автор А.Н. Соколов в своей статье «К вопросу об иероглифической письменности» пришел к выводу о том, что в современном японском языке около половины лексического состава в той или иной мере китайского происхождения. Это в свою очередь значит, что иероглифы в Японии сохраняли свои китайские значения и фонетическую оболочку. Иероглифы стали изображать корни, а роль словоизменительных и словообразовательных морфем взяли на себя знаки азбуки хираганы, но это произошло значительно позже, чем сами иероглифы были заимствованы¹¹. Е.В. Маевский в своей статье «Лексическая революция Мэйдзи»¹² писал о том, что в эпоху Мэйдзи в Японии из односложных иероглифов были созданы новые двусложные слова для новых понятий, которые затем в свою очередь были заимствованы в Китай. Например, к ним относятся 概念 gàiniàn/gainen «понятие», 現象 xiànxàng/genshō «феномен», 印象 yìnxiàng/inshō «впечатление». В китайском языкознании проблемой заимствований активно занималась А.Л. Семенас. В ее работе «Лек-

¹⁰ Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности. М.: Восточная литература, 2010. С. 176.

¹¹ Соколов А.Н. К вопросу об иероглифической письменности: Японский лингвистический сборник. М.: Восточной литературы, 1959. С. 199.

¹² Маевский Е.В. Лексическая «Революция Мэйдзи» // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: памяти И.Ф. Вардуля. М., 2005. С. 252.

сика китайского языка»¹³ мы можем найти примечательные сведения о том, что в Китае при заимствовании слов иногда используют фонетический принцип, то есть подбор иероглифов для передачи звуковой оболочки слова или комбинации фонетического принципа и смыслового. Например, 巧克力 (от англ. “chocolate”) «шоколад» или «歇斯底里 xiēsīdǐlǐ (от англ. “hysteria”) «истерия».

Кроме того, в своей монографии А.Л. Семенас также приводит интересные примеры фонетических заимствований в китайском языке. Если мы сравним некоторые из них в рамках двух языков, то мы увидим, что, когда японцы заимствовали слово из западных языков, они записывали их иероглифами (фонетическим или смысловым способом), а оно потом было заимствовано в Китай и получило новые, соответствующие китайские чтения. Или же, например, слова изначально слоя ваго типа: 欧巴桑 ōubāsāng (от яп. おばさん obāsan) «бабушка»; ‘卡哇伊 kǎwayī (かわいい kawaii) «милый», ‘卡拉 OK kālā[okey] (カラオケ karaoke) и т. д. Таких слов мало, но сам принцип заслуживает внимания. Здесь мы наблюдаем одинаковый принцип заимствований в системах иероглифической письменности. Подобный способ использования иероглифов, с исторической точки зрения, рассматривался в работах В.М. Алпатова и Н.А. Сыромятникова, например, в тех случаях, когда слова заимствовались в японский язык уже в иероглифическом облике (印度 Indo «Индия», 阿片 ahēn «опиум»)¹⁴.

Подходя к завершению рассмотрения основных тем в исследованиях китайской и японской систем письма и иероглифической лексики в исследованиях на русском языке второй половины XX — начала XXI века, хотелось бы отметить, что исследователей письменности зачастую волнуют вопросы формирования, распространения и заимствования письменности из одного региона в другой.

Гораздо меньше внимания уделяется функционированию этой письменности в современном языке, ее сочетаемости и переосмыслению среди заимствующих народов. История формирования письменности — это неотъемлемая составляющая современного языка и того состояния, в котором эта письменность используется по сей день. Однако на данный момент в русскоязычной литературе существует не так много сравнительных исследований иероглифической письменности в рамках нескольких языков. Как видно из приведенного выше материала, в основном все значимые в современном востоковедении работы составлены на базе одного

¹³ Семенас А.Л. Лексика китайского языка. М.: Восток-Запад, 2005. С. 210.

¹⁴ Сыромятников Н.А. Классический японский язык, М.: Наука, 2002. С. 31.

из двух языков: либо китайского, либо японского. Поэтому в этом направлении российскому востоковедению и лингвистике в целом еще предстоит развиваться.

В целом и китаистику, и японистику рассматриваемого периода одинаково интересовали темы письменности, лексикологии, грамматики и стилистики. Как было рассмотрено выше, если какая-то тема рассматривалась отечественными синологами, то японисты тоже не обходили ее стороной в своих исследованиях, и наоборот. Это свидетельствует от том, что русскоязычные исследования японского и китайского языка во второй половине XX — начале XXI века были относительно синхронизированы и в равной степени охватывали всевозможные аспекты каждого из языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алпатов В.М.* Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
2. *Горелов В.И.* Лексикология китайского языка. М: Просвещение, 1984. 216 с.
3. *Карапетьянц А.М.* У истоков китайской словесности. М.: Восточная литература, 2010. 479 с.
4. *Корчагина Т.И.* Омонимия в японском языке. М.: АСТ, Восток — Запад, 2005. 171 с.
5. *Маевский Е.В.* Лексическая «Революция Мэйдзи» // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: памяти И.Ф. Вардуля. М., 2005. С. 245–255.
6. *Пашковский А.А.* Слово в японском языке. Под общ. ред. и с предисл. И.Ф. Вардуля. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2006. 544 с.
7. *Семенов А.Л.* Лексика китайского языка. М.: Восток-Запад, 2005. 310 с.
8. *Соколов А.Н.* К вопросу об иероглифической письменности // Японский лингвистический сборник. М.: Восточной литературы, 1959. С. 184–198.
9. *Софронов М.В.* Китайский язык и китайская письменность. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 561 с.
10. *Сыромятников Н.А.* Классический японский язык. М.: Наука, 2002. 152 с.

REFERENCES

1. *Alpatov V. M.* Yaponiya: yazyk i kul'tura [Japan: Language and Culture]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. 208 p.
2. *Gorelov V. I.* Leksikologiya kitajskogo yazyka [Lexicology of the Chinese Language]. M: Prosveshchenie, 1984. 216 p.
3. *Karapetyants A. M.* U istokov kitajskoj slovesnosti [At the Origins of Chinese Literature]. M.: Vostochnaya literatura, 2010. 479 p.
4. *Korchagina T. I.* Omonimiya v yaponskom yazyke [Homonymy in the Japanese Language]. M.: AST, Vostok-Zapad, 2005. 171 p.
5. *Mayevskiy E. V.* Leksicheskaya «Revolutsiya Meydzi» [Lexical “Meiji Revolution”]. Aktual'nyye voprosy yaponskogo i obshchego yazykoznaniya: pamyati I.F. Vardulya. M., 2005. p. 245–255.
6. *Pashkovskiy A. A.* Slovo v yaponskom yazyke [Word in the Japanese Language]. Pod obshch. red. i s predisl. I. F. Vardulya. Izd. 2, ispr. M: KomKniga, 2006. 50 p.

7. *Semenas A.L.*, Leksika kitajskogo yazyka [Lexicon of the Chinese Language], M.: Vostok-Zapad, 2005. 310 p.
8. *Sokolov A. N.* К вопросу об иероглифической писменности [On the Issue of Ideographic Writing. Japanese Linguistic Collection]. Yaponskij lingvisticheskij sbornik. M.: Vostochnoj literatury, 1959. p. 184–198.
9. *Sofronov M. V.* Kitajskij yazyk i kitajskaya pismennost [Chinese Language and Chinese Writing]. M.: AST, Vostok-Zapad, 2007. 561 p.
10. *Syromyatnikov N. A.* Klassicheskiy yaponskiy yazyk. [Classical Japanese language]. M.: Nauka, 2002. 152 p.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 05.05.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

ОБ АВТОРЕ

Бахматова Анна Дмитриевна — аспирант кафедры китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; annabakhmatova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna D. Bakhmatova — postgraduate Student, Department of Chinese Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; annabakhmatova@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-10

ПЕРВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОД СРЕДНЕВЕКОВОГО КИТАЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ТРАКТАТА «ВЭНЬ СИНЬ ДЯО ЛУН»

Л.В. Стеженская

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»; Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия;
liuxie@mail.ru*

Аннотация: Трактат Лю Се (465/466–520/522) «Вэнь синь дяо лун» из 50 глав в наиболее систематической и полной форме представляет традиционную литературную теорию, литературной критику и историю древней и раннесредневековой литературы Китая. Его первый полный западный перевод на английский язык Винсента Ши (Vincent Yu-chung Shih, 施友忠, Ши Ючжун, 1902–2001) увидел свет только в 1959 году. В статье рассматриваются рецензии конца 1959 — начала 1961 годов зарубежных специалистов-литературоведов на перевод В. Ши. В них содержатся разноплановые оценки, предложения и критика первого иноязычного издания «Вэнь синь дяо лун», что является важным ресурсом для выработки параметров полного научного издания трактата на русском языке. Выбор трактата Лю Се в качестве источника у рецензентов не вызвал возражений. Отмечалась смелость переводчика, который взялся за столь трудный текст. Замечания касались структуры книги (Введение, текст перевода, Примечания, Глоссарий, Указатель), исполнения перевода, содержания Введения и научного аппарата книги. Перевод Винсента Ши стал значительным явлением в исследовании «Вэнь синь дяо лун» в мировой синологии. Рецензии указали на объективные трудности, многие из которых остаются актуальными до сих пор и связаны с недостатком переводов и изученности древней и раннесредневековой китайской литературы. Конец XX — начало XXI веков ознаменовались появлением семи новых переводов трактата на европейские языки, которые были вынуждены обращаться к переводу В. Ши, полемизировать или соглашаться с ним как в вопросах собственно перевода, так и в вопросах организации издания.

Ключевые слова: Лю Се, «Вэнь синь дяо лун», Ши Ючжун, Винсент Ши, средневековая китайская теория литературы, перевод

Для цитирования: Стежженская Л.В. Первый английский перевод средневекового китайского литературного трактата «Вэнь синь дяо лун» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 126–139. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-10

THE FIRST ENGLISH TRANSLATION OF THE MEDIEVAL CHINESE LITERARY TREATISE *WEN XIN DIAO LONG*

Lydia V. Stezhenskaya

National Research University Higher School of Economics; Institute of China and Contemporary Asia of RAS, Moscow, Russia; liuxie@mail.ru

Abstract: Liu Xie's (465/466–520/522) treatise *Wen xin diao long* of 50 chapters presents the traditional literary theory, literary criticism and history of Ancient and Early Medieval literature of China in the most systematic and complete form. Its first complete Western translation into English by Vincent Yu-chung Shih (施友忠, Shi Yuzhong, 1902–2001) was published as late as in 1959. This presentation examines the 1959–1961 book reviews by the foreign literary experts on the Shih's translation. They contain diverse assessments, suggestions and criticism of the first foreign-language edition of *Wen xin diao long*, which is an important resource for developing the parameters of a complete scientific edition of the forthcoming Russian translation of the treatise. The reviewers did not object to the choice of Liu Xie's treatise as a source text. The courage of the translator who took up such a difficult task was lauded. The comments concerned the structure of the book (Introduction, translation text, Notes, Glossary, Index), the execution of the translation, the content of the Introduction and the scientific apparatus of the book. Vincent Shi's translation became a significant event in the study of *Wen xin diao long* in the international sinology. The reviews pointed out objective difficulties, many of which remain relevant to this day and are associated with a lack of translations and knowledge of ancient and early medieval Chinese literature. The end of the 20th — beginning of the 21st witnessed appearance of the seven new translations of the treatise into European languages, which had to refer to Vincent Shih's translation, to challenge him or agree with him both in the matters of translation proper and in the matters of the publication setup.

Keywords: Liu Xie, *Wen xin diao long*, Shi Youzhong, Vincent Yu-chung Shih, Medieval Chinese Literary Theory, translation

For citation: Stezhenskaya L.V. The first English translation of the medieval Chinese literary treatise *Wen xin diao long*. *Lomonosov Oriental Studies Journal*,

Заглавие написанного Лю Се, как предполагается, в конце V века обширного трактата из 50 глав «Вэнь синь дяо лун» по-русски принято переводить «Резной дракон литературной мысли». Трактат достаточно сложен по построению и глубок по содержанию, поэтому в китайской традиции потребовалось немало времени, чтобы он постепенно завоевал свой высокий авторитет, дав начало целой отрасли современного китайского и зарубежного литературоведения, так называемого «драконоведения» (лун сюэ). Трактат в наиболее систематической и полной форме представляет традиционную литературную теорию, литературной критику и историю литературы Китая. Неудивительно, что именно на его основе делались попытки построить типологию не только древней или раннесредневековой, но вообще всей традиционной китайской литературы¹. В поле зрения западных синологов это сочинение попало относительно поздно, только в середине XIX века², и его первый полный западный перевод на английский язык Винсента Ши (Vincent Yu-chung Shih, 施友忠, Ши Ючжун, 1902–2001) увидел свет только в 1959 году³.

Никто из отечественных китаеведов-литературоведов, думаем, не станет спорить, что потребность в издании русского перевода китайского трактата «Резной дракон литературной мысли» («Вэнь синь дяо лун») Лю Се (465/466–520/522) давно назрела. Этого требует, в первую очередь, программа обучения профессиональных китаистов-литературоведов, но также и исследовательская работа китаеведов, востоковедов, специалистов по сравнительному литературоведению и, наконец, вообще культурные запросы и интересы российского читателя. Отметим, что еще в 1919 году будущий академик В.М. Алексеев включил этот раннесредневековый памятник в свой список первоочередных переводов китайской литературы⁴.

¹ Брагинский В.И. Проблемы типологии средневековых литератур Востока. М., 1991. С. 54; Braginsky V.I. The Comparative Study of Traditional Asian Literatures: From Reflective Traditionalism to Neo-Traditionalism. L.; N. Y.: RoutledgeCurzon, 2004. P. 90.

² См.: Wylie A. Notes on Chinese Literature: with introductory remarks on the progressive advancement of the art; and a list of translations from the Chinese into various European languages. Shanghai: American Presbyterian Mission Press; London: Trübner & Co., 1867. P. 197.

³ The Literary Mind and the Carving of Dragons. A Study of Thought and Pattern in Chinese Literature [by Liu Hsieh] / Trans. and annotated by Vincent Yu-chung Shih. N.Y.: Columbia University Press, 1959.

⁴ Алексеев В.М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. / Сост. М.В. Баньковская; отв. ред. Б.Л. Рифтин. Кн. 1. М.: Восточная литература, 2002. С. 91.

На русском языке пока издано только несколько частичных переводов (отрывков, глав) трактата. В настоящее время практически готов полный русский перевод, и поэтому встает очень важный вопрос — в каком виде издавать перевод? Первый перевод трактата «Вэнь синь дяо лун» на английский язык вызвал особое внимание и целую волну откликов специалистов-литературоведов, которых в дальнейшем не удостоился ни один из последовавших переводов труда Лю Се на европейские языки конца XX — начала XXI вв. Разноплановые оценки, предложения и критика первого иноязычного издания «Вэнь синь дяо лун» — важный ресурс для выработки параметров полного научного издания трактата Лю Се «Резной дракон литературной мысли» на русском языке.

Перевод В. Ши вышел в 1959 году под номером 58 в книжной серии «Записки цивилизации: Источники и исследования» Колумбийского университета в Нью-Йорке. Как позднее сообщал сам В. Ши, взяться за перевод его подвигли отнюдь не профессиональные потребности, а два других обстоятельства: дружеское обязательство и очарование текстом «Вэнь синь дяо лун»⁵. В 1945 г. В. Ши прибыл в США во второй раз, теперь уже в поисках работы⁶. С конца 1940-х годов он начал работать во вновь образованном Институте Дальнего Востока и России Вашингтонского университета в Сиэтле (сейчас это Школа международных исследований имени Генри М. Джексона Вашингтонского университета). Вызванный к жизни предстоящим противостоянием с Советским Союзом и Китаем, Институт имел явно политологическую и, до определенной степени, культурологическую направленность. В. Ши преподавал здесь китайскую философию. Кроме перевода «Резного дракона...», другой его известной работой позднее стала монография по идеологии тайпинов⁷. Коллегами В. Ши были, в основном, выходцы из Европы и Китая. Общие курсы китайской истории и литературы читал немец Хельмут Вильгельм (Hellmut Wilhelm, 1905–1990), как и его отец, известный специалист по «Книге перемен». Студентом Х. Вильгельма тогда был Д. Кнехтгес (David R. Knechtges), позднее получивший известность в качестве специалиста по раннесредневековой китайской

⁵ The Literary Mind and the Carving of Dragons. A Study of Thought and Pattern in Chinese Literature [by Liu Hsieh] / Trans. and annotated by Vincent Yu-chung Shih. Hong Kong: Chinese University Press, 1983. P. ix.

⁶ 從影響研究到中國文寫：施友忠教授九十壽慶論文集 / 陳鵬翔、張靜二合編。臺北：書林，1992。第289頁。Цун инсян яньцзю дао чжунго вэньсюэ [От исследований влияний до китайской литературы] / Ред. Чэнь Пэнсян, Чжан Цзинэр. Тайбэй: Шулинь, 1992. С. 289.

⁷ Shih, Vincent Yu-chung. The Taiping Ideology: Its Sources, Interpretations, and Influences. Seattle (Wash.): University of Washington press, 1967. XIX. 553 p.

литературе и переводчика. Курс древнекитайской литературы в это время читал австрийский китаевед Эрвин Райфлер (Erwin Reifler, 1903–1965), занимался сравнительной семантикой и анализом китайской иероглифики. Сведений о том, что эти преподаватели как-то повлияли на решение В. Ши заняться переводом, не находится.

Издание перевода в книжной серии Колумбийского университета в этом смысле более показательно. Еще в 1953 году на конференции Дальневосточной ассоциации США В. Ши сделал доклад о классицизме Лю Се⁸, который, по-видимому, привлек внимание Теодора де Бари (William Theodore de Bary, 1919–2017). Де Бари, ставший позднее известным историком китайской философии, специалистом по неоконфуцианству, в то время только что защитил ученую степень доктора философии и стал доцентом в Колумбийском университете. Позднее он выступил организатором подготовки книжных серий с переводами источников ряда азиатских традиционных культур. Он-то, как сообщалось во вторичной литературе⁹, и рекомендовал В. Ши подготовить полный перевод и опубликовать его в издательстве Колумбийского университета.

Не будучи литературоведом по специальности, В. Ши получил грант и в течение двух лет на летних каникулах прослушал курсы китайского литературоведения. Чистовик книги с переводом, по-видимому, был готов в сентябре 1957 года. В. Ши в то время было 55 лет. Для печати, вычитки и редактирования рукописи привлекались носители английского языка, а за «полировку» английского текста и стиля особую благодарность В. Ши выразил некой миссис Жаклин Гарнетт.

Книга состояла из Введения (с. xi–xlv), текста перевода (с. 1–268), Глоссария (с. 269–276), Указателя (с. 277–298). Во Введении говорится об истории литературной теории в Китае до времен Лю Се, даются биографические сведения о нем, излагаются его литературоведческие взгляды. Текст перевода начинается с последней 50-ой главы трактата — «Сюй чжи» («Изложение намерений»). Она вынесена в самое начало и названа «Предисловие». Остальные главы вплоть до 49-ой идут под своими номерами, их заглавия даны в английском переводе, а у части заглавий в скобках дается транскрипция. Перевод снабжен постраничными примечаниями, число которых колеблется примерно от 20 до 40 на каждую главу. Примечания, главным об-

⁸ Позднее опубликован как: *Shih, Vincent Y.C. Classicism in Liu Hsieh's "Wen-hsin tiao-lung"* // *Asiatische Studien: Zeitschrift der Schweizerischen Asiengesellschaft = Études asiatiques: revue de la Société Suisse-Asie*. Zurich, 1953. Band 7, Heft 3–4. S. 122–134.

⁹ 胡作友: 《〈文心雕龙〉英译述评》, 《合肥工业大学学报(社会科学版)》2008年第4期, 第129–133页。

разом, дают сведения об упоминаемых авторах и произведениях (большинство ссылок на оригиналы китайских текстов, которых не было в английском переводе), но среди них также встречаются пояснения некоторых терминов или понятий. Предназначение Глоссария в этой книге не очень понятно. Он включает транскрипцию иероглифа, его перевод или переводы на английский язык, начертание иероглифа. По какому принципу были выбраны иероглифы, остается загадкой. Набранный мелким шрифтом Указатель довольно большой по объему. Он является сводным, здесь приведены как имена, названия произведений, так и термины — все с отсылками к страницам в тексте.

На перевод В. Ши откликнулись многие китаисты-литературоведы. Здесь речь пойдет о семи рецензиях конца 1959 — начала 1961 годов. На них стоит остановиться несколько подробнее, потому что все возникшие тогда вопросы остаются актуальными и до сих пор. Выбор трактата Лю Се в качестве источника у рецензентов, в целом, не вызвал возражений. Отмечалась также смелость переводчика, который взялся за столь трудный текст. Замечания касались структуры книги, исполнения перевода, содержания Введения и ее научного аппарата.

С информационным сообщением об издании выступил итальянский литературовед Лионелло Ланчиотти (Lionello Lanciotti, 1925–2015)¹⁰, занимавшийся тогда редакторской работой в Итальянском институте Ближнего и Дальнего Востока. Он сообщил о составе книги, отметил в ней точные примечания, очень полезный глоссарий и подробный указатель, а также указал на важность опубликованного перевода.

Короткая библиографическая аннотация защитившего в 1957 году степень доктора философии в Йельском университете специалиста по раннесредневековой китайской поэзии Дональда Хольцмана (Donald Holzman, 1926–2019) оценивала перевод как «полезный в качестве шпаргалки», который, однако, «редко решает или даже помогает решать более сложные вопросы, которые ставит этот трудный текст»¹¹. В книге, сообщал Д. Хольцман, отсутствовала библиография и ссылки на исследования трактата на каких-либо

¹⁰ *Lanciotti Lionello*. Rec. ad op.: *The Literary Mind and the Carving of Dragons. A study of Thought and Pattern in Chinese Literature by Liu Hsieh and Vincent Yuchung Shih // East and West*. Rome, March 1960, Vol. 11, No. 1 (March 1960), pp. 58–59. URL: <https://www.jstor.org/stable/29754234>

¹¹ *Holzman D.* Rec. ad op.: *The Literary Mind and the Carving of Dragons by Liu Hsieh: A study of thought and pattern in Chinese literature (Records of Civilization: Sources and Studies, No. LVIII) by Vincent Yu-chung Shih // Revue Bibliographique de Sinologie*. P., 1959, Vol. 5 (1959), p. 284. URL: <https://www.jstor.org/stable/24597390>

языках. Позднее в формате полной рецензии Д. Хольцман делает замечания не только по переводу В. Ши, но и по характеру самого оригинала Лю Се¹². Переводчик, по его мнению, зачастую не может ухватить мысль автора, поэтому его перевод идет «по поверхности». Показателем невысокого качества всего перевода служит дословный перевод заглавия. При этом в тексте трактата один китайский термин получает множество различных английских переводов, и наоборот, разные китайские термины переведены одним и тем же английским словом. В. Ши много говорит во Введении о предыстории трактата, но ничего не говорит о собственном времени Лю Се, без чего понять трактат нельзя. Для обычного читателя непонятны также разговоры о классицизме Лю Се. А под классицизмом переводчик понимает всего лишь приверженность конфуцианским канонам. Некоторые недочеты, не всегда справедливо, Д. Хольцман отмечает в транскрипции и частностях перевода, вновь указывает на отсутствие библиографии.

Интересные замечания сделал Д. Хольцман по характеру самого оригинала. Он сомневался в реформаторском настрое Лю Се и считал, что тот всего лишь старался продвинуть «барочные тенденции в литературе», в частности параллельную прозу, которой был написан трактат. Автор, отмечает Хольцман, затрудняется «сформулировать какую-либо конструктивную, объективную теорию поэзии», не может проанализировать и малую часть произведения без того, чтобы не начать обсуждать самого автора произведения. Лю Се, хотя часто использует образы живой природы (*organic images*) и архитектуры, никогда не анализирует произведение во всей его целостности.

В общем негативном ключе высказался также литературовед и переводчик китайской литературы, недавно занявший тогда должность профессора в Гарвардском университете Дж. Р. Хайтауэр (James Robert Hightower, 1915–2006)¹³. Он назвал перевод «в лучшем случае предварительным». Дж. Хайтауэр сравнил с китайским текстом только некоторые главы книги В. Ши и везде встретил непонятные места, в правильном переводе которых уверенности у него не сложилось. Рецензент вполне логично указал, что в отсутствие переводов литературных произведений, которые рассматриваются в «Резном

¹² *Holzman Donald*. Rec. ad op.: *The Literary Mind and the Carving of Dragons, a Study of Thought and Pattern in Chinese Literature by Liu Hsieh and Vincent Yu-chung Shih* // *Artibus Asiae*. Zurich, 1960, Vol. 23, No. 2, pp. 136–139. URL: <https://www.jstor.org/stable/3248077>

¹³ *Hightower James R*. Rec. ad op.: *The Literary Mind and the Carving of Dragons by Liu Hsieh, a Study of Thought and Pattern in Chinese Literature by Vincent Yu-chung Shih* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, Mass., Dec., 1959, Vol. 22 (Dec., 1959), pp. 280–288. URL: <http://www.jstor.com/stable/2718548>

драконе...», возможны два подхода к его переводу. Перевод может быть предназначен для тех, кто не знаком с китайской литературой, но интересуется вопросами теории литературы. Или же для тех, кто занимается китайской литературой. Тогда даже специалисты, владеющие китайским языком, могут быть заинтересованы в переводе как в еще одном комментированном издании текста трактата.

Первому назначению перевод В. Ши, утверждал Дж. Хайтауэр, не соответствует. Для обычного читателя стоило дать более четкие указания по структуре трактата, предупредить его, что теоретические главы идут во второй части книги. Рецензент отмечает стилистические неточности английского текста, буквализм перевода, который остается непонятными даже при наличии аннотаций, которые еще и сами по себе мало что объясняют. Но и до требований академического перевода (*scholarly translation*), считал Дж. Хайтауэр, работа В. Ши не дотягивает. Здесь нет указаний на работы других ученых, на состояние и историографию исследований в этой области, на историю текста и даже нет указания на издание, которое использовалось в качестве источника.

Американский литературовед, преподаватель китайского языка и редактор «Гарвардского журнала азиатских исследований» Джон Л. Бишоп (John L. Bishop, 1913–1974) также отметил неровность перевода, который, будучи более научным (*scholarly*), «послужил бы на пользу специалистам в китайской литературе», а будучи «более переведенным» (*more translated*), «больше бы отвечал потребностям «литературных умов» (“literary minds”)», то есть тех, кто вообще интересуется литературой¹⁴. Переводчик, по мнению Дж. Бишоп, преодолевал трудности китайского текста иногда путем пересказа, а иногда за счет буквального перевода, который мог остаться непонятным читателю. Дж. Бишоп предложил считать словосочетание «резной дракон» обозначением жанра доклада. Он положительно оценил публикацию перевода, которая сделала трактат Лю Се доступным литературоведам на Западе.

В целом положительно оценил перевод возглавивший в 1959 году кафедру китайского языка Оксфордского университета английский литературовед и переводчик Дэвид Хоукс (David Hawkes, 1923–2009), назвавший перевод «читабельным, гладким и часто удачным»¹⁵.

¹⁴ Bishop John L. Rec. ad op.: *The Literary Mind and the Carving of Dragons* by Liu Hsieh and Vincent Yu-chung Shih // *Books Abroad*. Norman (Okla.), Spring, 1961, Vol. 35, No. 2 (Spring, 1961), pp. 186–187. URL: <https://www.jstor.org/stable/40115731>

¹⁵ Hawkes David. Rec. ad op.: *The Literary Mind and the Carving of Dragons*. By Liu Hsieh and Vincent Yu-chung Shih // *The Journal of Asian Studies*. Cambridge, May, 1960, Vol. 19, No. 3 (May, 1960), pp. 331–332. URL: <https://www.jstor.org/stable/2943496>

Не будучи подготовленным переводами произведений китайской литературы, отмечал он, трактат Лю Се оказался востребованным для сравнительного литературоведения. Имея в виду потенциального читателя-компаративиста, Д. Хоукс предложил в дальнейшем давать в переводе только стандартные имена цитируемых авторов, так как употребление различных авторских имен (вторых имен, прозвищ, титулов и т.д.) в оригинале Лю Се определялось требованиями просодики параллельной прозы, стиль которой в переводе передать не удастся. Исходя из потребностей того же читателя, Д. Хоукс посоветовал расширить Введение, более подробно остановившись на современной Лю Се литературной ситуации, чтобы объяснить конкретное историческое место трактата. Критически Д. Хоукс отозвался о дословном переводе названия 37-ой главы «Украшение как описание» (куа ши 夸飾). Только сравнивая перевод с текстом китайского оригинала, можно было догадаться, что здесь говорилось всего лишь о гиперболе. Названия главы 28 «Ветер и кость» (фэн гу 風骨), считал Д. Хоукс, было бы лучше оставить в транскрипции, так как иначе некоторые выражения про «ветер» в тексте главы становятся двусмысленными.

Компетентным, научным переводом «неизменно высокого качества» назвал работу В. Ши Лю Уцзи (Liu Wu-chi 柳無忌, 1907–2002). Лю Уцзи еще в 1931 году в Йельском университете защитил степень доктора философии по английской литературе. Вновь приехав в США в 1945 году, он осел здесь, стал преподавать китайскую литературу в американских университетах. Он отметил некоторую порой ненужную многословность перевода В. Ши, но заметил, что такова вообще трудность перевода с классического китайского (вэньянь), когда приходится выбирать между неясностью дословного перевода и поясняющими дополнениями переводчика. Лю Уцзи указал на некоторые явные ошибки и опечатки в переводе. Он также предложил оставить в тексте глав только стандартные имена авторов, а к переводу приложить список авторов, уже там указав их различные имена и титулы и дав некоторый минимум биографических сведений. Недосмотром он считал отсутствие единообразия перевода терминов (речь конкретно шла о названии жанра оды-фу). Лю Уцзи также назвал перевод В. Ши «хорошо подкрепленным» (well-documented), подразумевая под этим, по-видимому, наличие многих примечаний. Но здесь же он сделал предупреждение читателю о своеобразии традиционной китайской литературной критики, питающей интерес не столько к теории, сколько к отдельным литераторам, жанрам и стилям. Огромное число скрытых отсылок к другим текстам даже при наличии столь же огромного числа при-

мечаний, которые не могут до конца снять проблему, требует от читателя трактата большого терпения, чтобы разобраться во всех его исторических и литературных аллюзиях.

Иноязычному читателю едва ли пристало оценивать стилистические особенности английского текста В. Ши, их мы оставляем в стороне. Отметим, что структура этого издания претерпела лишь небольшие изменения в других научных переводах на европейские языки. Перевод В. Ши вновь был издан в 1970 году на Тайване¹⁶. Непосредственно книгу нам посмотреть не удалось. Перевод был опубликован вместе с текстом оригинала. Из книги вполне закономерно, по нашему мнению, был удален Глоссарий¹⁷. Для этого издания В. Ши написал отдельное предисловие, которое, как мы предполагаем, с небольшим дополнением вошло во второе двуязычное издание Китайского университета Гонконга 1983 года¹⁸. Последнее посмертное гонконгское издание 2015 года вновь вернулось к форме единственно английского текста перевода. К сожалению, и оно оказалось нам недоступным¹⁹.

Издание 1983 года оказалось наиболее востребованным у читателя, на него делалось большинство ссылок в литературе. Это было последнее авторское издание, в котором были учтены замечания рецензентов за прошлые годы. Его подачу материала следует рассматривать как наиболее организованную и представительную. В «Предисловии к двуязычному изданию»²⁰ В. Ши рассказал о предыстории появления и трудностях перевода трактата Лю Се, поблагодарил рецензентов за высказанные замечания, направленные на улучшение перевода. Подзаголовок «Исследование мысли (thought) и образа (pattern) в китайской литературе», подчеркивал он, должен был пояснить заглавие «Литературная мысль и резьба драконов» как соотношения содержания (substance) и формы (form) в литературе. В «Предисловии...» В. Ши указал использованное им издание китайского оригинала, а также привлекавшиеся коммента-

¹⁶ The Literary Mind and the Carving of Dragons / by Liu Hsieh, translated and annotated by Vincent Yu-chung Shih. Taipei: Chung Hwa Book Company, Ltd., 1970 = 文心雕龍 / 劉勰著, 施友忠譯。臺北: 臺灣中華書局, 1970。

¹⁷ Liu Ying (2008) A Dialogue across Space and Time: A Survey of *Wenxin diaolong* Scholarship in the English-Speaking World, Comparative Literature: East & West (Chengdu), 10:1, 89–105, DOI: 10.1080/25723618.2008.12015583. P. 91.

¹⁸ The Literary Mind and the Carving of Dragons: A Study of Thought and Pattern in Chinese Literature / Tr. and annotated by Vincent Yu-chung Shih. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong Press, 1983. — (Chinese Classics: Chinese — English Series).

¹⁹ The Literary Mind and the Carving of Dragons / Liu Hsieh. Tr. by Vincent Yu-chung Shih. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong Press, 2015.

²⁰ The Literary Mind and the Carving of Dragons, 1983. P. ix-x.

рии и исследования китайских ученых. К ним он отослал всех, кто интересовался историей изучения трактата и проблемами трактовки его содержания. В этой части дополнений к своему «Введению» В. Ши не сделал.

Очевидные ошибки и опечатки, отмеченные рецензентами, были устранены. С другой стороны, без изменений в тексте перевода были оставлены различные имена одного и того же автора. Транскрипция (во всех изданиях, включая издание 2015 года, по системе Уэйда-Джайлса) некоторых имен осталась не совсем стандартной. Похоже, что В. Ши использовал чтения некоторых иероглифов из «Словаря Канси», где они давались в раннеминской, то есть не северной, а нанкинской версии. Без изменений остались и различные варианты терминов. К этой проблеме был обращен вновь составленный «Глоссарий» (A Glossary). Здесь (pp. 521–547) В. Ши привел важные китайские термины, указав их различные переводы в зависимости от контекста. Вообще, сама проблема, как давать китайские термины, — в переводе с налетом китайской экзотики или нейтрально в транскрипции, — во многом снималась для специалиста наличием параллельного китайского текста.

По-видимому, под впечатлением от замечания Д. Хольцмана, что Лю Се часто использует образы живой природы (*organic images*), В. Ши расширил свое «Введение» (не знаем, еще в издании 1970 или только в издании 1983 года) разделом «Концепция органического единства Лю [Се]» (pp. xli–xlvi), указав, что отчетливее всего эта концепция прослеживается у Лю Се в понятии *фэн гу* (веяние и костяк, см. гл. 28), показывающем «органическое единство идей и языка».

Перевод Винсента Ши (Ши Ючжун) стал значительным явлением в исследовании «Вэнь синь дяо лун» в мировой синологии. Многочисленные отклики на его выход указали на объективные трудности, связанные с недостатком изученности некоторых вопросов раннесредневековой китайской литературы и литературной теории того времени. Эти же отклики задали критерии для последующих научных переводов. Английский перевод В. Ши стал первым, но далеко не последним в ряду переводов «Резного дракона...» китайцами на иностранные языки. Их появление было обусловлено различными причинами, в том числе иной языковой и культурной средой. Однако так или иначе все последующие переводы «Резного дракона литературной мысли» были вынуждены обращаться к переводу В. Ши, зачастую полемизировать с ним как в вопросах собственно перевода, так и в вопросах организации издания. Показательно, что

для появления следующего нового перевода потребовалось более трех десятков лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе: В 2 кн. / Сост. М.В. Баньковская; Отв. ред. Б.Л. Рифтин. Кн. 1. М.: Восточная литература, 2002. С. 91.
2. *Брагинский В.И.* Проблемы типологии средневековых литератур Востока. М.: Наука, Восточная литература, 1991.
3. *Ху Цзюю.* Вэнь синь дяо лун иньи шупин [Оценки «Вэнь синь дяо лун» в английском переводе] // Хэфэй гунье дасюэ сюэ бао (шэхуй кэсюэ бань). Хэфэй, 2008. №4. С. 129–133. 胡作友: 《〈文心雕龙〉英译述评》, 《合肥工业大学学报(社会科学版)》2008年第4期, 第129–133页。
4. *Цун инсян яньцзю дао чжунго вэньсюэ* [От исследований влияний до китайской литературы] / Ред. Чэнь Пэнсян, Чжан Цзинэр. Тайбэй: Шулинь, 1992. С. 289. 從影響研究到中國文寫: 施友忠教授九十壽慶論文集 / 陳鵬翔、張靜二合編。臺北: 書林, 1992。
5. *Bishop, John L.* Rec. ad op.: The Literary Mind and the Carving of Dragons by Liu Hsieh and Vincent Yu-chung Shih // Books Abroad. Norman (Okla.), Spring, 1961, Vol. 35, No. 2 (Spring, 1961), pp. 186–187. URL: <https://www.jstor.org/stable/40115731>
6. *Braginsky V.I.* The Comparative Study of Traditional Asian Literatures: From Reflective Traditionalism to Neo-Traditionalism. L.; N. Y.: RoutledgeCurzon, 2004.
7. *Hawkes, David.* Rec. ad op.: The Literary Mind and the Carving of Dragons. By Liu Hsieh and Vincent Yu-chung Shih // The Journal of Asian Studies. Cambridge, May, 1960, Vol. 19, No. 3 (May, 1960), pp. 331–332. URL: <https://www.jstor.org/stable/2943496>
8. *Hightower, James R.* Rec. ad op.: The Literary Mind and the Carving of Dragons by Liu Hsieh, a Study of Thought and Pattern in Chinese Literature by Vincent Yu-chung Shih // Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, Mass., Dec., 1959, Vol. 22 (Dec., 1959), pp. 280–288. URL: <http://www.jstor.com/stable/2718548>
9. *Holzman D.* Rec. ad op.: The Literary Mind and the Carving of Dragons by Liu Hsieh: A study of thought and pattern in Chinese literature (Records of Civilization: Sources and Studies, No. LVIII) by Vincent Yu-chung Shih // Revue Bibliographique de Sinologie. P., 1959, Vol. 5 (1959), p. 284. URL: <https://www.jstor.org/stable/24597390>
10. *Holzman, Donald.* Rec. ad op.: The Literary Mind and the Carving of Dragons, a Study of Thought and Pattern in Chinese Literature by Liu Hsieh and Vincent Yu-chung Shih // Artibus Asiae. Zurich, 1960, Vol. 23, No. 2 (1960), pp. 136–139. URL: <https://www.jstor.org/stable/3248077>
11. *Lanciotti, Lionello.* Rec. ad op.: The Literary Mind and the Carving of Dragons. A study of Thought and Pattern in Chinese Literature by Liu Hsieh and Vincent Yuchung Shih // East and West. Rome, March 1960, Vol. 11, No. 1 (March 1960), pp. 58–59. URL: <https://www.jstor.org/stable/29754234>
12. *Liu Ying* (2008) A Dialogue across Space and Time: A Survey of *Wenxin diaolong* Scholarship in the English-Speaking World, Comparative Literature: East & West (Chengdu), 10:1, 89–105, DOI: 10.1080/25723618.2008.12015583.
13. The Literary Mind and the Carving of Dragons. A Study of Thought and Pattern in Chinese Literature / By Liu Hsieh. Trans. and annotated by Vincent Yu-chung Shih. N. Y.: Columbia University Press, 1959.
14. The Literary Mind and the Carving of Dragons / by Liu Hsieh, translated and annotated by Vincent Yu-chung Shih. Taipei: Chung Hwa Book Company, Ltd., 1970 = 文心雕龍 / 劉勰著, 施友忠譯。臺北: 臺灣中華書局, 1970。

15. The Literary Mind and the Carving of Dragons. A Study of Thought and Pattern in Chinese Literature [by Liu Hsieh] / Trans. and annotated by Vincent Yu-chung Shih. Hong Kong: Chinese University Press, 1983.
16. The Literary Mind and the Carving of Dragons / Liu Hsieh. Tr. by Vincent Yu-chung Shih. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong Press, 2015.
17. Shih, Vincent Y.C. Classicism in Liu Hsieh's "Wen-hsin tiao-lung" // *Asiatische Studien: Zeitschrift der Schweizerischen Asiengesellschaft* = *Études asiatiques: revue de la Société Suisse-Asie*. Zurich, 1953. Band 7, Heft 3–4. S. 122–134.
18. Shih, Vincent Yu-chung. The Taiping Ideology: Its Sources, Interpretations, and Influences. Seattle (Wash.): University of Washington press, 1967. XIX, 553 p.
19. Wylie A. Notes on Chinese Literature: with introductory remarks on the progressive advancement of the art; and a list of translations from the Chinese into various European languages. Shanghai: American Presbyterian Mission Press; London: Trübner & Co., 1867.

REFERENCES

1. *Alekseev V. M.* Trudy po kitayskoy literature [Chinese Literature Works]: 2 vols. / Ed. by M.V. Bankovskaya; Responsible ed. B. L. Riftin. Book 1. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1991. (In Russian)
2. *Braginskiy V. I.* Problemy tipologii srednevekovykh literature Vostoka [Typology Problems of the Medieval Oriental Literatures]. Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura, 1991. (In Russian)
3. *Hu Zuoyou.* *Wen xin diao long shuping* [Wen xin diao long English Translation Evaluations] // Hefei gongy daxue xuebao (Shehui kexue ban). Hefei, 2008. N. 4. P. 129–133. (In Chinese)
4. *Cong yingxiang yanjiu dao zhongguo wenxue* [From Influence research to Chinese Literature] / Ed. by Chen Pengxiang, Zhang Jinger. Taipei: Shulin, 1992. (In Chinese)
5. *Braginsky V.I.* The Comparative Study of Traditional Asian Literatures: From Reflective Traditionalism to Neo-Traditionalism. L.; N. Y.: RoutledgeCurzon, 2004.
6. *Bishop, John L.* Rec. ad op.: The Literary Mind and the Carving of Dragons by Liu Hsieh and Vincent Yu-chung Shih // Books Abroad. Norman (Okla.), Spring, 1961, Vol. 35, No. 2 (Spring, 1961), pp. 186–187. URL: <https://www.jstor.org/stable/40115731>
7. *Hawkes, David.* Rec. ad op.: The Literary Mind and the Carving of Dragons. By Liu Hsieh and Vincent Yu-chung Shih // The Journal of Asian Studies. Cambridge, May, 1960, Vol. 19, No. 3 (May, 1960), pp. 331–332. URL: <https://www.jstor.org/stable/2943496>
8. *Hightower, James R.* Rec. ad op.: The Literary Mind and the Carving of Dragons by Liu Hsieh, a Study of Thought and Pattern in Chinese Literature by Vincent Yu-chung Shih // Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, Mass., Dec., 1959, Vol. 22 (Dec., 1959), pp. 280–288. URL: <http://www.jstor.com/stable/2718548>
9. *Holzman D.* Rec. ad op.: The Literary Mind and the Carving of Dragons by Liu Hsieh: A study of thought and pattern in Chinese literature (Records of Civilization: Sources and Studies, No. LVIII) by Vincent Yu-chung Shih // Revue Bibliographique de Sinologie. P., 1959, Vol. 5 (1959), p. 284. URL: <https://www.jstor.org/stable/24597390>
10. *Holzman, Donald.* Rec. ad op.: The Literary Mind and the Carving of Dragons, a Study of Thought and Pattern in Chinese Literature by Liu Hsieh and Vincent Yu-chung Shih // *Artibus Asiae*. Zurich, 1960, Vol. 23, No. 2 (1960), pp. 136–139. URL: <https://www.jstor.org/stable/3248077>
11. *Lanciotti, Lionello.* Rec. ad op.: The Literary Mind and the Carving of Dragons. A study of Thought and Pattern in Chinese Literature by Liu Hsieh and Vincent Yuchung

- Shih // East and West. Rome, March 1960, Vol. 11, No. 1 (March 1960), pp. 58–59.
URL: <https://www.jstor.org/stable/29754234>
12. *Liu Ying* (2008) A Dialogue across Space and Time: A Survey of *Wenxin diaolong* Scholarship in the English-Speaking World, Comparative Literature: East & West (Chengdu), 10:1, 89–105, DOI: 10.1080/25723618.2008.12015583.
 13. The Literary Mind and the Carving of Dragons. A Study of Thought and Pattern in Chinese Literature / By Liu Hsieh. Trans. and annotated by Vincent Yu-chung Shih. N. Y.: Columbia University Press, 1959.
 14. The Literary Mind and the Carving of Dragons / by Liu Hsieh, translated and annotated by Vincent Yu-chung Shih. Taipei: Chung Hwa Book Company, Ltd., 1970 = 文心雕龍 / 劉勰著, 施友忠譯. 臺北: 臺灣中華書局, 1970.
 15. The Literary Mind and the Carving of Dragons. A Study of Thought and Pattern in Chinese Literature [by Liu Hsieh] / Trans. and annotated by Vincent Yu-chung Shih. Hong Kong: Chinese University Press, 1983.
 16. The Literary Mind and the Carving of Dragons / Liu Hsieh. Tr. by Vincent Yu-chung Shih. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong Press, 2015.
 17. *Shih, Vincent Y.C.* Classicism in Liu Hsieh's "Wen-hsin tiao-lung" // Asiatische Studien: Zeitschrift der Schweizerischen Asiengesellschaft = Études asiatiques: revue de la Société Suisse-Asie. Zurich, 1953. Band 7, Heft 3–4. S. 122–134.
 18. *Shih, Vincent Yu-chung.* The Taiping Ideology: Its Sources, Interpretations, and Influences. Seattle (Wash.): University of Washington press, 1967. XIX, 553 p.
 19. *Wylie A.* Notes on Chinese Literature: with introductory remarks on the progressive advancement of the art; and a list of translations from the Chinese into various European languages. Shanghai: American Presbyterian Mission Press; London: Trübner & Co., 1867.

Статья поступила в редакцию 28.08.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 28.08.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

ОБ АВТОРЕ

Стеженская Лидия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, Факультет гуманитарных наук Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ; ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН; liuxie@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Lydia V. Stezhenskaya — PhD in Philology, Associate Professor, Faculty of Humanities, Institute of Classical Oriental and Antiquity Studies, National Research University Higher School of Economics; Principal Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of RAS; liuxie@mail.ru

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-11

РАЗГОВОР С НЕБОМ В ПОЭМЕ-МАСНАВИ ‘АТТАРА «МУСИБАТ-НАМЕ» И В «ШАХ-НАМЕ» ФИРДОУСИ¹

Л.Г. Лахути

*Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия;
lahuty@gmail.com*

Аннотация: В персидской поэзии небо предстает как могучее существо, непрестанное кружение которого вокруг земли определяет ход времени и правит судьбами людей. Поэты прославляют высоту и величие небосвода, призывают его милость к себе или к тому, кому посвящено стихотворение, и часто обращаются к небу с упреками. Однако оно, как правило, не дает им ответа. В статье обсуждаются два случая, когда небо отвечает на обращение, и предлагается филологический перевод соответствующих отрывков. В одном главный персонаж поэмы суфийского поэта Фарид ад-Дина ‘Аттар *Мусибат-наме* «Книга скорбей» (XII в.), Странник-мысль (*салик-и фикрат*), то есть персонифицированная мысль, обращается к небу в поисках утешения в своей метафизической скорби. Другой пример — обращение поэта к небосводу в поэме Фирдоуси *Шах-наме*. Обращения эти очень различны, но ответы схожи: оба фрагмента завершаются утверждением уникального места человека во Вселенной.

Ключевые слова: персидская поэзия; суфийская поэзия; суфизм; Фирдоуси; Шах-наме; ‘Аттар; Мусибат-наме; средневековая космография; небо

Для цитирования: Лахути Л.Г. Разговор с небом в поэме-маснави ‘Аттар *«Мусибат-наме»* и в *«Шах-наме»* Фирдоуси // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 140–152. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-11

¹ Краткий вариант статьи был представлен на XIV Международной проблемно-методологической конференции «Текстология и источниковедение Востока» в Институте востоковедения РАН 16 октября 2024 г.

THE CONVERSATION WITH THE SKY IN AṬṬĀR'S MASNAVI POEM *MUSIBAT-NAMEH* AND FERDOWSI'S EPIC POEM *SHAH-NAMEH*

Leyli G. Lahuty

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
lahuty@gmail.com*

Abstract: In Persian poetry sky is a powerful being whose incessant rotation around the earth determines the course of time and governs people's destinies. Poets glorify the height and grandeur of the firmament, invoke its mercy upon themselves or upon the one to whom the poem is dedicated, and often they address the sky with reproaches. However, usually it does not answer them. The article discusses two cases in which the sky responds to the appeal, and a philological translation of the relevant passages is proposed. One example can be found in the masnavi poem by the Sufi poet Farid ad-Din 'Aṭṭār the *Musibat-nameh* (The *Book of Torments*) (12–13th cc.) where the Traveller of Thought (*sālik-i fikrat*), i.e. the personified thought of a meditating soul, converses with the sky seeking solace in his metaphysical grief. Another one is a fragment from Ferdowsi's poem *Shah-nameh* where the Sky is being addressed by the author himself. Although these appeals to the Sky are quite different, the responses are similar: in both cases, the Sky — and through it the poet — appeals to human being's higher purpose and unique place in the universe.

Keywords: Persian poetry; Sufi poetry; Sufism; Ferdowsi; Shah-nameh; 'Attar; Musibat-nameh; Sky

For citation: Lahuty L.G. The conversation with the Sky in 'Attar's masnavi poem *Musibat-nameh* and Ferdowsi's epic poem *Shah-nameh*. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2024, Vol. 68, No. 4, pp. 140–152. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-11 (In Russ.)

В средневековой персидской поэзии часты обращения к небосводу с восхвалениями, мольбами или, часто, с жалобами: поэты взывают к небосводу, однако тот, как правило, не дает им ответа. В статье рассматриваются два исключения из этого правила и предлагаются филологические переводы соответствующих фрагментов. К небу взывает главный персонаж поэмы Фарид ад-Дина 'Аттара *Мусибат-наме* (XII в.), а прежде него — автор поэмы *Шах-наме* Абулькасим Фирдоуси (X в.).

Но прежде всего надо коротко остановиться на понятии «небо» (*āsmān*) в средневековой картине мира. Значения этого слова в средневековом и современном понимании различны. В современном представлении небо — это, как определяет толковый словарь

Ожегова, «видимая над Землей атмосфера — пространство в форме свода, купола»². По небу плывут облака, с неба проливается дождь, там радуга, на небе сверкает молния и т.д. В средневековом же понимании облака, дожди и радуга относятся к сфере воздуха — третьей сфере мироздания, — первая из них земля, т.е. земной шар, вторая — вода; молния относится к четвертой сфере, сфере огня³. А небо представлено в виде вращающейся сферы, окружающей сферу огня. Она в свою очередь состоит из семи вращающихся внутри нее сфер, по которым пролегают орбиты небесных светил, определяющих судьбы мира и каждого человека, а над этим в противоположную сторону вращается восьмое небо, на котором расположены неподвижные зодиакальные созвездия. У всех у них свой характер, свои свойства, определяющие судьбы мира и каждого человека, поэтому у слов, означающих небосвод, одно из значений — судьба.

Метафорический потенциал этого понятия очень велик, и небо играет в поэзии огромную роль. Оно может выступать просто как пространство, как нейтральная сущность, как иносказание или как мерило высоты и величия — поэт утверждает, что дворец восхваляемого лица достигает небосвода или превосходит его, или восхваляемый трется головой о небосвод; но чаще всего небо персонифицируется и выступает как активный и часто зложелательный субъект, с которым человек вступает в сложные отношения. Поэты часто обращаются к небу — с мольбой либо о себе, либо о восхваляемом лице — возлюбленном, покровителе и пр. Но очень часто они обращаются к небу с упреками и жалобами на его «кривые пути», на беды, которые оно им посылает, когда не ждешь. Небо же обычно в диалог не вступает и ответа не дает.

В статье рассматриваются два исключения из этого правила: в поэме Фарид ад-Дина 'Аттара (XII-XIII вв.) *Мусибат-наме* (Книга скорбей), а прежде того — в поэме «Шах-наме» Абулькасима Фирдоуси (X в.).

* * *

Здесь, то есть в этом мире, подлинный труд — это труд мысли, говорит персидский суфийский поэт Фарид ад-Дин 'Аттар, поскольку «одна минута труда [духовного] размышления, несомненно, | лучше семидесяти лет поклонения»⁴. Но такой труд неизбежно сопряжен со страданием — это мучительное стремление человека к позна-

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. С. 322.

³ Подробнее см.: Лахути Л.Г. Природный мир в газели Хафиза. Опыт авторского словаря. М.: ИВ РАН, 2023.

⁴ 'Aṭṭār F. Muṣibat-nāmeḥ (Книга скорбей). Tihrān 1386/2007. С. 160.

нию непознаваемого Бога, приближению к Тому, который непостижим и трансцендентен твари, поиски смысла. Такое «искание» (*ṭalab*) представляет собой первый этап на пути души, взыскующей Бога, — в поэме «Язык птиц» с «Долины искания» начинают свой путь птицы-души, ищущие своего царя⁵.

Герой поэмы *Мусибат-наме* ‘Аттара — «странник мысли», или персонифицированная мысль (*ṣālik-i fikrat*), — «от боли этого искания не отдыхает ни минуты ни днем ни ночью»⁶. В своей метафизической скорби он в течение сорока ночей обходит духовные миры, где каждую ночь встречается какое-то высшее существо и беседует с ним, но не на обычном языке, а на безмолвном «языке состояния», или «языке озарения» (*zabān-i ḥāl*). Каждому такому посещению в поэме посвящена одна глава.

Сначала странник посещает «мир иной»: четырех приближенных к Богу ангелов — Джабраила, Исрафила, Мика’ила, ‘Азра’ила, Носителей Престола Божия (гл. 1–5), сам Престол, он же — высшее небо (гл. 6), Подножие Престола, оно же — небо неподвижных звезд, то есть зодиакальных созвездий (гл. 7), Хранимую Скрижаль, на которой написаны все судьбы мира (гл. 8), Калам — перо, которым записываются судьбы всех людей (гл. 9), Рай и Ад (гл. 10–11).

Затем он переходит к Небу (гл. 12), Солнцу (гл. 13) и Луне (гл. 14) и дальше направляется вниз через сферы четырех первоэлементов, из которых создан материальный мир, в том порядке, в котором они сверху вниз окружают Землю: Огонь (гл. 15), Ветер (Воздух) (гл. 16), Вода (гл. 17), Земля, точнее — прах земной, *xāk* (гл. 18). Следующие этапы странствия: Гора (гл. 19), Море (гл. 20), Минералы (гл. 21), Растения (гл. 22), Дикие Звери (гл. 23), Птицы (гл. 24), Домашние Животные и Рыбы (гл. 25); дальше следуют Шайтан (гл. 26) и Джинны (гл. 27). Все они удручены собственными скорбями и не в состоянии помочь страннику.

Тогда он снова поднимается вверх. Его собеседники: Человек — потомок Адама (гл. 28), а вслед за ним — пророки: Адам, Нух (Ной), Ибрахим (Авраам), Муса (Моисей), Давуд (Давид), ‘Иса (Иисус)⁷ и Мухаммад (гл. 29–35). Мухаммад указывает ему на предстоящие завершающие этапы странствия: это чувственное восприятие (*ḥis*, то есть «пять чувств» — зрение, слух, обоняние, осязание и вкус), Воображение (*ḫiyāl*), Разум (*‘aql*) (гл. 38), Сердце (*dil*) (гл. 39). Пройдя

⁵ Перевод этого фрагмента см. в: (Федорова Ю.Е. Странствие в познании. М.: Садра, 2023. С. 243–245).

⁶ ‘*Aṭṭār F. Op. cit.* P. 161.

⁷ В исламе ‘Иса считается последним из пророков, предшествовавших появлению Мухаммада.

все эти этапы, странник наконец приходит к Душе (*jān*) и понимает, что все время искал именно ее; он соединяется с ней — «бросается в море души»; дальнейшее, по словам автора, является тайной, о которой ему пока не дозволено говорить⁸.

Все главы, кроме последней, построены одинаково: странник обращается к очередному собеседнику со славословием, восхваляет его свойства и просит открыть ему их потаенный смысл и указать истинный путь — ведь собеседник наверняка знает этот путь! Но никто не может помочь страннику — каждый описывает свое тягостное состояние и рассказывает о собственной боли. Наутро странник приходит к своему старцу-наставнику, и тот открывает ему сущность его собеседника. Дальше следуют рассказы, раскрывающие смысл сказанного и сопровождаемые истолкованиями старца.

Небо (*āsmān*) — двенадцатый собеседник странника. В речи странника актуализированы все свойства небосвода — и то, каким он видится смотрящим на него с земли, — его цвет, высота, подобие своду или перевернутой чаше, и то, каким его представляла средневековая космография⁹, — шарообразная форма и непрестанное вращение вокруг земли.

Обращение к небу интересно, в частности, и тем, что странник находит в нем сходство с собой: они оба постоянно скитаются, или кружат, — небосвод вокруг земли, а странник мысли кружит-скитается по метафизическому универсуму. В оригинале нам об этом постоянно напоминает лексика с семантикой кружения, имеющая одновременно и суфийские коннотации. Ниже даны оригиналы такой лексики и полужирным шрифтом выделены морфемы с семантикой кружения;

(2681) Странник пришел с глазами, струящими кровь,
словно Земля, упал перед Небом¹⁰.

⁸ ‘*Aṭṭār F.* Op. cit. P. 440. Подробнее о странствиях и их завершении см.: Ritter 1975. S. 18–30; Лахути Л.Г. Путешествие как структурообразующее начало поэм ‘Аттара // Ориенталистика. 2021. Т. 4, №3. С. 777–785.

⁹ См., напр.: Беруни А.Р. Книга вразумления начаткам науки о звездах. Ташкент: Фан, 1975. С. 51.

¹⁰ (2681) Высокий небосвод, объемлющий весь земной мир, и земля (*zamīn*), смиренно распростертая внизу, служат границами сотворенной Вселенной, в которой протекает жизнь человека. Ср. бейты 3–5 в поэме ‘Аттара «Язык птиц» (‘*Aṭṭār F. Manṭiq at-ṭayr. Tihṛān: Suxan, 1389/2009. P. 233*):

[Бог] Небо хранит в высоте и могуществе,

А Землю хранит в крайнем смирении.

Первому даровал непрестанное движение,

Второй — постоянное спокойствие.

Воздвиг небо подобно шатру —

Без столпов, и определил Землю его основанием.

(2682) Сказал: «О султан Вселенной,
с головы до ног ты — свод и купол¹¹!

(2682) Всё теряется в тебе, ты же — надо всем,
всё — словно капля, ты же — море всего.

(2684) Могуч ты сердцем, могуч и устремлением¹²?
ты — покровитель всех созданий в мире.

(2685) Ни у кого не открыто столько глаз, сколько у тебя¹³!
кто столько кружил (*gašt*) из начала в конец, сколько ты?!

(2686) С тысячью глаз ты кружишься (*mīgardīda-yi*),
несомненно, ты — обладатель видения!¹⁴

(2687) В чем же цель твоего постоянного кружения (*gardīdan*)?
Где предел этому твоему приходу и уходу (*āmad-šud*)?

(Перевод по: Лахути Л.Г., Счѣтчикова Т.А. Поэма Фарид ад-Дина 'Аттара «Язык птиц». Введ., пер. с перс. яз. первых 120 бейтов и комм. // «Восток» (Oriens) № 3. М., 2013. С. 117–130. С. 119).

В последнем бейте — аллюзия к Корану: «Он сотворил небеса без опоры, которую бы вы видели, и бросил на землю прочно стоящие, чтобы она не колебалась с вами...» (Коран. Пер. с арабского и коммент. И.Ю. Крачковского. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986 31:9(10)).

Р. также бейты 2 и 3 в маснави 'Аттара «Книга тайн»:

Господь, от которого Вселенная славна,
от которого земле и небу вознесенность и распростертость.
Два мира от Него получили одеяние бытия,
небо от Него получило место наверху, земля — внизу...

(*ʿAṭṭār F. Asrār-nāmeḥ. Tīhrān: Suxan, 1389/2009. P. 87*).

В первом из этих двух бейтов просматривается хиазм: сначала названы земля и небо, а затем в обратном порядке — их свойства: небо поднято вверх, земля распростерта внизу. Аллюзия к Корану: «... который землю сделал для вас ковром, а небо — зданием» (Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986, 2:22), «который сделал землю ложем вашим, а небо — кровом вашим» (Коран / Пер. М.-Н.О. Османова. М.: Ладомир, 1995. 2:22).

¹¹ (2682) *Свод и купол* (*tāq-u tārām*), по указанию издателя, М.Р. Шафи'и Кадкани, символизируют возвышенность и великолепие (*ʿAṭṭār F. Muṣṭibat-nāmeḥ. Tīhrān 1386/2007. P. 589*).

¹² (2684) *Устремление* — *himmat*, слово с широким спектром значений, среди которых — нравственное величие, рвение, устремленность всей духовной энергии к определенному объекту или цели.

¹³ (2685) *Глаза* — зд. метафора звезд.

¹⁴ (2686) *Обладатель видения* — в оригинале *ṣāhib-dīda*, что может толковаться двояко: в общеязыковом значении это «имеющий глаза», «зрячий» (*Dihxudā A.A. Luḡat-nāmeḥ 1993. Сл. ст. «Dīda»*), но в суфийском контексте «видение» означает духовное прозрение, божественное познание добра и зла при любых обстоятельствах (*Sajjādī J. Luḡat va iṣṭilāḥāt va taʿbīrāt-i irfānī. Tīhrān 1350/1971. P. 217*).

(2688) Доколе, о круг небес, ты будешь скитальцем (*sar-gašta*)?¹⁵
Доколе будешь кружить (*gardī*), погружаясь в зарю?¹⁶
(2689) Хотя много и непрестанно кружил (*bigardīdī*) ты,
этим вращением (*sayr*) никак не насытишься ты!
(2690) Сколько ты будешь переворачиваться сверху вниз (*āyī az zabar bā zīr*)?

Этим уходом-приходом (*šud-āmad*) никак не насытишься ты!

(2691) Каждую ночь, когда приносят тебе вороново крыло,
приносят тебе множество звезд-светильников!

(2692) Открой мне, чего же ты ищешь!

Возьми меня за руку, прими меня в спутники!

(2693) Я так же растерян (*sar-gašta*)¹⁷, как ты, поладь со мной,
сними завесу с лика этой твоей цели!»

(2694) Когда небосвод услышал это, сказал: «О беспокойный!
Это все ко мне никак не относится.

(2695) Ты думаешь, что я что-то понимаю, —
нет, ведь я за завесой с головы до ног¹⁸.

(2696) Из-за этого желания ни ног у меня нет, ни головы¹⁹
ни одной минуты нет мне покоя.

(2697) Днем я в синем дыму без вины²⁰,
всю ночь я остаюсь в черной воде²¹.

¹⁵ (2688) *Скиталец* — в ориг. *sar-gašta*, в другом значении — «растерянный, беспомощный», по внутренней форме слова: «с кружащейся головой».

¹⁶ (2688) *Погруженный в зарю* (*dar šafaq āgišta*) — иносказание страдания: алая заря или краснота вечернего неба (*šafaq*), метафорически именуется «кровью мира» (см.: *Dihxudā A.A.* Op. cit. Сл. ст. «xūp-i jahān»). Ср. бейт 2698 и соответствующее примечание.

¹⁷ (2693) *Растерян* (*sar-gašta*), см. примеч. 9 к бейту 2688.

¹⁸ (2695) *За завесой с головы до ног...* — Речь идет о невозможности истинного познания.

¹⁹ (2696) *Ни ног у меня нет, ни головы* (*na sar dāram na pāy*) — отсылка к фразеологизму *bī sar-u pā* — «ни головы ни ног», или «ни начала, ни конца». Здесь этот оборот кроме переносного значения «слабость, растерянность» (*Dihxudā A.A.* Op. cit. Сл. ст. «bī sar-u pā») получает и буквальное: у круглого, как мяч, небосвода нет ни ног, ни головы.

²⁰ (2697) *В синем дыму* (*dar dūd-i kabūd*) или, по другой рукописи, *в дыму и синеве* (*dar dūd-u kabūd*) — иносказание страдания. *Синева* — в ориг. *kabūd*, что может означать цвет неба от лазурного до черного, а также горе и траур (*Dihxudā A.A.* Op. cit. Сл. ст. «*kabūd*»). Возможна также аллюзия к Корану: «Потом утвердился Он к небесам — а они были дымом...» (Коран 1986, 41: 10(11)).

²¹ (2697) *...всю ночь я в черной воде...* — Черная вода зд. означает полную слепоту. Возможна аллюзия к к 18-ой суре Корана, где говорится, как, дойдя до заката солнца, Зу-л-Карнайн «увидел, что оно закатывается в источник зловонный» (Коран 1986, 18:86), в другом переводе: «обнаружил, что оно заходит в мутный и горячий источник» (Коран. Пер. с арабск. и коммент. М.-Н.О. Османова. М.: Ладомир, Восточная литература, 1995. 18: 86). Подчеркнутые слова соответствуют «‘aynīn ḥami-atin»

(2698) Из-за этого искания я постоянно вращаюсь в крови
 (*dar xūn hamīgardam*)²²,
 если не видишь этого — посмотри на зарю, и дело с концом!
 (2699) Днем и ночью, словно кольцо (*ḥalqa*), идет кругом моя
 голова (*čun ḥalqa mīgardad*),
 [ждет] — кто скажет мне, где дверь в сердце?
 (2700) Я словно мяч постоянно в клюшке²³,
 сколько мне еще так кружиться (*sar-gardān*)?!
 (2701) Я — кольцо, потерявшее ноги и голову,
 словно кольцо я остаюсь при двери²⁴.
 (2702) Миг за мигом рука предопределения меня крутит
 (*mīrānad-am*),
 схвативши за уши, вертит меня (*mīgardānad-am*).
 (2703) О том, что небо каждую ночь полно звезд, [знай]:
 это не небо, это миска с раскаленными углями!²⁵
 (2704) Подобную дегтю накидывают на меня одежду²⁶,
 опрокидывают на голову миску раскаленных углей²⁷.
 (2705) До каких пор, словно беспокойным суфиям,
 кружить мне (*čarx x^vāham zad*) на этом ристалище?!²⁸
 (2706) До каких пор терпеть смятение в вере (*sar-gaštagī-yi dīn*)?!
 До каких пор держать одежду на полке?!²⁹

оригинала, что во многих персидских переводах Корана переводится как *āb-i siyāh* (черная вода) (<https://tanzil.net/#18:86>); Абу'л Фазл Рашид ад-Дин Майбуди (начало XII в.) в своем комментарии к этому стиху Корана дает перевод *āb-i tārik* — темная вода (*Maybūdī A. Kašf al-asrār va 'uddat al-abrār. Tehran, 2015. P. 3037*).

²² (2698) *Вращаться в крови* (*dar xūn gardīdan*), иносказание страдания, неоднократно встречающееся у 'Аттара, здесь получает и буквальное значение: вращаясь, небосвод регулярно погружается в алый отблеск утренней и вечерней зари (*šafaq*), которая метафорически именуется кровью мира (*Dihxudā A.A. Op. cit. Сл. ст. «xūn-i jahān»*).

²³ (2700) *Я словно мяч постоянно в клюшке*. — Еще одна аллюзия к средневековым астрономическим представлениям: круглое небо вращается, словно мяч от удара изогнутой клюшки при игре в конное поло.

²⁴ (2701) *Словно кольцо я остаюсь при двери...* — Дверное кольцо, стучащее в дверь, но никогда не допускаемое внутрь, — один из традиционных образов суфийской поэзии, символизирующий постоянное стремление к Богу и недоступность Его.

²⁵ (2703) *Миска с раскаленными углями* (*tašt-i axgar*) — род средневековой пытки.

²⁶ (2704) *Одежда* — в ориг. *jāta*, также кусок ткани.

²⁷ (2704) *Черная одежда и раскаленные угли* — ночная темнота и ярко горящие звезды.

²⁸ (2705) *Кружить* — в оригинале глагол *čarz zadan*, во втором значении означающий суфийское танец-кружение. Таким образом, вращение небосвода сравнивается с ритуальным кружением суфиев во время *сама* — суфийского радения.

²⁹ (2106) *Одежда на полке* — *jāta dar tāq*. Многозначное слово *tāq* здесь означает нишу для хранения домашней утвари в верхней части стены (*Dihxudā A.A. Op. cit.*

(2707) Веками я поднимаюсь и падаю,

а в конце пути останусь на месте.

(2708) Если побудешь подле меня, [увидишь] —
я гораздо растеряннее (*sar-gardāntar*), чем ты!»

* * *

Мы видим, что странник сопоставляет свои духовные скитания в поисках истины с кружением небосвода. Мотив кружения звучит постоянно в его обращении к небу: семь бейтов речи странника и шесть бейтов ответа небосвода включают глаголы *gaštan* и *gardīdan*. Эти глаголы синонимичны и имеют общую этимологию. Спектр их значений широк, но важно, что они оба передают семантику кружения — как буквального вращения, так и кружения-скитания. Они присутствуют и самостоятельно, и входят в составные имена с первой основой *sar* — голова: *sar-gašta* и *sar-gardān*. Их лексическое значение — «растерянный», «смятенный» (*hayrān*), а также «скиталец», «бродяга»³⁰, но по внутренней форме («голова-кружение») семантика кружения сохраняется. Кроме того, мотив кружения и скитания в беседе с небом передается и другой лексикой: *rāndan* (б. 2702), *čarx zadan* (б. 2705), *āmad-šud* — приход-уход (б. 2687) и *šud-āmad* — уход-приход (б. 2690), *az zabar bā zīr* — [переворачиваться] сверху вниз (2690); *sayr* — вращение [светил] (б. 2703).

Итак, странник, который в смятении «кружит» по Вселенной, надеется, что кружение небосвода имеет определенный смысл и конечную цель, и просит его поделиться своим знанием. Но небосвод отвечает, что не может ему помочь, потому что сам страдает и кружится, не зная ни цели этого, ни конца этому: познание смысла и соединение с «океаном души» (Аттар 2007, с. 440) возможно только для человека.

Однако это не первый разговор с небосводом в персидской поэзии: вспомним обращение к небосводу и его ответ в поэме Абулькасима Фирдоуси *Шах-наме*, написанной за два века до 'Аттара³¹:

Сл. ст. «*ṭāq*», значение 8). По толкованию издателя книги, М.Р. Шафи'и Кадкани, «держат одежду на полке в нише» (*jāma dar ṭāq dāstan*) здесь означает «быть наготове» ('*Aṭṭār*, F. Mušibat-nāmeḥ. Tihrān: Suxan 1386/2007. P. 600). Возможно и второе понимание: если *ṭāq* означает «купол», то здесь отсылка к бейту 2704: «до каких пор на мой купол будет накинута черная ткань?!»

³⁰ *Dihxudā*, A.A. Op. cit. Сл. ст. «*sar-gašta*» и «*sar-gardān*».

³¹ Об отражении творчества Фирдоуси в поэмах 'Аттара см.: *Лахути Л.Г.* Культурные коды иранской традиции (от «Шахнаме» Фирдоуси к маснави 'Аттара) // Вестник РГГУ. № 6(128). Серия «Востоковедение. Африканистика. М., 2014. С. 66–95.

1909 «О высоко вознесенный свод!
 Зачем ты в старости так мучаешь меня?
 1910 Когда я был молод, ты держал меня в объятиях,
 что же ты в старости так мною пренебрегаешь?!
 1911 Желтеет счастливая роза³²,
 грубеет тонкий шелк,
 1912 Согнулся в саду стройный кипарис,
 потемнел тот драгоценный светоч³³. <...>
 1913 Прежде был ты для меня словно мать,
 теперь же лью кровь [из глаз] от твоей жестокости!
 1914 Покрылась снегом черная гора,
 видит войско вину царя.
 1915 Нет у тебя верности и разума,
 измучен я твоими темными путями.
 1916 Лучше бы ты не вскармливал меня,
 а раз уж вскормил — не терзал бы меня!
 1917 Как только я выберусь из этой тьмы³⁴,
 скажу Справедливому о твоём тиранстве!
 1918 Пожалуюсь на тебя чистому Йаздану,
 стану стенать, посыпая голову прахом!»
 1919 Такой дал ответ высокий небосвод:
 «О поэт, муж незлобивый!
 1920 Зачем ты думаешь, что это я посылаю добро и зло?»³⁵
 Разве подобают мудрому такие жалобы?
 1921 Ты во всем выше меня,
 ты питаешь дух знанием!
 1922 Ко всему, о чем ты сказал, мне нет пути,
 ни у солнца, ни у луны нет этого знания.
 1923 Еда, и сон, и рассуждение, и жилище — у тебя,
 к доброму и злему путь и власть — у тебя.
 1924 У Того спрашивай о пути, кто сотворил путь,
 сотворил день и ночь, солнце и луну! <...>
 1927 Я такой же раб, как ты,
 служитель Создателя!..³⁶

В завершении поэмы Фирдоуси назвал свои стихи «зернами слов», которые сделают его бессмертным. Возможно, одним из та-

³² (1911) Желтизна лица в персидском языке — аналог бледности.

³³ (1912) Кипарис — устойчивая метафора стройного стана. Потемневший светоч — ослабевшее зрение.

³⁴ (1917) Под тьмой подразумевается земной мир.

³⁵ (1917) Всё — в оригинале «добро и зло» (*nîk-u bad*).

³⁶ *Фирдоусӣ. Шāх-нāmе. Критический текст. М.: Наука, 1968. С.112.*

ких зерен, которые «проросли» в поэме 'Аттара, стала приведенная беседа поэта с небом.

Великий предшественник 'Аттара упрекает небосвод в неверности и несправедливости, в том, что тот благоволил к нему, молодому и сильному, но стал жесток к старому и немощному. Странник в поэме 'Аттара надеется, что небосвод может его чему-то научить, открыть смысл происходящего с ним, принести утешение. Эти два обращения к небосводу очень различны, но ответы схожи: в каждом из них небосвод — а через него и поэт — апеллирует к высокому назначению человека и его уникальному месту во Вселенной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беруни А.Р. Книга вразумления начаткам науки о звездах / Вступ. ст., пер. и примеч. Б.А. Розенфельда и А.Ахметова. Отв. ред. А.К. Арендс // Абу Райхан Беруни. Избранные произведения: В 7 т. (8 кн.) / Пер. с араб. Ташкент: Фан, 1957–1987. Т. 6. 1975.
2. Коран / Пер. с ар. и коммент. И.Ю. Крачковского. Изд. 2. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1986.
3. Коран / Пер. с ар. и коммент. М.-Н.О. Османова. М.: Ладомир, Вост. лит., 1995
4. Лахути Л.Г. Культурные коды иранской традиции (от «Шахнаме» Фирдоуси к маснави 'Аттара) // Вестник РГГУ, № 6 (128). Серия «Востоковедение. Африканистика». М., 2014. С. 66–95.
5. Лахути Л.Г. Путешествие как структурообразующее начало поэм 'Аттара // Ориенталистика. 2021. № 4(3). С. 768–799.
6. Лахути Л.Г. Природный мир в газели Хафиза. Опыт авторского словаря. М.: ИВ РАН, 2023.
7. Лахути Л.Г., Счётчикова Т.А. Поэма Фарид ад-Дина 'Аттара «Язык птиц» / Введ., пер. с перс. яз. первых 120 бейтов и комм. // «Восток» (Oriens) № 3. М., 2013. С. 117–130.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 57 000 слов / Сост. С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 1988.
9. Федорова Ю.Е. Странствие в познании. Опыт философского прочтения поэмы Фарид ад-Дина Аттара «Язык птиц» / Отв. ред. А.В. Смирнов, Л.Г. Лахути. М.: Садр, 2023.
10. Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст. М.: Наука, 1968. (На перс. яз.)
11. *Aṭṭār, F. Muṣibat-nāmeḥ* (Книга скорбей). Ed. by M.R. Šafī'ī Kadkanī. Āp-i 3. Tih-rān: Suxan 1386/2007. (На перс. яз.)
12. *Aṭṭār F. Asrār-nāmeḥ* (Книга тайн) / Ed. by M.R. Šafī'ī Kadkanī. Tih-rān: Suxan, 1389/2009. (На перс. яз.)
13. *Aṭṭār F. Mantīq at-ṭayr* (Язык птиц) / Ed. by M.R. Šafī'ī Kadkanī. Tih-rān: Suxan, 1389/2009. (На перс. яз.)
14. *Dihxudā A.A. Luḡat-nāmeḥ* (Словарь) (*čāp-i avval az dawra-yi jadīd*). Jild-i 1–14 [Encyclopaedic dictionary (first ed. of the new version). Vol. 1–14]. Tih-ran: Tih-ran University Publications, 1372/1993. URL: www.parsi.wiki. (На перс. яз.)
15. *Maybūdī A. Kašf al-asrār va 'uddat al-abrār* (Раскрытие тайн и припасы для праведных) / Ed. 'Alī-Aṣḡar Ḥikmat et al., 10 vols. Tih-ran, 1952–60, repr. several times.). (На перс. яз.)
16. Ritter H. Das Meer der Seele/ Mensch, Welt und Gott in den Geschichten des Farīdu-ddīn 'Aṭṭār / Leiden: Brill, 1978. (На нем. яз.)

17. *Sajjādī J.* Luġāt va iṣṭilāḥāt va ta'bīrāt-i irfānī (Словарь суфийских терминов) / tā'līf Ja'far Sajjādī. Tihrān 1350/1971. (На перс. яз.)
18. Tanzil — Quran Navigator; URL: <https://tanzil.net>. Дата обращения: 15.07.2024. (На перс. яз.)

REFERENCES

1. Biruni A.R. *Kniga vrazumleniya nachatkam nauki o zviozdakh* [The Book of Instruction in the Elements of the Art of Astrology] / Per. s pers. i primech. B.A. Rosenfelda i A. Akhmetova. Tashkent: FAN: 1975. (In Russ.)
2. *Koran* / Per. s ar. i komment. I.YU. Krachkovskogo. Izd. 2. M.: Nauka, Gl. red. vost. lit., 1986. (In Russ.)
3. *Koran* / Per. s ar. i komment. M.-N.O. Osmanova. M.: Lodomir, Vost. lit., 1995.
4. Lahuti L.G. *Kul'turnye kody iranskoj tradicii (ot SHahname» Firdousi k masnavi 'Aṭṭāra)* [The cultural codes of the iraninan tradition (from Firdawsī's SHahnameh to 'Aṭṭār's masnavi)] // Vestnik RGGU, № 6(128). Seriya «Vostokovedenie. Afrikanistika». M., 2014. P. 66–95. (In Russ.)
5. Lahuti L.G. *Puteshestvie kak strukturoobrazuyushchee nachalo poem 'Aṭṭāra* [The travel story as the structure-forming basis for Aṭṭār poems] // *Orientalistica*. 2021;4(3):768–799. (In Russ.)
6. Lahuti L.G. *Prirodnyj mir v gazeli Hafiza. Opyt avtorskogo slovaryā* [The Natural World in Hafiz's Ghazal. An Attempt at the Author's Lexicon]. M.: IV RAN, 2023. (In Russ.)
7. Lahuti L.G., Schyotchikova T.A. *Poema Farid ad-Dina 'Aṭṭāra “Yazyk ptic” Vved., per. s pers. yaz. pervyh 120 bejtov i komm.* [Poem by Farid ad-Din 'Aṭṭār “The Language of Birds” / Intr., trans. from Persian language first 120 bytes and comms. // “East” (Oriens) No. 3. M., 2013. Pp. 117–130. // «Vostok» (Oriens) №3. M., 2013. P. 117–130. (In Russ.)
8. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language] 57 000 slov / Sost. S.I. Ozhegov; pod red. N.YU. SHvedovoj. 20-e izd, stereotipnoe. M.: Russkij yazyk, 1988. (In Russ.)
9. Fedorova Yu. E. Stranstvie v poznanii. Opyt filosofskogo prochteniya poem Farid ad-Dina Aṭṭāra «Yazyk ptic». [A Pillgrimage to Knowledge: an Experience of Philosophical Interpretation of the Masnawi by Farid al-Din Aṭṭār “Mantiq al-Tair”]. Ed. by A. V. Smirnov, L. G. Lahuti. Moscow: Sadra, 2023. (In Russ.)
10. Firdawsī. *SHah-nameh. Kriticheskij tekst* [Shahnameh. Critical Text]. M.: Nauka, 1968. (In Pers.)
11. 'Aṭṭār, F. *Mušibat-nāmeḥ* [The Book of Torments] / Ed. by M.R. Šafī'ī Kadkanī. Čāp-i 3. Tihrān: Suxan 1386/2007. (In Pers.)
12. 'Aṭṭār F. *Asrār-nāmeḥ* [The Book of Secrets] / Ed. by M.R. Šafī'ī Kadkanī. Tihrān: Suxan, 1389/2009. (In Pers.)
13. 'Aṭṭār F. *Mantiq at-tayr* [The Language of the Birds] / Ed. by M.R. Šafī'ī Kadkanī. Tihrān: Suxan, 1389/2009. (In Pers.)
14. Dihxudā A.A. *Luġat-nāmeḥ (čāp-i avval az dawra-yi jadīd). Jild-i 1–14* [Encyclopaedic dictionary (first ed. of the new version). Vol. 1–14]. Tihiran: Tihiran University Publications, 1372/1993. URL: www.parsi.wiki. (In Pers.)
15. Maybūdī A. Kašf al-asrār va 'uddat al-abrār [Unveiling of mysteries and provision of the righteous]. Ed. by 'Alī-Ašḡar Ḥikmat et al., 10 vols., Tehran, 1952–60, reprinted several times.). (In Pers.)
16. Ritter H. Das Meer der Seele. Mensch, Welt und Gott in den Geschichten des Farīduddīn 'Aṭṭār / Leiden: Brill, 1978. (In German)

17. *Sajjādī J.* Luḡāt va iṣṭilāḥāt va ta'bīrāt-i 'irfānī / tā'līf Ja'far Sajjādī. — Tihṛān 1350/1971. (In Pers.)
18. Tanzil — Quran Navigator; URL : <https://tanzil.net>. (In Pers.)

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 10.08.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication 02.12.2024.

ОБ АВТОРЕ

Лахути Лейли Гасемовна — научный сотрудник Института востоковедения РАН; lahuty@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Leyli G. Lahuty — Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; lahuty@gmail.com

ЭКОНОМИКА

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-12

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ИЗРАИЛЯ: РАЗВИТИЕ И ВЫЗОВЫ ТРАГЕДИИ 7 ОКТЯБРЯ 2023 ГОДА

Д.А. Голубев

*Институт востоковедения РАН; Институт стран Азии и Африки,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; danila.golubev@list.ru*

Аннотация: Экономическое развитие государства Израиль является важным вопросом не только в рамках исследований экономик региона Ближнего Востока, но и стран по всему миру. Небольшая по территории и бедная в сфере природных ресурсов, экономика Израиля оказалась отрезанной от регионального рынка с момента своего основания. Для построения рекурсивной и самообеспечивающей модели экономики было необходимо развивать сферу сельского хозяйства. Традиционная для страны отрасль поддерживалась за счет особенных сельскохозяйственных поселений. Данные поселения играют важную роль до сих пор. Более того, сельское хозяйство остается важной частью не только внутреннего рынка. Оформившееся еще с конца XIX в. производство фруктов и овощей является крупнейшей частью экспорта сельскохозяйственной продукции. Негативное влияние обострения израильско-палестинского конфликта сказалось и на сельском хозяйстве, однако рынок страны, неоднократно проходивший подобные трудности на протяжении последних 75 лет, показывает свою устойчивость к подобным колебаниям.

Ключевые слова: экономика Израиля, сельское хозяйство, арабо-израильский конфликт

Для цитирования: Голубев Д.А. Сельское хозяйство Израиля: развитие и вызовы трагедии 7 октября 2023 года // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 153–163. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-12

AGRICULTURE IN ISRAEL: DEVELOPMENT AND HARDSHIPS OF OCTOBER 7TH TRAGEDY

Danila A. Golubev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; danila.golubev@list.ru

Abstract: Economic development of Israel is a key issue not only in the regional researches but in case of the national economics around the globe. Small territory, lack of natural resources and estrangement from the states in the region: all these factors had a huge negative impact on the national economy of Israel in 1948. There was a need to develop the agriculture in order to build a recursive and self-ensuring economy. Traditional agricultural communities and settlements played a key role in its' development. They still represent one of the main producers of agricultural goods. Moreover, the branch remains an important part of the inner production and export even in the innovative era. Two main types of agricultural goods for export consist of citruses and vegetables. The current wave of Israeli-Palestinian conflict influences the agriculture along with all types of industries. However, Israel has gone through the similar phases throughout its' history. The agricultural market remains stable and ready for such fluctuations.

Key words: The economy of Israel, Agriculture, Arab-Israeli conflict

For citation: Golubev D.A. Agriculture in Israel: Development and hardships of October 7th tragedy. *Lomonosov Oriental Studies Journal*, 2024, Vol. 68, No. 4, pp. 153–163. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-12 (In Russ.)

Введение

Экономика государства Израиль представляет собой пример успешной экономики, на пути своего развития прошедшей множество внутренних трудностей и экзогенных проблем. На первом этапе развития национальной экономики было необходимо построить внутреннюю рекурсивную инфраструктуру и систему, способную удовлетворять внутренний спрос, растущий ввиду увеличивающегося прироста населения за счет иммиграции.

Одним из ключевых секторов, легших в основу израильской модели смешанной экономики, стало сельское хозяйство, не утратившее свое значение до сих пор.

Вопросу развития данного сектора уделено множество работ в отечественной и зарубежной историографии. Ключевой работой, одной из первых осветившей роль сельского хозяйства в развитии национальной экономики Израиля, стала монография ведущего на-

учного сотрудника Отдела Израйля и еврейских общин ИВ РАН, А.В. Федорченко «Экономика переселенческого общества»¹. Истории становления израильских сельскохозяйственных поселений посвящена монография «Кибуцы» исследователя Б.И. Дубсона². Современные тенденции в секторе и его развитие в инновационной экономике государства Израиль исследуются в многочисленных статьях. Стоит выделить статью «О сельском хозяйстве Израйля» за авторством Г.З. Ситдиковой и Г.А. Хабилова, работу «Роль инноваций в развитии сельского хозяйства по примеру Израйля» М.А. Мурадян³. Последний аспект особенно обстоятельно рассмотрен в монографии Д.А. Марьясиса «Опыт построения экономики инноваций. Пример Израйля»⁴.

В зарубежной историографии стоит выделить монографию главы израильского сельскохозяйственного банка Х. Гальперина «Изменяющиеся паттерны в израильском сельском хозяйстве»⁵. Важной также является статья А. Гулати «Израильское сельское хозяйство — инновации и улучшение»⁶.

Развитие и современное состояние сельского хозяйства в Израйле

Сельское хозяйство — исторически важный сектор экономики Израйля, претерпевший множество изменений. Несмотря на засушливый климат и непригодные для обработки земли условия на большей части территории государства, а также отсутствие необходимой инфраструктуры и развитой хозяйственной системы, сельское хозяйство развивалось здесь еще с догосударственного периода. Рост волн иммиграции евреев Европы на территорию Палестины в конце XIX — начале XX вв. вызвал увеличение количества сельскохозяйственных поселений в этом регионе, сочетавших в себе кооперативные и социалистические элементы. Значительная доля

¹ Федорченко А.В. Экономика переселенческого общества: израильская модель. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

² Дубсон Б.И. Кибуцы. Путешествие в светлое будущее и обратно. М.: Крафт, 2008.

³ Ситдикова Г.З., Хабилов Г.А. О сельском хозяйстве Израйля. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 2. С. 56–57.

⁴ Мурадян М.А. Роль инноваций в развитии сельского хозяйства по примеру Израйля. Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2020. С. 77–80.

⁵ Марьясис Д.А. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израйля. М.: Институт востоковедения РАН, 2015.

⁶ Halperin H. *Changing patterns in Israel agriculture*, Routledge, 2019.

⁶ Gulati A. et al. Israeli agriculture—Innovation and advancement. From Food Scarcity to Surplus: Innovations in Indian, Chinese and Israeli Agriculture. 2021. P. 299–358.

поселенцев данного периода была занята именно в этом секторе. Так, например, именно благодаря совместной деятельности еврейских поселенцев и мигрантов из Германии здесь развилось и процветает в наши дни производство цитрусовых. Наследием же того времени и Османского контроля территории является единица измерения площади земли — дунам, которая до сих пор используется в Израиле (1 дунам соответствует 1000 м²).

В XIX в. в Израиле было создано два типа кооперативных сельскохозяйственных поселений: кибуцы и мошавы. Несмотря на то, что размеры и количество данных поселений уменьшаются, их роль в сельскохозяйственной промышленности до сих пор значительна. Мошавы сочетают в себе коллективные и частные принципы хозяйствования, в то время как кибуцы представляют собой коммуны с общим имуществом и коллективным распределением благ.

В первые годы после провозглашения государственности правительство Израиля планировало увеличить долю сельского хозяйства до 25% от ВВП при первоначальном уровне около 15%, расширяя поселения и увеличивая производительность на новых территориях страны. Планировалось установить условия безопасного проживания в стране через политику заселения приграничных земель и удовлетворить растущий внутренний спрос в условиях отсутствия контактов с соседями и сложности торговли сельскохозяйственной продукцией по морю и воздуху⁷. Однако климатические и другие природные особенности государства являются ограничителем территориального расширения сельскохозяйственных земель. План увеличения доли сельскохозяйственного производства от ВВП не был достигнут. Выше 14,4% в 1960 г. доля сельскохозяйственной продукции не поднималась. В XXI в. доля сельского хозяйства находится в пределах 1–2,5% от ВВП. На это повлияла развивающаяся и поддерживаемая государством обрабатывающая промышленность, сектор ВПК, высокотехнологичная и услугоемкая специализация Израиля на мировом рынке.

На 2021 г. очень небольшая часть территории Израиля используется под сельскохозяйственные нужды. Сельхоз угодья страны (исключая пастбища) составляют 285 тыс. га или 13% ее территории. В то время как в Германии это 47%, а в США 41%, в Великобритании 72%⁸.

⁷ Zeira J. The Israeli Economy a Story of Success and Costs, 2021.

⁸ Israel Bureau of statistics, *Agricultural crop area, by district and regional council*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_03.pdf (дата обращения: 09.09.2024)

В 2021 г. сельскохозяйственные товары составили 1,3% от ВВП. Производство растительных культур в 2021 г. составило 18,55 млрд шек. (в 2000 г. — 7,8 млрд), а производство животных и продуктов животного происхождения — 13,7 млрд. шек. (в 2000 г. — 6,2 млрд) в текущих ценах. С 2000 до 2021 гг. прибыль от сельского хозяйства оставалась, в среднем, на одном уровне, — 3 млрд шек. в ценах 2017 г., несмотря на постепенное уменьшение вложенного капитала. Доход с производства сельскохозяйственных культур в шекелях увеличился на 1,8% в 2020 г. в сравнении с 2019 г. Стоимость животных и продуктов животного происхождения уменьшилась на 0,8%⁹.

В 2021 г. наибольшую стоимость произведенной сельскохозяйственной продукции принесло производство авокадо и фиников. Стоимость основной произведенной сельскохозяйственной продукции в 2021 и 2000 гг. в текущих ценах соответственно.

	2000 (млн шек.)	2021(млн шек.)
Фрукты (за исключением цитрусовых)*	2101,4	7551,8
Овощи, картофель и бахчевые культуры	2546,7	5781,4
Цитрусовые	799,2	1268,5
Промышленные и масличные культуры	489,5	736
Смешанные культуры	595,1	1089,3
Молодые плантации	211	495,5
Цветы и садовые растения	560,9	527,1
Зерновые хлеба и бобовые	195,4	292,8

* Самая большая стоимость у произведенных авокадо — 1547 млн шек. в 2021 г. в сравнении с 240 млн шек. в 2000 г.

На 2021 г. под цитрусы используется 16,9 тыс. га, под другие многолетние культуры 85,6 тыс. га. Под не многолетние культуры отведено 182,5 тыс. га. Под лесопосадки задействовано 123,7 тыс. га, для пастбищ 164,6 тыс. га, под полевые культуры 112,4 тыс. га, а под овощные культуры около 70,1 тыс. га. В сравнении с 2020 г. произошло уменьшение обрабатываемых земель на 210 га.

В 2009 г. в закон Израиля об управлении земельными ресурсами были внесены поправки с целью разрешить передачу муниципальных земель, находящихся в ведении Израильского управления

⁹ Israel Bureau of statistics, *Agricultural output by industry and product*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_15.pdf (дата обращения: 10.09.2023)

земельных ресурсов, арендаторам. Программа приватизации земли предусматривала передачу свободы любых действий в отношении имущества в качестве законных владельцев.

В рамках территориального деления относительно объема обрабатываемых земель для выращивания многолетних, полевых культур и овощей, картофеля, бахчевых культур прослеживаются следующие пропорции. На округа Северный и Хайфа приходится 131,7 тыс. га обрабатываемых земель. В случае с другими округами отсутствуют данные о количестве земель, используемых для выращивания овощей, картофеля, бахчевых культур. Под citrusy, другие многолетние и полевые культуры на округа Центральный и Тель-Авив приходится 25 тыс. га, а на округа Иерусалима и Южный 86,9 тыс. га. На округ Иудея и Самария приходится меньше всех территорий — 5,9 тыс. га.

На сферу животноводства приходятся следующие объемы и стоимость производства в текущих ценах в 2021 и 2000 гг. соответственно.

Наименование и объемы в 2021 г.	2000 (млн шек.)	2021(млн шек.)
Крупнорогатый скот. 555 тыс. голов	560,9	1650,9
Дойные коровы. 129 тыс. голов	1,86	3479,2
Домашняя птица. 10,02 млн куриц-наседок, 33,207 млн бройлеров, 3,228 млн индюшек.	1908,9	4641,4
Овцеводство. 520 тыс. овец.	560,9	963,4
Козоводство. 116 тыс. коз.	28,6	68
Свиноводство. 19 тыс. свиней.	132,9	280,1
Пчеловодство. 123 тыс. семей.	37,7	73

В 2021 г. стоимость животных на мясо составила 7603,8 млн шек. в сравнении с 2888,6 млн шек. в 2000 г. Стоимость произведенных яиц и цыплят — 2132,8 млн шек. в 2021 г. и 919,9 млн шек. в 2000 г. Стоимость произведенной рыбы в целях употребления в пищу — 326,9 млн шек. в 2021 г. и 398,1 млн шек. в 2020 г.¹⁰

Израиль занимается производством сельскохозяйственной продукции для удовлетворения внутреннего спроса и реализации товаров за рубежом. В 2020 г. на экспорт была отправлена продукция сельского хозяйства стоимостью 4194,4 млн шек. в текущих ценах.

¹⁰ Israel Bureau of statistics, *Agricultural output value, by purpose and industry*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_16x.pdf (дата обращения: 10.10.2023)

Из них растительное производство — 4165,7 млн шек.; животное производство — 28,7 млн шек. Основными категориями экспорта в сельском хозяйстве стали фрукты (не включающие цитрусовые) — 1343,7 млн шек.; и овощи, картофель, бахчевые культуры — 921,4 млн шек. в текущих ценах¹¹.

На 2021 г. в сельском хозяйстве было занято 32,1 тыс. израильских граждан: 25,7 тыс. евреев и 5,8 тыс. арабов. В сравнении с 2020 г. произошло уменьшение занятых в этой сфере израильтян на 6,5 тыс. чел¹².

Из занятых в сельском хозяйстве израильтян 21 тыс. составляют наемные рабочие. Также в сельском хозяйстве занято 17,3 тыс. жителей ПНА и 24,1 тыс. иностранных граждан.

В Израиле многие сельскохозяйственные работники заняты в сельскохозяйственных поселениях. В 2021 г. в еврейских, смешанных и не еврейских поселениях было потреблено 1286 млн м³, в то время как в 2020 г. 1195 млн м³ воды. В нееврейских поселениях увеличение используемой воды не происходило в течение 20 лет (2000–2020), и составляло 22 млн м³. В 2021 г. произошло увеличение на 2 млн м³. В еврейских и смешанных поселениях объемы используемой в сельском хозяйстве воды ежегодно увеличивались. В 2020 и 2021 гг. они составляли 1173 и 1262 млн м³ соответственно. При этом в 2021 г. на киббуцы пришлось 449 млн м³, на мошавы 402 м³, а на региональные администрации — 370 млн м³ воды¹³.

Несмотря на традиционный характер отрасли, Израиль развивает сельское хозяйство путем внедрения новых технологий. В Израиле была разработана система капельного орошения, в стране расположено множество зон по очищению воды для повторного использования в промышленности. Высокотехнологичное оборудование собирает и анализирует данные о характеристике урожая и состоянии различных сельскохозяйственных культур. Это помогает вести более эффективную сельскохозяйственную политику в стране¹⁴.

¹¹ Israel Bureau of statistics, *Exports of selected agricultural products*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_17.pdf (дата обращения: 10.11.2023)

¹² Israel Bureau of statistics, *Jobs, output, gross value added and compensation for jobs, by industry and size group*, 2020. URL: <https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2023/1889/t04.pdf> (дата обращения: 10.10.2023)

¹³ Israel Bureau of statistics, *Agricultural crop area, by district and regional council*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_03.pdf (дата обращения: 09.09.2024)

¹⁴ Israel Consulate General of Israel in Bengaluru, *7 Israeli agriculture technologies*. URL: [https://embassies.gov.il/bangalore/NewsAndEvents/Israel news/Pages/Israeli-Agriculture-technology.aspx](https://embassies.gov.il/bangalore/NewsAndEvents/Israel%20news/Pages/Israeli-Agriculture-technology.aspx) (дата обращения: 10.08.2023)

Влияние обострения арабо-израильского конфликта на сельское хозяйство страны

7 октября 2023 г. на территории государства Израиль произошли чудовищные нападения на мирное население, в результате которых было убито больше тысячи человек, а несколько сотен людей было похищено в плен. Уменьшение безопасности в стране, начавшееся после в октябре военная операция со стороны Израиля, мобилизация, повлиявшая на отток рабочей силы из различных секторов экономики негативно сказались на национальной экономике. После седьмого октября начался массовый отток рабочей силы из сферы сельского хозяйства. Помимо израильских граждан, в сельском хозяйстве было занято около 30 тыс. иностранных рабочих. По соображениям безопасности Израиль покинуло 1/3 иностранной рабочей силы из данного сегмента производства и около 10 тыс. арабов было уволено¹⁵. На данный момент сектор испытывает нехватку около 20 тыс. чел. Ввиду небезопасности приграничных южных и северных территорий обработка данных земель также стала проблематичной.

Несмотря на все вышеописанные факторы, сектор сельского хозяйства показал тенденцию роста за 2023 г.¹⁶ Так, стоимость сельскохозяйственной продукции в Израиле составила 37,7 млрд шек. Из них около 55% приходится на сельскохозяйственные культуры, а 45% — на животноводство. В сравнение с 2022 г. рост составил 8,3%. Вырос ВВП от сельского хозяйства. Показатель составил 17,9 млрд шек. в 2023 г., что больше 2022 г. на 25,3%.

При тенденции роста наметился спад в объемах продукции ряда сельскохозяйственных культур. Объем продукции растениеводства снизился на 2,1%. Количество фруктов (исключая цитрусовые) уменьшилось на 6%, произведенных овощей — на 3,3%. В сфере животноводства, наоборот, наметился рост более чем на 2%.

Заключение

Последние месяцы 2023 г., несмотря на негативные факторы обостренной фазы конфликта, не смогли кардинально изменить годовые показатели. Интересным остается влияние военной операции на сектор сельского хозяйства в 2024 г., однако данный вопрос только предстоит изучить из-за отсутствия статистических данных.

¹⁵ Heikaph, V. Israeli farms face dire straits since Oct. 7, see 80% drop in produce output, The Jerusalem Post, June 20, 2024. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/article-807064>

¹⁶ Israel Bureau of statistics, *Agriculture in Israel — 2023* (in Hebrew), 2024. URL: https://www.cbs.gov.il/he/mediarelease/DocLib/2024/159/07_24_159b.pdf

Прогнозирование с оценкой возможных последствий в конкретных показателях является проблематичным по нескольким причинам: боевые действия еще не закончены, как и не известны масштабы возможной эскалации конфликта и его длительности.

Однако возможно рассмотреть сущность данного сектора в перспективе 76 лет существования государства Израиль. Несмотря на неоднократно имевшие место военные конфликты, их внутренние и внешние проявления, террористические атаки, осложняющие сельскохозяйственную деятельность, сельское хозяйство остается стабильным и устойчивым сектором экономики страны. Специализация государства на мировом рынке, как производителя высокотехнологичных и наукоемких услуг так же не оказывает кардинального влияния на спад трендов в сельском хозяйстве, что видно по показателям ВВП и экспорта.

Таким образом, можно говорить о стабильном и сильном современном состоянии сектора сельского хозяйства даже в рамках современного конфликта и в дальнейший период пост эскалации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубсон Б.И. Кибуцы. Путешествие в светлое будущее и обратно. М.: Крафт, 2008.
2. Марьясис Д.А. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. М.: Институт востоковедения РАН, 2015.
3. Мурадян М.А. Роль инноваций в развитии сельского хозяйства по примеру Израиля. Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2020. С. 77–80.
4. Ситдикова Г.З., Хабиров Г.А. О сельском хозяйстве Израиля // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 2. С. 56–57.
5. Федорченко А.В. Экономика переселенческого общества: израильская модель. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
6. Gulati A. et al. Israeli agriculture—Innovation and advancement. From Food Scarcity to Surplus: Innovations in Indian, Chinese and Israeli Agriculture. 2021. pp. 299–358.
7. Halperin H. Changing patterns in Israel agriculture. Routledge, 2019.
8. Heikaph V. Israeli farms face dire straits since Oct. 7, see 80% drop in produce output, The Jerusalem Post, June 20, 2024. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/article-807064>
9. Israel Bureau of statistics, *Agricultural crop area, by district and regional council*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_03.pdf (дата обращения: 09.09.2024)
10. Israel Bureau of statistics, *Agricultural output by industry and product*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_15.pdf (дата обращения: 10.09.2023)
11. Israel Bureau of statistics, *Agricultural output value, by purpose and industry*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_16x.pdf (дата обращения: 10.10.2023)
12. Israel Bureau of statistics, *Agriculture in Israel — 2023* (in Hebrew), 2024. URL: https://www.cbs.gov.il/he/mediarelease/DocLib/2024/159/07_24_159b.pdf

13. Israel Bureau of statistics, *Exports of selected agricultural products*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_17.pdf (дата обращения: 10.11. 2023)
14. Israel Bureau of statistics, *Jobs, output, gross value added and compensation for jobs, by industry and size group*, 2020. URL: <https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2023/1889/t04.pdf> (дата обращения: 10.10.2023)
15. Israel Consulate General of Israel in Bengaluru, *7 Israeli agriculture technologies*. URL: <https://embassies.gov.il/bangalore/NewsAndEvents/Israel news/Pages/Israeli-Agriculture-technology.aspx> (дата обращения: 10.08.2023)
16. Zeira J. The Israeli Economy a Story of Success and Costs, 2021.

REFERENCES

1. Dubson B.I. *Kibutsy. Puteshestvie v svetloe budushchee i obratno*. [Kibbutzim // A Journey in the bright future], М.: Kraft, 2008 (in Russ.).
2. Maryasis D.A. *Opyt postroeniya ekonomiki innovatsii. Primer Izrailya* [The experience of building the economy of innovations, the case of Israel] — IOS RAS. М., 2015. (in Russ.).
3. Muradyan M.A. *Rol' innovatsii v razvitii sel'skogo khozyaistva po primeru Izrailya* [The role of innovations in the development of agriculture after the example of Israel]. *Sovremennaya ekonomika: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii*. 2020, pp. 77–80. (in Russ.).
4. Sitdikova G.Z., Khabirov G.A. *O sel'skom khozyaistve Izrailya* [About the agriculture of Israel]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii*. 2013. #2. pp. 56–57. (in Russ.).
5. Fedorchenko A.V. *Ekonomika pereselencheskogo obshchestva: izrail'skaya model'* [The settlers' economy: the model of Israel]. IOS RAS, М.: 1998. (in Russ.).
6. Gulati A. et al. *Israeli agriculture—Innovation and advancement. /From Food Scarcity to Surplus: Innovations in Indian, Chinese and Israeli Agriculture*, 2021. pp. 299–358.
7. Halperin H. *Changing patterns in Israel agriculture*, — Routledge, 2019.
8. Heikaph V. Israeli farms face dire straits since Oct. 7, see 80% drop in produce output, The Jerusalem Post, June 20, 2024. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/article-807064>
9. Israel Bureau of statistics, *Agricultural crop area, by district and regional council*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_03.pdf (Date of access: 09.09.2024)
10. Israel Bureau of statistics, *Agricultural output by industry and product*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_15.pdf (Date of access: 10.09.2023)
11. Israel Bureau of statistics, *Agricultural output value, by purpose and industry*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_16x.pdf (Date of access: 10.10.2023)
12. Israel Bureau of statistics, *Agriculture in Israel — 2023* (in Hebrew), 2024. URL: https://www.cbs.gov.il/he/mediarelease/DocLib/2024/159/07_24_159b.pdf
13. Israel Bureau of statistics, *Exports of selected agricultural products*, 2022. URL: https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2022/21.shnatonagriculture/st21_17.pdf (Date of access: 10.11. 2023)
14. Israel Bureau of statistics, *Jobs, output, gross value added and compensation for jobs, by industry and size group*, 2020. URL: <https://www.cbs.gov.il/he/publications/doclib/2023/1889/t04.pdf> (Date of access: 10.10.2023)

15. Israel Consulate General of Israel in Bengaluru, *7 Israeli agriculture technologies*. URL: [https://embassies.gov.il/bangalore/NewsAndEvents/Israel news/Pages/Israeli-Agriculture-technology.aspx](https://embassies.gov.il/bangalore/NewsAndEvents/Israel%20news/Pages/Israeli-Agriculture-technology.aspx) (Date of access: 10.08.2023)
16. Zeira J. *The Israeli Economy a Story of Success and Costs*, 2021.

Статья поступила в редакцию 15.09.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 15.09.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

ОБ АВТОРЕ

Голубев Данила Алексеевич — младший научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, аспирант Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; danila.golubev@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Danila A. Golubev — Junior Researcher, Department of Israel and Jewish Communities, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; PhD Student, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; danila.golubev@list.ru

DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-13

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ 13. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» в 2024 г.**

Статьи	№	С.
История		
<i>Акимцева А.А.</i> Влияние гендерного фактора на экономическое развитие Узбекистана в конце XX — начале XXI века	4	73
<i>Асташина Е.О.</i> Из французской колониальной империи — в Республику Индию: особенности интеграции Чандернагора и Пондишери (1950–1960-е годы)	1	102
<i>Башкеев В.В.</i> Личные действия первого императора Хань Гао-цзу (202–195 гг. до н.э.) в сфере государственного управления . .	3	50
<i>Вердиева Л.А.</i> Феномен «кочующего двора» в политической жизни Тимуридов: паломнические маршруты Шахруха (1409–1447 гг.)	1	50
<i>Голубцова Е.В.</i> Борьба за Кашмир: эволюция военной стратегии Пакистана	1	15
<i>Жантиев Д.Р.</i> Исламские консерваторы-традиционалисты против реформаторов-салафитов: «Инцидент с муджтахидами» в османском Дамаске в 1896 г.	2	5
<i>Иконникова Т.Д.</i> «Темное» прошлое для светлого будущего: чрезвычайное положение 1975–1977 гг. в политической риторике Бхаратия джаната парти	2	15
<i>Календарь О.К.</i> Острова Сипадан и Лигитан: камень преткновения между Индонезией и Малайзией	1	5
<i>Лью Т.</i> Восстановление китайско-советских дипломатических отношений в 1931–1932 годах: процесс и условия	4	81
<i>Матвеев Ф.Ю.</i> Зарождение саудидской государственности и ее связь с основами ваххабитского вероучения	1	62

Статьи	№	С.
<i>Мишин Д.Е.</i> Персидское предание о Шйре Фаррохзādāне и принудительное переселение арабов из Мисихи (ал-Анбār) при сасанидском царе Шапуре I (240–271)	1	88
<i>Мишин Д.Е.</i> Принудительное переселение арабов из при Евфратских областей при сасанидском царе Шапуре I (240–271) в историческом контексте	3	36
<i>Никольская К.Д.</i> Поиск жены и друга в индийской традиции . .	2	29
<i>Панцов А.В.</i> Кан Шэн в Москве (1933–1937)	3	5
<i>Сенчицев А.В.</i> «Свою независимость мы добудем силой!»: роль Изз ад-Дина аль-Кассама в трансформации палестинского национального движения	3	72
<i>Старикова М.Н.</i> Участие индийской делегации в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве	2	40
<i>Ульянов М.Ю.</i> Иоганн Герике (1798–1857) как основоположник академической яванистики: заключительный период деятельности (1849–1857)	1	27
<i>Филимонова А.Л.</i> Этнонационализм и политика в современной Южной Азии: фактор Западного Панджаба (вопросы историографии)	4	50
<i>Хлебникова Л.Р., Романенко Р.Е.</i> «Собирание изгнанников» в «Плавильном котле»: политика нациестроительства в Израиле в 1950-е гг.	1	76

Языкознание

<i>Бахматова А.Д.</i> Основные темы русскоязычных исследований по китайской и японской иероглифике и иероглифической лексике второй половины XX — начала XXI века	4	117
<i>Вихрова А.Ю.</i> Слова-классификаторы в путунхуа. Релевантность и иррелевантность использования. Экспериментальное исследование	2	65
<i>Горбачева М.А.</i> Современный иврит в ретроспективе: между литературной нормой и реальностью	4	107
<i>Захарьин Б.А.</i> Функции сакральных артефактов и Бог Огня в ведийском жертвенном ритуале	2	56
<i>Камаданова С.С.</i> Модальные семо-синтаксические конструкции с инфинитивами на -(I)tuñ в пали	3	99

Статьи	№	С.
<i>Румак Н.Г.</i> К типологии переводческих реалий: жесты и мимика в переводе с японского языка на русский	1	135
<i>Софронова Л.В.</i> Пословицы и афоризмы в политической речи (к характеристике идиолекта президента Турции Р.Т. Эрдогана)	3	109
<i>Стрижак У.П.</i> Агентивный потенциал вторичных актантов в японском предложении (опыт корпусного исследования)	1	117
<i>Стрижак У.П.</i> Вторичные актанты в японском предложении: падежное чередование и смена агентивного статуса (опыт корпусного исследования)	4	95
<i>Хохлова Л.В.</i> Пути типологической эволюции новых индоарийских языков	3	85
<i>Цз. Гао, Белолитецкий Р.С.</i> Славянские и синитические общие этимоны для терминов ‘день’, ‘лень’, ‘пень’, ‘стена’, ‘жена’ и ‘один’	2	72

Литературоведение

<i>Ардашникова А.Н., Коняшкина Т.А.</i> «О времени и о себе»: идейно-художественный диапазон женской прозы в современной литературе Ирана	1	146
<i>Балюта К.А.</i> Метаповествование в рассказе Гэ Фэя «Стая бурых птиц»	3	166
<i>Лажути Л.Г.</i> Разговор с небом в поэме-маснави ‘Аттара «Мусибат-наме» и в «Шах-наме» Фирдоуси	4	140
<i>Митькина Е.И.</i> Шпионский роман в Китае в XX–XXI вв.	2	86
<i>Налич Т.С., Богданова Ю.А.</i> Мусульманские коннотации в именах персонажей романов «Каирская трилогия» (1956–1957) и «Предания нашей улицы» (1959) Нагиба Махфуза (1911–2006) и их роль в понимании авторского замысла	3	134
<i>Стеженская Л.В.</i> Первый английский перевод средневекового китайского литературного трактата «Вэнь синь дяо лун»	4	126
<i>Чжан Х., Мескин В.А.</i> Новая китайская литература в призме конфуцианства	3	154
<i>Чихачева Д.В.</i> Ценности китайской культурной революции и даосизма в цикле произведений А Чэна	2	101

Экономика

Статьи	№	С.
<i>Бочарова Л.С.</i> Теневые финансовые потоки в международной торговле арабских стран	1	167
<i>Голубев Д.А.</i> Сельское хозяйство Израиля: развитие и вызовы трагедии 7 октября 2023 года	4	153
<i>Евграфов А.И.</i> Торговые отношения Турции со странами Африки в XXI в.: основные тренды развития	3	176
<i>Карамурзов Р.Б.</i> География и структура внешней торговли Республики Казахстан в 1990-х–2010-х гг.	2	113
 Политология		
<i>Чжан Цзюньи.</i> Научная дипломатия КНР как инструмент внешней политики	2	122
<i>Ши Юйчэнь.</i> Дипломатическая стратегия АСЕАН в условиях динамики конфликта КНР и США — «Баланс великих держав»	1	159
 Рецензии		
<i>Вострикова Е.А.</i> Рецензия на книгу: <i>Чан Джисон.</i> Хангуг-ый хвах-веёнмохва [Корейская живопись растений, птиц и животных]. Сеул: Анкhumelaпхиксы, 2020. 419 с.	1	180
<i>Фролов Д.В.</i> Рецензия на книгу: <i>А.Б. Куделин</i> «“Жизнеописание пророка” Ибн Исхака — Ибн Хишама как памятник средневековой арабской литературы». Москва: ИМЛИ РАН, 2022. 320 с.	1	187
 Научная жизнь		
<i>Громова Н.В.</i> Самые длительные дипломатические отношения России в Африке	2	168
<i>Львова Э.С.</i> Место Африки в мире в прошлом и настоящем	2	175
<i>Урб М.Р.</i> Международная научная конференция «Охотинские чтения»	2	171
 К 270-летию Московского университета		
<i>Кириллина С.А., Смирнов В.Е., Черкасова Т.Д.</i> Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока: 80 лет на службе отечественной науки и высшего образования	4	36
<i>Маслов А.А.</i> Классические традиции и новый импульс развития ИСАА	4	5

Статьи	№	С.
<i>Сафронова А.Л., Шлыков П.В.</i> Историко-политологическое от- деление ИСАА МГУ: достижения и перспективы	4	20
Юбилейные даты		
<i>Кириллина С.А., Валеев Р.М., Валеева Р.З.</i> Переводчик Корана Г.С. Саблуков (1804–1880) и традиции корановедения в России (к 220-летию со дня рождения)	2	181
Памяти...		
<i>Гурия А.Г.</i> Юлия Марковна Алиханова	3	190

ISSN 0201-7385

ISSN 0320-8095

ИНДЕКС 71013 (каталог «Роспечать»)

ИНДЕКС 40552 (каталог «Пресса России»)

ISSN 0201-7385. ISSN 0320-8095

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 13. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ. 2024. Т. 68, № 4. 1–168.